

ISSN 2409-7136 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-07-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права (Франция),
danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-07-2025

Founder: Danilenko Vasilii Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava (Frantsiya), danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2409-7136

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Главный редактор

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «НОТА ВЕНЕ» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Редсовет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (университет Катании, Италия) , доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Гомонов Николай Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета, декан юридического факультета, 183052, г. Мурманск, просп. Кольский, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Беляева Галина Серафимовна – доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет кафедра теории и истории государства и права, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85,

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Боярский Марек - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша; Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Графский Владимир Георгиевич - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором права, государства и политических учений, заведующий Центром теории и истории Института государства и права Российской академии наук. 119019. Россия, г. Москва, ул.Знаменка, д.10.

Герд Винтер - доктор права, профессор, директор Научно-исследовательского Центра Европейского права окружающей среды Бременского университета (г. Бремен, Германия). Universität Bremen, Universitätsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Гузик-Макарук Эва Моника - доктор права, профессор Университета в Белостоке, Польша Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Гуляихин Вячеслав Николаевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета

Даниленко Василий Иванович - кандидат политических наук, председатель совета директоров академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА») 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Даниленко Денис Васильевич - доктор права (Франция), главный редактор журналов «Право и политика» и "Юридические исследования", исполнительный директор академической издательской группы «NOTA BENE» (ООО «НБ-МЕДИА»). 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Желински Мартин - доктор права, профессор, Конституционный трибунал Республики Польша (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Ковлер Анатолий Иванович -доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушкинская ул., 34, Москва, 117218

Курбанов Рашад Афатович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова: 117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., 36

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзноуз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Перихт Алла Альфредовна - кандидат юридических наук, научный сотрудник юридического факультета Университета г. Гамбурга. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Тихомиров Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; 117218, Россия, Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая

кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России. 119019 Москва, ул. Знаменка, д.10, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Чернядьева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор, 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманская, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Бидова Бэла Бертовна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», зав.кафедрой уголовного права, криминологии и национальной безопасности, 364060, Россия, Чеченская республика область, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 7, кв. 63, bela_007@bk.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, оф. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное

бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Кудратов Некруз Абдунабииевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Матвеев Антон Геннадьевич - доктор юридических наук, ФГАОУВО "Пермский государственный национальный исследовательский университет", профессор кафедры гражданского права, la-musica@yandex.ru

Новиков Алексей Валерьевич - доктор педагогических наук, Федеральное казенное учреждение "Научно-исследовательский институт ФСИН России", Главный научный сотрудник, Астраханский государственный университет, Профессор кафедры уголовного права, 140072, Россия, Московская область, пос. Томилино, ул. Пушкина, 59В, -, novikov.pravo@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские садки, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией , 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Council of editors

Editor-in-Chief

Denis Vasiliyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Editorial Board

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Nikolay Dmitrievich Gomonov – Doctor of Law, Professor, North-Western Institute (branch) Moscow University of Humanities and Economics, Dean of the Faculty of Law, 183052, Murmansk, ave. Kola, 51, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Belyaeva Galina Serafimovna – Doctor of Law, Professor, Southwest State University, Department of Theory and History of State and Law, 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia,

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Bojarski Marek - Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Grafsky Vladimir Georgievich - Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Law, State and Political Studies, Head of the Center for Theory and History of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019. Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

Gerd Winter is a Doctor of Law, Professor, Director of the Research Center for European Environmental Law at the University of Bremen (Bremen, Germany). Universit?t Bremen, Universit?tsallee, GW I D 28359 Bremen gwinter@uni-bremen.de

Guzik-Makaruk Eva Monica - Doctor of Law, Professor at the University of Bialystok, Poland Poland, Room 109, ul. Mickiewicza 1, 15-213 Bialystok, Email: ewa.guzik@uwb.edu.pl

Vyacheslav N. Gulyikhin – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Social Work and Pedagogy of Volgograd State University

Danilenko Vasily Ivanovich - Candidate of Political Sciences, Chairman of the Board of Directors of the academic publishing group "NOTA BENE" (LLC "NB-MEDIA) 115114, Moscow,

Paveletskaya Embankment, house 6A, office 211.

Denis Vasilyevich Danilenko - Doctor of Law (France), editor-in-chief of the journals "Law and Politics" and "Legal Studies", Executive Director of the academic publishing group "NOTA BENE" (NB-MEDIA LLC). 115114, Moscow, Paveletskaya Embankment, 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Martin Zelinsky - Doctor of Law, Professor, Constitutional Tribunal of the Republic of Poland (Constitutional Tribunal (Poland))Poland, 00-918 Warsaw, Al. J. Ch. Szucha 12a

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Rashad Afatovich Kurbanov - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Plekhanov Russian University of Economics: 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Roerich Alla Alfredovna - Candidate of Law, Researcher at the Faculty of Law of the University of Hamburg. Universitat Hamburg Mittelweg 177 20148 Hamburg Germany

Tikhomirov Yuri Alexandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., Moscow, 117218, Russia

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity – CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEFU campus,

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Professor, leading researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the IGP RAS, Professor of the Department of UDPOP of the CCSHU Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 10

Znamenka str., Moscow, 119019, E-mail: rwmmos@rambler.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice.
chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia,
aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Bidova Bela Bertovna - Doctor of Law, Kadyrov Chechen State University, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and National Security, 364060, Russia, Chechen Republic region, Grozny, ul. Subry Kishieva, 7, sq. 63, bela_007@bk.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Chief Researcher of the Department of Scientific

Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Matveev Anton Gennadievich - Doctor of Law, Perm State National Research University, Professor of the Department of Civil Law, 614051, Russia, Perm Krai, Perm, ul. Uinskaya, 13, sq. 124, la-musica@yandex.ru

Alexey V. Novikov - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Chief Researcher, Astrakhan State University, Professor of the Department of Criminal Law, 140072, Russia, Moscow region, village. Tomilino, Pushkin str., 59B, -, novikov.pravo@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmmos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhanovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 80 Tuleberdieva Str., Bishkek, 720072, Kyrgyzstan, saifutdinovt@bk.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

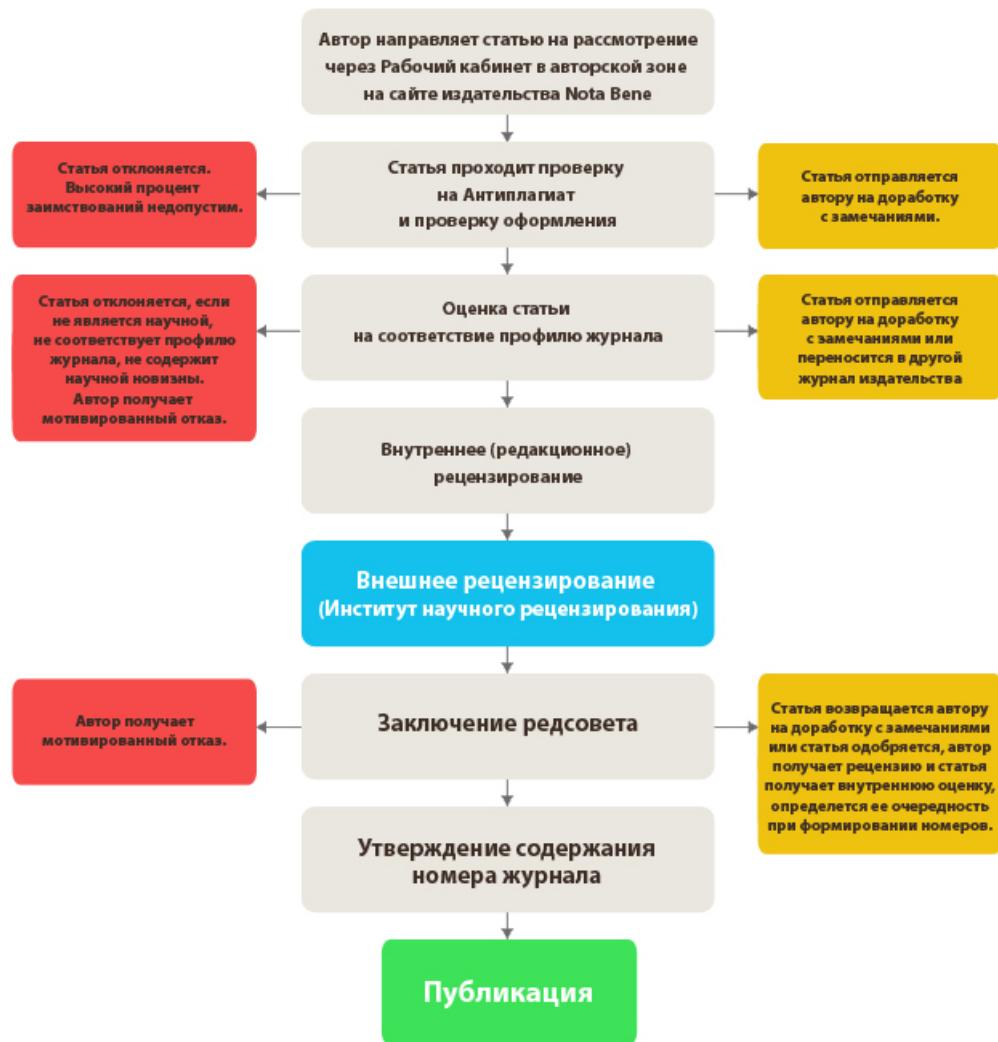
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Коцюрко Е.П. Профилактика нарушений обязательных требований: административно-правовое содержание и перспективы развития в системе государственного контроля (надзора) в сфере высшего образования	1
Андранинова Н.Г. Предпроверочный анализ деятельности налогоплательщиков: проблемы правового регулирования	14
Редникова Т.В. К вопросу о правовом понятии и критериях природоподобных технологий	27
Краснов К.В. «Публичный призыв» и «пропаганда»: уголовно-правовое содержание терминов	44
Чжан Л. Концепции «личной информации» и «персональных данных» в праве Китая и России	53
Остроушко А.В. Проблемы правового регулирования реализации основных направлений научно-технологического развития России	71
Поярков С.Ю. Судебный конституционный контроль и трансформация современного конституционализма: проблемы гармонизации и развития	90
Дымовских А.Ф. Персонологический фактор в уголовно-правовой оценке ДТП с участием водителей средств индивидуальной мобильности: пробелы законодательства и судебная практика	112
Англоязычные метаданные	126

Contents

Kotsyurko E.P. Prevention Violations of Mandatory Requirements: Administrative-Legal Substance and Development Prospects in the State Control (Supervision) System in Higher Education	1
Andrianova N.G. Pre-check analysis of taxpayer activities: problems of legal regulation	14
Rednikova T.V. On the issue of the legal concept and criteria of nature-like technologies	27
Krasnov K.V. "Public call" and "propaganda": the criminal law content of the terms	44
Zhang L. On the concept of 'personal information' and 'personal data' in China and Russia	53
Ostroushko A.V. Issues of legal regulation of the implementation of the main directions of scientific and technological development in Russia.	71
Poyarkov S.Y. Judicial constitutional review and the transformation of modern constitutionalism: problems of harmonization and development	90
Dimovskih A.F. The personological factor in the criminal law assessment of accidents involving personal mobility means users: gaps in legislation and judicial practice	112
Metadata in english	126

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Коцюрко Е.П. Профилактика нарушений обязательных требований: административно-правовое содержание и перспективы развития в системе государственного контроля (надзора) в сфере высшего образования // Юридические исследования. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.6.74624 EDN: VZSANG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74624

Профилактика нарушений обязательных требований: административно-правовое содержание и перспективы развития в системе государственного контроля (надзора) в сфере высшего образования**Коцюрко Елена Петровна**

ORCID: 0009-0008-4395-2200

доцент Центра образовательного инжиниринга, Югорский государственный университет
628012, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16

 [✉ Kotsyurkoe@gmail.com](mailto:Kotsyurkoe@gmail.com)[Статья из рубрики "Административное право"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.6.74624

EDN:

VZSANG

Дата направления статьи в редакцию:

25-05-2025

Дата публикации:

01-06-2025

Аннотация: Предметом исследования выступает институт профилактики нарушений обязательных требований в сфере высшего образования через призму теоретических вопросов его административно-правовой природы и практических аспектов реализации при осуществлении государственного контроля (надзора). В работе проведен анализ теоретико-правовых основ данного института, включая определение его места в системе государственного контроля (надзора) и соотношения с категориями «предупреждение» и «превенция»; выявлены актуальные проблемы правоприменения инструментария профилактической деятельности в сфере высшего образования; предложены меры по совершенствованию его нормативного регулирования и организационно-правовых форм

практической реализации. Особое внимание уделяется обоснованию ключевой роли профилактики в системе государственного контроля (надзора) в сфере высшего образования, при этом акцент делается на необходимости формирования инструментария, направленного не только на предотвращение возможных нарушений обязательных требований и минимизацию рисков негативных последствий, но и на поддержку и поощрение добросовестного соблюдения обязательных требований контролируемыми лицами. Методологическую основу исследования составили общетеоретические (анализ, синтез, дедукция, системно-структурный метод) и частно-научные (статистический) методы. В рамках специально-научной методологии был применен формально-юридический метод, обеспечивший системный анализ и толкование норм действующего законодательства. Результаты исследования показали, что недостаточность инструментария для поддержки и поощрения добросовестного соблюдения обязательных требований, предопределяет вынужденность ориентации Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (далее – Рособрнадзор) на упреждающе-карательный подход при осуществлении профилактических мероприятий. Преодоление данной проблемы представляется возможным через развитие независимой и самостоятельной оценки контролируемыми лицами уровня соблюдения обязательных требований. Новизна исследования заключается в выявлении и обосновании потенциала механизма административно-правового регулирования в сфере высшего образования для расширения инструментария обеспечения добросовестного соблюдения обязательных требований. Предлагаемые в работе варианты интеграции в данный инструментарий результатов таких процедур, как независимая оценка качества образования, рейтингование и самообследование, в системной связи с практической реализацией риск-ориентированного подхода, способствуют достижению баланса во взаимодействии государства, общества и образовательных организаций как одного из ориентиров совершенствования контрольной (надзорной) деятельности.

Ключевые слова:

профилактика, нарушения обязательных требований, высшее образование, контроль, превенция, предостережение, профилактический визит, меры стимулирования добросовестности, самообследование, риск-ориентированный подход

Одним из ключевых ориентиров реформирования контрольной (надзорной) деятельности выступает переход от карательного к превентивному подходу в деятельности контрольных (надзорных) органов и формирование новой системы профилактики, основанной на взаимодействии и партнерстве государства и субъектов экономической деятельности.

Особое значение смещение данного акцента в сторону усиления значимости профилактики имеет в сфере высшего образования. Данная сфера характеризуется значительным количеством специфических средств управленческого воздействия и процедур, к которым относятся различные виды контроля (например, ведомственный контроль, контроль за использованием федерального имущества), широкий спектр мониторингов, включая аккредитационный мониторинг, процедуры независимой оценки качества образования и многие другие. Образовательные организации практически ежедневно вынуждены предоставлять различные отчеты через многочисленные информационные системы. В условиях подобного избыточного контрольно-надзорного

воздействия становится актуальным вопрос о необходимости совершенствования и оптимизации имеющегося инструментария государственного контроля (надзора) как одного из элементов государственной регламентации образовательного процесса. Происходящие трансформационные процессы в контексте перехода к реализации новой модели высшего образования усиливают необходимость совершенствования механизмов публичного управления в исследуемой сфере, в том числе разработки таких подходов к организации и осуществлению контрольной (надзорной) деятельности, которые бы учитывали особенности текущих преобразований. В этих условиях профилактика становится ключевым механизмом, позволяющим сконцентрировать усилия контрольных (надзорных) органов на «зонах потенциально высокого риска», где применение контрольно-надзорных мер объективно необходимо для обеспечения безопасности и защиты публичных интересов. Указанная значимость профилактического подхода обуславливает необходимость комплексного исследования его теоретико-правовых основ и практических проблем реализации.

Происхождение дефиниции «профилактика», как правило, связывается с медициной, где она используется с точки зрения характеристики направленности соответствующих мероприятий на предупреждение того или иного явления и (или) устранение факторов риска [\[1\]](#). Основное распространение в правовых исследованиях понятие «профилактика» получило в рамках развития науки криминологии [\[2\]](#), значительное внимание вопросам предупреждения правонарушений также было уделено представителями административной деликтологии [\[3\]](#),[\[4\]](#),[\[5\]](#).

Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в РФ» от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ (далее – Закон «О государственном контроле (надзоре)»), ознаменовавший начало нового периода регулирования контрольной (надзорной) деятельности, так и не смог преодолеть имеющуюся неопределенность в регламентации профилактики, что стало своеобразным драйвером для нового этапа научных изысканий. Следует отметить, что научная дискуссия в административном праве сложилась преимущественно по вопросам о связи профилактики и принуждения, о ее соотношении с такими категориями, как «предупреждение» и «превенция», а также о месте профилактики в системе контроля (надзора).

В научном дискурсе профессора С. М. Зубарева отсутствует термин «профилактика» – вместо него используются схожие по значению категории «превенция» и «предупреждение». При этом ученый, именуя предупредительную деятельность «позитивным (предупредительным) контролем», определяет ее сущностную направленность упреждением «предпосылок правонарушений посредством стимулирования правопослушного поведения» у лиц, подлежащих контролю. Как следует из теоретических рассуждений С. М. Зубарева, ядро его концепции предупредительных мер составляют мероприятия, не связанные с применением принудительных мер воздействия [\[6, с. 30, 64\]](#).

В своих рассуждениях о месте государственного контроля (надзора) в системе мер административного принуждения С. А. Агамагомедова утверждает о постепенном доминировании контрольно-надзорного воздействия, лишенного явного принуждения. Раскрывая данный тезис, автор обращается к профилактике, определяя ее как «управленческое воздействие, не несущее ограничений организационного и иного характера» [\[7, с. 101\]](#). В системе государственной контрольно-надзорной деятельности ученый подчеркивает статус профилактики в качестве «нормативно закрепленной составляющей», отмечая при этом проблемный характер определения специфики ее

целей и выявления хронологической обособленности. Фокусируясь на некоторых проблемных вопросах, С. А. Агамагомедова приходит к умозаключению об отсутствии однозначных ответов о четком структурированном месте профилактики в инструментарии контроля (надзора) [\[8, с. 158–159\]](#).

Некоторая двойственность в трактовке соотношения понятий «профилактика» и «предупреждение» усматривается в позиции Е. Н. Смирновой. С одной стороны, автор рассматривает предупреждение как цель профилактических мер, а с другой – проводит между ними содержательное различие. Исследователь, в частности, понимает предупреждение как противодействие непосредственному источнику риска или опасности, что уже профилактики, нацеленной на устранение потенциальных факторов, порождающих риски. Проведя комплексное исследование, Е. Н. Смирнова приходит к заключению, что профилактика представляет собой самостоятельное направление контрольно-надзорной деятельности, которое тесно связано с остальными ее формами (проверки, мониторинг, обследования) [Смирнова Е. Н. Административно-правовое регулирование профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении государственного контроля (надзора): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. С. 38, 48, 96].

Согласно другой позиции включение профилактической деятельности в полномочия контрольно-надзорного органа само по себе не является достаточным основанием для отнесения такой деятельности к элементам государственного контроля (надзора) [\[9\]](#). Профилактика рассматривается как элемент прогрессивной регуляторной политики и «потенциально весьма эффективного средства регулирования». Как отмечает профессор С. М. Зырянов, по сути, вся контрольно-надзорная деятельность является профилактической, в связи с чем отделение профилактических мероприятий выглядит как отклонение от общего направления развития контроля (надзора) [\[10, с. 61\]](#).

Попытка авторского подхода к разграничению понятий превенции, предупреждения и профилактики представлена в научных трудах А. М. Переседова. В предложенной исследователем концепции профилактика выступает частью превенции, при этом разграничение осуществляется исходя из специального субъектного состава и характера воздействия [Переседов А. М. Административно-правовая превенция в контрольной (надзорной) деятельности федеральных органов исполнительной власти: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 13–14, 61, 179–180]. Собственно профилактику исследователь позиционирует как часть контроля (надзора) [\[11\]](#), а в административную превенцию, учитывая ее сложный и многоаспектный характер, включает также превентивные мероприятия, проведение которых зависит исключительно от усмотрения контролируемых лиц [\[12, с. 255\]](#).

Представленные позиции свидетельствуют о сложности и неоднозначности правовой природы профилактики. Хотя рассмотренные подходы обладают несомненной научной ценностью, однако требуется их определенное уточнение для исследуемой сферы.

Во-первых, полагаем, что профилактика нарушений обязательных требований, безусловно, может быть рассмотрена в широком смысле как вид деятельности, который, как подчеркивает С. М. Зырянов, в действительности должен осуществляться на всех стадиях регуляторного цикла, где возникает возможность взаимодействия субъекта регулирования с контролируемыми лицами [\[13\]](#). При этом действующее законодательное регулирование предлагает более узкий подход к данному феномену, определяя профилактику в качестве отдельного направления контрольной (надзорной)

деятельности. Данную логику законодателя можно поддержать исключительно как попытку выделить в составе контрольно-надзорной деятельности самостоятельное направление, сущностное содержание которого составляют инструменты, ориентированные на обеспечение добровольного и осознанного соблюдения обязательных требований контролируемыми лицами, что должно предполагать добровольный характер проводимых профилактических мероприятий.

Во-вторых, применительно к исследуемой сфере образования безосновательным полагаем подход, предполагающий ограничение профилактики исключительно деятельностью контрольных (надзорных) органов и ее позиционирование в этом смысле в качестве части превенции. Считаем, что в действующей системе управления высшим образованием в имеющихся инструментах общественного и профессионального контроля уже заложен значительный потенциал использования независимой оценки соблюдения обязательных требований, а также самостоятельного определения контролируемыми лицами уровня соблюдения обязательных требований. Развитие профилактики в контексте усиления значимости роли в данной деятельности самих контролируемых лиц в полной мере согласуется с поставленной в Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 21.12.2023 г. № 3745-р, задачей по стимулированию данных лиц к самостоятельному поддержанию высокого уровня соответствия объектов контроля установленным обязательным требованиям. В этом смысле действительно можно утверждать, что контролируемые лица выступают не только объектом, но и субъектом профилактической деятельности, что, безусловно, должно быть отражено в законодательных положениях.

В-третьих, представляется недостаточно удачным использование термина «стимулирование» в контексте определения целевой направленности профилактики, в этой связи предлагается рассматривать формулировку «поддержка и поощрение добросовестного поведения» как более точно отражающую смысл данной деятельности. Использование термина «стимулирование» в отношении регулирования поведения субъектов может предполагать логическое умозаключение, что в исходном положении субъект действует недобросовестно, и его требуется «мотивировать» посредством внешних стимулов, в том числе негативных, для изменения поведения, кроме того, при стимулировании основная ответственность переносится на государство, которое как будто «заставляет» субъекта действовать. В свою очередь поддержка и поощрение исходят из презумпции добросовестности контролируемого лица, предполагают создание благоприятных условий, содействие и вознаграждение инициативы в условиях партнерских отношений и развития сотрудничества, при которых ответственность и инициатива добросовестного поведения лежат преимущественно на самом субъекте.

Регламентация профилактики в сфере высшего образования осуществляется базовыми нормативными положениями Закона «О государственном контроле (надзоре)» и Положением о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 25.06.2021 г. № 997 (далее – Положение о контроле (надзоре) в сфере образования). К сожалению, обращение к правоприменительной практике за период с 2017 по 2024 гг. позволяет утверждать о недостаточности установленного инструментария для поддержки и поощрения добросовестного соблюдения обязательных требований. Указанные факторы предопределяют вынужденность применения упреждающе-карательного подхода в профилактической деятельности Рособрнадзора.

Данная вынужденность видится в развитии преимущественно такой профилактической меры как предостережение, количество случаев объявления которого за период с 2018

по 2024 гг. выросло более чем в 37 раз (в 2018 г. – 14, в 2024 г. – 524). При этом неоднократно Рособрнадзор высказывал позицию о необходимости нормативного установления направления контролируемым лицом информации о принятых мерах в рамках исполнения предостережения [Доклад о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования за 2022 год [Электронный ресурс]. URL: https://obrnadzor.gov.ru/wp-content/uploads/2023/03/kopiya-forma-doklada_obrazovanie-2022-sluzhba.pdf. (дата обращения: 12.03.2024)]. Подобная практика встречается в некоторых отраслевых положениях, что, как отмечает С. М. Зырянов, вносит некоторую «странность» в регулирование действий, совершаемых в добровольном порядке [\[13\]](#). Не умаляя назначение предостережения как правового средства, направленного на предупреждение о необходимости соблюдения закона и необходимости учета предостережений со стороны контрольного (надзорного) органа и их использования для проведения других профилактических и контрольных (надзорных) мероприятий, полагаем данную практику, а соответственно, и предложения контрольного (надзорного) органа в исследуемой сфере не в полной мере обоснованными, поскольку их практическая реализация усиливает риск превращения предостережений в форму обязательных предписаний. Показательными в этом смысле являются выводы Рособрнадзора, представленные в докладе о правоприменительной практике за 2023 год [Доклад о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования за 2023 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Рособрнадзора. Режим доступа: <https://obrnadzor.gov.ru/wp-content/uploads/2024/03/doklad-obrazovanie-2023.pdf> (дата обращения: 07.03.2024)], о недостаточности объявления предостережений как способа предотвращения нарушений, что требует усиления значения предписаний как «более действенной меры устранения нарушений и недопущения их проявления в будущем», в том числе при проведении контрольных (надзорных) мероприятий без взаимодействия с контролируемым лицом. Подобный подход отражает сохранение традиционной, преимущественно карательной направленности контрольно-надзорной деятельности в сфере образования.

Также нельзя не отметить противоречивый характер регулирования и правоприменения профилактического визита. Указанное противоречие в большей степени было обусловлено установлением особого регулирования применительно к образовательным организациям в условиях «надзорного моратория». Анализ правоприменительной практики Рособрнадзора показывает ограниченную практику применения профилактических визитов (во втором полугодии 2021 г. было проведено всего 2 подобных мероприятия, в 2022 г. – 19, в 2023 г. – 24, в 2024 г. – 34). Следует отметить, что все без исключения контрольные (надзорные) мероприятия носили обязательный характер и касались исключительно образовательных организаций высшего образования, прошедших процедуру лицензирования образовательной деятельности.

Начиная с 2025 года, согласно изменениям Федерального закона от 28.12.2024 № 540-ФЗ, законодательная рамка предполагает проведение контрольными (надзорными) органами профилактических визитов на основании ст. 52, 52.1 и 52.2 Закона «О государственном контроле (надзоре)», что в полной мере относится и к исследуемому виду контроля (надзора). Ключевой особенностью новой редакции закона стало сохранение преемственности с ранее действовавшим механизмом «надзорного моратория» в части правовой возможности выдачи предписания контролируемому лицу или его учредителю по результатам профилактического визита. Представляется, что данные положения нивелируют превентивный характер профилактики, в некотором смысле размывают границы между профилактическими и контрольными (надзорными) мероприятиями и, по сути, усиливают риск подмены проверок другим «суррогатным»

видом контрольного (надзорного) мероприятия. В этой связи необходимо поддержать позицию Е. А. Дмитриковой, которая отмечает, что новые качественные характеристики профилактического визита в определенной степени демонстрирует трансформацию профилактики, обоснованно подчеркивая при этом недопустимость приведения данной трансформации к подмене средств осуществления контрольно-надзорной деятельности [\[14, с. 604, 614-615\]](#).

Преодоление обозначенных проблем практической реализации института профилактики нарушений обязательных требований в исследуемой сфере представляется возможным через развитие инструментов независимой и самостоятельной оценки соблюдения обязательных требований, а также расширение механизмов нематериального поощрения добросовестных контролируемых лиц.

Следует поприветствовать новеллы Положения о контроле (надзоре) в сфере образования в редакции Постановления Правительства РФ от 29.12.2023 г. № 2398, согласно которым меры стимулирования добросовестности были включены в перечень видов профилактических мероприятий. В предложенных критериях удалось отразить особый инструментарий исследуемой сферы, отсутствующий в Законе «О государственном контроле (надзоре)», вместе с тем необходимо обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, усматривается противоречие в представленных формулировках, касающееся требований к соответствуанию критериям добросовестности. В абзаце 8 пункта 25.1 Положения о контроле (надзоре) в сфере образования указано, что достаточно соответствия одному из трех установленных критериев, в то время как абзац 9 того же пункта предполагает необходимость соответствия всем критериям одновременно.

Во-вторых, представляется несогласованной с действующим регулированием формулировка критерия о выполнении аккредитационных показателей, установленных по результатам аккредитационного мониторинга, из-за отсутствия привязки к минимальному значению итогового балла, определенному в качестве порогового значения для образовательных организаций высшего образования. Также вызывает сомнение обоснованность установления критерия о выполнении не менее 100 % показателей мониторинга системы образования ввиду терминологической и содержательной неоднородности инструментария мониторингов в системе образования [\[15, с. 61, 64\]](#).

Представляется, что развитие данных мер стимулирования как вида профилактического мероприятия может быть связано с институтом независимой оценки соблюдения обязательных требований. Действующее законодательное регулирование данного механизма (глава 11 Закона «О государственном контроле (надзоре)») в настоящее время не допускает его применения в исследуемой сфере высшего образования ввиду отсутствия в системе высшего образования независимой оценки, соответствующей формальным требованиям об аккредитации независимого органа и особым требованиям к ее проведению, а также действующих саморегулируемых организаций с добровольным членством. Вместе с тем не разделяем доводы ученых о необходимости развития института независимой оценки в сфере образования путем использования процедур аттестации, регистрации или сертификации [\[16, с. 186\]](#), в особенности дополненных определением роли «сертифицирующего органа» Рособрнадзора с последующей передачей данной функции независимым негосударственным структурам [\[17, с. 153\]](#). Полагаем, что в действующей системе управления высшим образованием уже заложен существенный потенциал использования независимой оценки в имеющихся инструментах

общественного и профессионального контроля. Образовательная деятельность имеет свои уникальные особенности, поэтому применение стандартных подходов к независимой оценке может оказаться недостаточно эффективным. В этой связи представляется обоснованным уточнение содержания и расширение границ независимой оценки соблюдения обязательных требований для обеспечения правовых условий применения инструментов общественно-профессиональной оценки, характерных для сферы образования.

Расширение перечня критериев добросовестности также полагаем обоснованным за счет включения в их число позиции образовательной организации высшего образования в одном из специализированных рейтингов, что, на наш взгляд, подчеркнет особенности образовательной среды и ее инструментария, предопределенные спецификой государственно-общественного характера управления системой высшего образования. В качестве возможного критерия может рассматриваться включение образовательной организации высшего образования в число 300 ведущих университетов согласно национальному агрегированному рейтингу. Сегодня данный рейтинг вузов представляет собой комплексный инструмент оценки и сопоставления ведущих университетов страны по ключевым направлениям их деятельности. Ключевой особенностью построения данного рейтинга является отход от классического подхода позиционного ранжирования вузов, вместо которого используется группировка университетов по лигам. Стоит отметить, что в 2024 году в рейтинг вошли 686 российских вузов, которые были распределены по 10 лигам, при этом в премьер-лигу вошли 40 университетов, в 1-3 лиги – 263, в красную «тревожную» зону 118 вузов [Национальный агрегированный рейтинг [Электронный ресурс]. URL: <https://best-edu.ru/ratings/national/nacionalnyj-agregirovannyj-rejting#ranking>. (дата обращения: 07.03.2025)].

Представляется, что расширение инструментария стимулирования добросовестности должно предполагать внедрение модели выборочного соответствия критериям, при которой образовательные организации получают возможность выбирать из утвержденного перечня те параметры добросовестности, которым они могут соответствовать. Данный подход в большей степени способствует повышению гибкости риск-ориентированной модели оценки при сохранении ее стимулирующей функции.

Несмотря на нормативное признание необходимости нематериального поощрения добросовестных контролируемых лиц, за пределами профилактической деятельности по-прежнему оставлена такая профилактическая мера, как самообследование. Самообследование как отдельный вид профилактических мероприятий регламентируется ст. 51 Закона «О государственном контроле (надзоре)», при этом включение данного вида профилактического мероприятия в отраслевые положения не является распространенным ввиду установленного «режима необязательности». Вместе с тем, несмотря на практическую нереализованность нормы о самообследовании в деятельности контрольных (надзорных) органов, разделяем мнения о конструктивности и востребованности данного механизма «на современном уровне развития взаимоотношений между контролируемыми и контролирующими лицами» [18], в особенности в сфере высшего образования.

Однако в исследуемой сфере усматривается терминологическая коллизия между данным видом профилактического мероприятия и самообследованием, проводимым образовательными организациями во исполнение п. 3 ч. 2 ст. 29 Закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ. Предмет самообследования образовательных организаций, безусловно, отличается от предмета

самообследования как вида профилактического мероприятия в рамках государственного контроля (надзора), определенного рамками оценки контролируемым лицом уровня соблюдения им обязательных требований. Вместе с тем полагаем, что, учитывая длительный опыт использования образовательными организациями в рамках проводимых процедур инструментов самооценки, расширение инструментов профилактической работы в отношении образовательных организаций высшего образования за счет включения в их перечень оценки уровня соблюдения обязательных требований в формате самообследования было бы вполне обоснованным. Автоматизированным форматом оценки при этом могло бы выступить тестирование на официальном сайте контрольного (надзорного) органа, в том числе с использованием утвержденных форм проверочных листов.

Перспективность применения данного вида профилактического мероприятия обусловлена не только преимущественно низкорискованным характером деятельности, являющейся предметом рассматриваемого вида контроля (надзора), но и согласованностью с принципом автономии как одним из ключевых для сферы высшего образования. Возможность подачи декларации по итогам успешного прохождения процедуры самообследования могла бы иметь значение для осуществления образовательной деятельности главным образом во взаимодействии с участниками отношений в сфере образования как подтверждение добросовестности в соблюдении законодательства, выступая в некотором смысле дополнительным элементом поддержки имиджа университетов и повышения их конкурентоспособности. При самостоятельной фиксации нарушений в рамках проведения самообследования образовательная организация получает шанс заблаговременно принять необходимые меры, что позволит избежать применения мер административного принуждения в рамках последующих контрольных (надзорных) мероприятий.

Результаты самообследования также полагаем справедливым учитывать при планировании мероприятий по контролю (надзору) в рамках риск-ориентированного подхода, в особенности при оценке добросовестности контролируемых лиц в виде установления возможностей снижения присвоенной категории риска в случае получения высоких результатов прохождения самостоятельной оценки уровня соблюдения обязательных требований. Полагаем, что внедрение данной практики позволит обеспечить баланс между профилактикой рисков и объемом административной нагрузки на образовательные организации, а также повысит эффективность самоконтроля [\[19, с. 311\]](#), что в полной мере соответствует новым ориентирам Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года.

Представляется, что обозначенные вопросы и проблемные аспекты свидетельствуют о необходимости продолжения трансформации контрольной (надзорной) деятельности в сфере высшего образования в целях формирования и развития системы профилактики, способствующей не только снижению избыточной административной нагрузки на образовательные организации, но и поддержанию законности, эффективности и качества образовательной деятельности в условиях, обеспечивающих добровольное соблюдение обязательных требований в системной связи с практической реализацией риск-ориентированного подхода.

Библиография

1. Алексеенко С. Н., Дробот Е. В. Профилактика заболеваний: учебное пособие. М.: Академия естествознания, 2015. 146 с.
2. Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика: [Учебник для Акад. МВД

- СССР]. Москва: Б. и., 1980. 526 с.
3. Репьев А. Г., Васильков К. А. "Превенция" как правовая категория: в порядке научной дискуссии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 35-42.
4. Дерюга А. Н. Профилактика и предупреждение административных и иных правонарушений: теоретико-прикладные сходства и отличия // Административное право и процесс. 2016. № 10. С. 44-49.
5. Смирнов Д. А., Соколов А. Ю. К вопросу об административно-предупредительных мерах // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3 (86). С. 103-108.
6. Зубарев С. М. Система контроля в сфере государственного управления: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2023. 152 с.
7. Агамагомедова С. А. Государственный контроль и надзор в системе мер административного принуждения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 4. С. 98-103.
8. Агамагомедова С. А. Профилактика нарушений обязательных требований при проведении таможенного контроля и надзора: теоретико-правовые аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8, № 2(30). С. 155-165.
9. Регуляторная политика Российской Федерации: правовые проблемы формирования и реализации: монография / ред.: А. Ф. Ноздрачев [и др.]. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 288 с.
10. Зырянов С. М. Современное представление о месте государственного контроля (надзора) в механизме правового регулирования в спектре формирования регуляторной политики // Публичное право сегодня. 2023. № 2(16). С. 55-67.
11. Переседов А. М. Институт превенции в законодательстве о контроле (надзоре) // Административное право и процесс. 2021. № 11. С. 51-54.
12. Переседов А. М., Черкасов К. В., Домрачев Д. Г. Административная превенция в условиях моратория на контрольные (надзорные) мероприятия: состояние и перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 254-261.
13. Зырянов С. М. Государственный контроль (надзор): монография. М.: Юридическая фирма Контракт, 2023. 231 с.
14. Дмитрикова Е. А. Развитие инструментов профилактики нарушений обязательных требований: новые качества профилактического визита // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15, № 3. С. 604-616.
15. Коцюрко Е. П. Мониторинг как специальный режим государственного контроля (надзора) в сфере высшего образования // Административно-правовые режимы в деятельности публичной администрации: Материалы III Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной памяти Д. Н. Бахраха, Екатеринбург, 15 ноября 2023 года. Екатеринбург, 2024. С. 59-69.
16. Государственная регламентация образовательной деятельности: монография / А. Г. Чернявский, Д. А. Пашенцев, Н. М. Ладнушкина, С. И. Феклин. М.: Инфра-М, 2020. 200 с.
17. Кирилловых А. А. Риск-ориентированный подход при осуществлении государственного надзора в сфере высшего образования // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2022. Т. 17, № 22. С. 140-160.
18. Евдокимов А. С., Сергун П. П. Система профилактических мероприятий, применяемых при осуществлении государственного контроля (надзора): оценка регулирующего воздействия // Административное право и процесс. 2023. № 7. С. 53-59.
19. Кропачев Н. М., Дмитрикова Е. А., Лаврикова М. Ю., Соловьев А. А. Риск-ориентированный подход при организации контроля (надзора) в образовании // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. 2023. Т. 14, № 2. С. 307-

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, профилактика нарушений обязательных требований. Автор сосредоточил внимание на анализе административно-правового содержания и перспектив развития в системе государственного контроля (надзора) в сфере высшего образования. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Одним из ключевых ориентиров реформирования контрольной (надзорной) деятельности выступает переход от карательного к превентивному подходу в деятельности контрольных (надзорных) органов и формирование новой системы профилактики, основанной на взаимодействии и партнерстве государства и субъектов экономической деятельности. Особое значение смещение данного акцента в сторону усиления значимости профилактики имеет в сфере высшего образования. Данная сфера характеризуется значительным количеством специфических средств управленческого воздействия и процедур, к которым относятся различные виды контроля (например, ведомственный контроль, контроль за использованием федерального имущества), широкий спектр мониторингов, включая аккредитационный мониторинг, процедуры независимой оценки качества образования и многие другие. Образовательные организации практически ежедневно вынуждены предоставлять различные отчеты через многочисленные информационные системы. В условиях подобного избыточного контрольно-надзорного воздействия становится актуальным вопрос о необходимости совершенствования и оптимизации имеющегося инструментария государственного контроля (надзора) как одного из элементов государственной регламентации образовательного процесса. Происходящие трансформационные процессы в контексте перехода к реализации новой модели высшего образования усиливают необходимость совершенствования механизмов публичного управления в исследуемой сфере, в том числе разработки таких подходов к организации и осуществлению контрольной (надзорной) деятельности, которые бы учитывали особенности текущих преобразований. В этих условиях профилактика становится ключевым механизмом, позволяющим сконцентрировать усилия контрольных (надзорных) органов на «зонах потенциально высокого риска», где применение контрольно-надзорных мер объективно необходимо для обеспечения безопасности и защиты публичных интересов. Указанная значимость профилактического подхода обуславливает необходимость комплексного исследования его теоретико-правовых основ и практических проблем реализации". Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Во-первых, полагаем, что профилактика нарушений обязательных требований, безусловно, может быть рассмотрена в широком смысле как вид деятельности, который, как подчеркивает С. М. Зырянов, в действительности должен осуществляться на всех стадиях регуляторного цикла, где возникает возможность взаимодействия субъекта регулирования с контролируемыми лицами [13]. При этом действующее законодательное регулирование

предлагает более узкий подход к данному феномену, определяя профилактику в качестве отдельного направления контрольной (надзорной) деятельности. Данную логику законодателя можно поддержать исключительно как попытку выделить в составе контрольно-надзорной деятельности самостоятельное направление, сущностное содержание которого составляют инструменты, ориентированные на обеспечение добровольного и осознанного соблюдения обязательных требований контролируемыми лицами, что должно предполагать добровольный характер проводимых профилактических мероприятий. Во-вторых, применительно к исследуемой сфере образования безосновательным полагаем подход, предполагающий ограничение профилактики исключительно деятельностью контрольных (надзорных) органов и ее позиционирование в этом смысле в качестве части превенции. Считаем, что в действующей системе управления высшим образованием в имеющихся инструментах общественного и профессионального контроля уже заложен значительный потенциал использования независимой оценки соблюдения обязательных требований, а также самостоятельного определения контролируемыми лицами уровня соблюдения обязательных требований"; "В-третьих, представляется недостаточно удачным использование термина «стимулирование» в контексте определения целевой направленности профилактики, в этой связи предлагается рассматривать формулировку «поддержка и поощрение добросовестного поведения» как более точно отражающую смысл данной деятельности. Использование термина «стимулирование» в отношении регулирования поведения субъектов может предполагать логическое умозаключение, что в исходном положении субъект действует недобросовестно, и его требуется «мотивировать» посредством внешних стимулов, в том числе негативных, для изменения поведения, кроме того, при стимулировании основная ответственность переносится на государство, которое как будто «заставляет» субъекта действовать. В свою очередь поддержка и поощрение исходят из презумпции добросовестности контролируемого лица, предполагают создание благоприятных условий, содействие и вознаграждение инициативы в условиях партнерских отношений и развития сотрудничества, при которых ответственность и инициатива добросовестного поведения лежат преимущественно на самом субъекте"; "Не умаляя назначение предостережения как правового средства, направленного на предупреждение о необходимости соблюдения закона и необходимости учета предостережений со стороны контрольного (надзорного) органа и их использования для проведения других профилактических и контрольных (надзорных) мероприятий, полагаем данную практику, а соответственно, и предложения контрольного (надзорного) органа в исследуемой сфере не в полной мере обоснованными, поскольку их практическая реализация усиливает риск превращения предостережений в форму обязательных предписаний. Показательными в этом смысле являются выводы Рособрнадзора, представленные в докладе о правоприменительной практике за 2023 год [Доклад о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования за 2023 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Рособрнадзора. Режим доступа: <https://obrnadzor.gov.ru/wp-content/uploads/2024/03/doklad-obrazovanie-2023.pdf> (дата обращения: 07.03.2024)], о недостаточности объявления предостережений как способа предотвращения нарушений, что требует усиления значения предписаний как «более действенной меры устранения нарушений и недопущения их проявления в будущем», в том числе при проведении контрольных (надзорных) мероприятий без взаимодействия с контролируемым лицом. Подобный подход отражает сохранение традиционной, преимущественно карательной направленности контрольно-надзорной деятельности в сфере образования" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части статьи автор анализирует сущность и особенности профилактики нарушений обязательных требований в системе государственного контроля (надзора) в сфере высшего образования, выявляет соответствующие проблемы и предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы и предложения по результатам проведенного исследования. Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено небольших недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Происхождение дефиниции «профилактика», как правило, связывается с медициной, где она используется с точки зрения характеристики направленности соответствующих мероприятий на предупреждение того или иного явления и (или) устранение факторов риска [1]" - "Происхождение понятия" (стилистическая неточность).

Библиография исследования представлена 19 источниками (монографиями, научными статьями, учебником, учебным пособием). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (С. А. Агамагомедова, Е. А. Смирнова, А. Г. Чернявский, Д. А. Пашенцев и др.)), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Представляется, что обозначенные вопросы и проблемные аспекты свидетельствуют о необходимости продолжения трансформации контрольной (надзорной) деятельности в сфере высшего образования в целях формирования и развития системы профилактики, способствующей не только снижению избыточной административной нагрузки на образовательные организации, но и поддержанию законности, эффективности и качества образовательной деятельности в условиях, обеспечивающих добровольное соблюдение обязательных требований в системной связи с практической реализацией риск-ориентированного подхода"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере административного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), устранении нарушения в оформлении статьи.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Андианова Н.Г. Предпроверочный анализ деятельности налогоплательщиков: проблемы правового регулирования // Юридические исследования. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.6.74824 EDN: QWYTYN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74824

Предпроверочный анализ деятельности налогоплательщиков: проблемы правового регулирования

Андианова Наталья Геннадьевна

кандидат юридических наук

научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Институт государства и права Российской академии наук

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

✉ natalia.g.andrianova@gmail.com

[Статья из рубрики "Финансовое и налоговое право"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.6.74824

EDN:

QWYTYN

Дата направления статьи в редакцию:

12-06-2025

Дата публикации:

24-06-2025

Аннотация: В статье исследуется предпроверочный анализ деятельности налогоплательщиков как новая форма налогового контроля. Было выявлено, что в последнее время характер осуществления деятельности в рамках предпроверочного анализа со стороны налоговых органов стал существенно изменяться, что привело к превращению этой деятельности из собственно аналитической в контрольную. Автором анализируются основные принципы и порядок осуществления предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков, выявляются проблемы правового регулирования и порядка осуществления предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков. Указывается, что в настоящее время порядок и принципы осуществления предпроверочного анализа регламентируются внутриведомственными актами

Федеральной налоговой службы России, которые имеют гриф "для служебного пользования", что исключает возможность ознакомления налогоплательщиков с этими внутриведомственными документами. При этом, такой порядок правового регулирования данной формы налогового контроля содержит в себе риски нарушения прав и законных интересов налогоплательщиков. При проведении настоящего исследования были использованы общенаучные методы (диалектический метод научного познания, системный метод, методы анализа, синтеза, обобщения, индукции, дедукции, наблюдения, объяснения, толкования и классификации, описания понятий и терминов) и специальные юридические методы (в частности, формально-юридический метод). На основе проведенного анализа теоретических подходов, позиций ученых и практикующих специалистов в отношении правовой природы предпроверочного анализа, порядка осуществления предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков автором сделан вывод о том, что предпроверочный анализ деятельности налогоплательщиков является новой формой налогового контроля, так как представляет собой комплекс мероприятий, осуществляемых налоговыми органами в рамках налогового контроля и имеющих правовые последствия для налогоплательщика. В связи с этим, предложено включить в главу 14 «Налоговый контроль» Налогового кодекса Российской Федерации ряд правовых норм, регламентирующих порядок осуществления предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков. Для защиты прав и законных интересов налогоплательщиков предложено детализировать права и обязанности налоговых органов и налогоплательщиков в рамках данной формы налогового контроля.

Ключевые слова:

налоговый контроль, предпроверочный анализ, формы контроля, мероприятия контроля, налоговые органы, налогоплательщик, налоговая недоимка, сочетание интересов, публичный интерес, частный интерес

В настоящее время наблюдается рост интереса к исследованию предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков со стороны ученых и практических специалистов, так как в условиях отсутствия нормативного закрепления данной формы налогового контроля существуют риски нарушения прав и законных интересов налогоплательщиков. Отдельные аспекты предпроверочного анализа были исследованы в научных работах О.А. Ногиной, А.В. Красюкова, А. Гина.

При проведении настоящего исследования были использованы общенаучные методы (диалектический метод научного познания, системный метод, методы анализа, синтеза, обобщения, индукции, дедукции, наблюдения, объяснения, толкования и классификации, описания понятий и терминов) и специальные юридические методы (в частности, формально-юридический).

Риск-ориентированный подход к проведению выездных налоговых проверок применяется налоговыми органами уже довольно давно. Еще в 2007 году была утверждена Концепция системы планирования выездных налоговых проверок [Приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок»// Документы и комментарии, № 12, 13.06.2007], в рамках которой были выделены критерии отбора налогоплательщиков для проведения выездных налоговых проверок. К числу таких критериев были отнесены: низкий уровень налоговой нагрузки по сравнению со средним уровнем налоговой нагрузки по соответствующему виду экономической деятельности; отражение налогоплательщиком убытков в

бухгалтерской или налоговой отчетности на протяжении нескольких налоговых периодов; отражение значительных сумм налоговых вычетов и др. В ходе проверки финансово-экономических показателей деятельности налогоплательщика налоговые органы анализируют суммы исчисленных и уплаченных налогоплательщиком налоговых платежей и их динамику, выявляют несостыковки, несоответствия, значительные отклонения показателей финансово-хозяйственной деятельности текущего периода от аналогичных показателей за предыдущие периоды, осуществляют анализ факторов и причин, влияющих на формирование налоговой базы. В.А. Красницкий в 2008 году отмечал, что предпроверочный анализ как форма предварительного налогового контроля включал в себя изучение налоговых деклараций и лицевых счетов налогоплательщика за отчетный период и сравнение показателей с теми, которые были заявлены налогоплательщиком в предыдущие периоды; сопоставление внутренней и внешней информации; анализ финансового состояния налогоплательщика [\[1, с. 68-69\]](#). Р.И. Шумяцкий так же в 2008 году указывал, что предпроверочный анализ является завершающим этапом подготовки выездных налоговых проверок соблюдения законодательства о налогах и сборах и проводится по организации, включенной в план проведения ВНП юридических лиц, в ходе которого изучаются материалы финансово-хозяйственной деятельности организации, материалы предыдущих налоговых проверок и иная информация, полученная из внутренних и внешних источников [\[2, с. 64\]](#). Тем не менее, в последнее время характер такой предпроверочной деятельности налоговых органов стал существенно изменяться, превращаясь из собственно аналитической в контрольную. Это связано с тем, что с течением времени предпроверочный анализ стал включать в себя не только анализ информации о налогоплательщике, имеющейся у налогового органа, в том числе с использованием данных, содержащихся в автоматизированных информационных системах, используемых налоговыми органами (например, АИС «Налог-3»), но и дополнительные мероприятия, связанные с истребованием документов вне рамок налоговых проверок в соответствии со статьей 93.1 НК РФ [Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ//Собрание законодательства РФ, № 31, 03.08.1998, ст. 3824], осмотром территорий, помещений налогоплательщика в соответствии со ст. 92 НК РФ; допросом свидетелей в соответствии со ст. 90 НК РФ. Все эти действия, как правило, завершаются предложением со стороны налогового органа подать уточненную налоговую декларацию и уплатить дополнительную сумму налога. Однако в некоторых случаях, такая практика приводит к нарушению прав налогоплательщиков. Например, в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 28.12.2022 № Ф06-27082/2022 по делу № А57-2308/2022 [Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.12.2022 № Ф06-27082/2022 по делу № А57-2308/2022// Документ опубликован не был] описывается ситуация, при которой после рабочей встречи, проведенной Межрайонной ИФНС России с налогоплательщиком, в рамках которой налоговым органом была представлена информация, что в ходе предпроверочного анализа организации ООО «МолАгроТорг» за 2018 - 2020 годы установлены признаки нарушения положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации по сделкам с контрагентом ООО «Монополия-С», ООО «МолАгроТорг» представило в налоговый орган уточненные декларации по НДС за отдельные периоды 2018 года по контрагенту ООО «Монополия-С» с уменьшением налоговых вычетов. В результате сданных деклараций к доплате НДС за 2018 год составил 2 136 584 рубля 75 копеек, которые были уплачены налогоплательщиком. Как пояснил истец, представляя уточненные налоговые декларации за 2018 год с исключением налоговых вычетов по НДС, он исходил из того, что налоговой инспекцией в ходе проведения предпроверочного анализа ООО «МолАгроТорг» относительно контрагента ООО «Монополия-С» установлены факты, указывающие на нарушение

подпункта 2 пункта 2 статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации: транспортные услуги контрагентом фактически не выполнялись, обязательство по договору выполнено не лицом, указанным в первичных документах, а автотранспортом учредителя ООО «Монополия-С», в связи с чем, налоговые вычеты, указанные в книге покупок, заявлены ООО «МолАгроТорг» для снижения налогового бремени. Тем не менее, исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства с учетом пояснений налогового органа о том, что решение, оформленное в виде протокола проведения рабочей встречи, носит рекомендательный характер, а истцом не были доказаны обстоятельства, свидетельствующие о принятии налоговым органом решений (требований) о доначислении налогов, то судом было установлено, что истец не воспользовался правом на получение вычета по НДС в размере 2 136 584 рубля 75 копеек, самостоятельно представив уточненную декларацию по НДС. Статистические данные также свидетельствуют об успешности реализуемой налоговыми органами аналитической работы по оперативному выявлению рисков и информированию о них налогоплательщиков с целью добровольного уточнения налоговых обязательств. Как указано на аналитическом портале ФНС России, доля добровольной уплаты налогов в общем объеме поступлений неуклонно растет с 2017 года [\[3\]](#). Следует согласиться с мнением О.В. Староверовой, которая отмечает, что процесс цифровизации налоговых отношений несет в себе положительные стороны – такие, как оптимизация деятельности налоговых органов, экономия времени и упрощение процедур подачи и получения необходимой информации, а значит, и снижение административной нагрузки [\[4, с. 217\]](#). Тем не менее, представляется, что процессы цифровизации не должны приводить к нарушению прав налогоплательщиков.

На законодательном уровне и в подзаконных нормативных правовых актах порядок осуществления предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков никак не регламентирован. Порядок и принципы осуществления предпроверочного анализа регламентируется внутриведомственными актами Федеральной налоговой службы России, которые имеют гриф «ДСП» - для служебного пользования. Как отмечает Счетная палата Российской Федерации в своем отчете [\[5\]](#), с 2018 года при планировании и подготовке выездных налоговых проверок налоговые органы стали руководствоваться вместо ранее действовавшего приказа Федеральной налоговой службы России от 5 октября 2009 г. № ММ-8-2/41дсп@ «Об утверждении Регламента планирования и подготовки выездных налоговых проверок», который был отменен письмом от 13 февраля 2018 г. № ММВ-8-2/3дсп@, письмом Федеральной налоговой службы России от 12 февраля 2018 г. № ЕД-5-2/307дсп@ «О направлении Рекомендаций по планированию и подготовке выездных налоговых проверок», в котором была детально описана процедура отбора налогоплательщиков для проведения выездных налоговых проверок. Статус документа, которым регламентируется процедура, так же изменился – с приказа, имевшего обязательный характер, на письмо, имеющее рекомендательный характер. В 2022 году ввиду направления письма ФНС России от 25 января 2022 г. № СД-5-2/54ДСП@ было установлено, что комплексные налоговые проверки (по всем налогам, сборам, страховым взносам) следует назначать в исключительных случаях при наличии достаточных оснований (рисков). В отношении налогового контроля за уплатой налога на добавленную стоимость письмом Федеральной налоговой службы России от 6 апреля 2022 г. № СД-5-2/402дсп@ «Об эффективности планирования ВНП и приоритизации работы с выгодоприобретателями в 2022 году», основной акцент был сделан на противодействие фактам уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость. Таким образом, в контрольной деятельности налоговых органов был сделан акцент на строгий отбор налогоплательщиков для проведения выездных налоговых проверок, отказ от

малоэффективных выездных налоговых проверок, побуждение налогоплательщиков добровольно скорректировать показатели своей финансово-хозяйственной деятельности и доплатить суммы неуплаченных налогов без проведения выездной налоговой проверки. Тем не менее, ознакомиться с этими внутриведомственными документами налогоплательщики не могут, что может существенно затруднить защиту их прав и законных интересов.

Для того, чтобы сделать обоснованный вывод о правовой природе рассматриваемого явления, считаем необходимым проанализировать порядок осуществления предпроверочного анализа в налоговом контроле и сравнить его с урегулированной административной процедурой по назначению проверки в рамках проводимых налоговыми органами действий по выявлению нарушений валютного законодательства. Порядок проведения указанной административной процедуры в рамках проверки соблюдения подконтрольными субъектами валютного законодательства регламентирован приказом ФНС России от 26.08.2019 № ММВ-7-17/418@ [Приказ ФНС России от 26.08.2019 № ММВ-7-17/418@ «Об утверждении Административного регламента осуществления Федеральной налоговой службой контроля и надзора за соблюдением резидентами (за исключением кредитных организаций, некредитных финансовых организаций, предусмотренных Федеральным законом от 10.07.2002 № 86-ФЗ "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)") и нерезидентами валютного законодательства Российской Федерации, требований актов органов валютного регулирования и валютного контроля (за исключением контроля за валютными операциями, связанными с перемещением товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза, с ввозом товаров в Российскую Федерацию и их вывозом из Российской Федерации), соответствием проводимых валютных операций, не связанных с перемещением товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза, с ввозом товаров в Российскую Федерацию и их вывозом из Российской Федерации, условиям лицензий и разрешений, а также за соблюдением резидентами, не являющимися уполномоченными банками, обязанности уведомлять налоговые органы по месту своего учета об открытии (закрытии, изменении реквизитов) счетов (вкладов) в банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, и представлять отчеты о движении средств по таким счетам (вкладам)»// Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.12.2019]. В соответствии с вышеназванным регламентом в рамках административной процедуры по назначению проверки предусматривается административное действие по осуществлению предпроверочного анализа субъекта проверки, в рамках которого происходит изучение и анализ всех имеющихся в распоряжении налогового органа документов и информации о деятельности субъекта проверки, связанных с осуществлением валютных операций, открытием и ведением счетов в банках за пределами территории Российской Федерации, представлением учетных и отчетных документов по валютным операциям и иных документов или информации. По результатам такого административного действия происходит подготовка докладной записки на имя руководителя или заместителя руководителя налогового органа о проведении проверки с проектом поручения или докладной записки о нецелесообразности проведения проверки. Критерием принятия решения о проведении проверки является подтверждение по результатам предпроверочного анализа наличия признаков нарушения валютного законодательства. Таким образом, административное действие по осуществлению предпроверочного анализа в рамках осуществления налоговыми органами валютного контроля предусматривает исключительно аналитическую деятельность налоговых органов по изучению только той информации, которой располагает налоговый орган, и не предусматривает непосредственного обращения к

проверяемому лицу для получения дополнительной информации.

Порядок и сроки проведения предпроверочного анализа в налоговом контроле регламентированы внутриведомственными документами налоговых органов, имеющими гриф «для служебного пользования», доступ к которым ограничен. Однако практика проведения предпроверочного анализа в отношении налогоплательщиков показывает, что налоговые органы не ограничиваются исключительно аналитической деятельностью по исследованию находящейся у налогового органа информации и данных о налогоплательщике, но и могут истребовать документы вне рамок налоговых проверок в соответствии со статьей 93.1 НК РФ, осматривать территории, помещения налогоплательщика в соответствии со статьей 92 НК РФ; допрашивать свидетелей в соответствии со статьей 90 НК РФ. Некоторые исследователи [\[6, с. 346-349\]](#) выделяют четыре нижеследующих этапа в рамках проведения предпроверочного анализа в налоговом контроле.

Первый этап - первичный анализ информации, осуществляемый с помощью автоматизированных электронных систем, используемых в деятельности налоговых органов. Да данном этапе с помощью информационной системы «ВНП-Отбор» происходит анализ данных налоговой и бухгалтерской отчетности налогоплательщиков по ряду критериев, сравнение с другими налогоплательщиками, аналогичными по виду деятельности. По итогам оценки вероятности совершения налогоплательщиком налоговых правонарушений происходит формирование перечня налогоплательщиков для выездной налоговой проверки. С помощью ресурса АИС «Налог - 3» уполномоченные должностные лица налоговых органов анализируют сведения о конкретном налогоплательщике. В круг исследуемых показателей входят: характер движения денежных средств по счетам; наличие имущества; состав руководителей и учредителей; круг взаимозависимых лиц и иные. В рамках данного этапа также используется программный комплекс визуального анализа информации, который позволяет наглядно отследить данные об участии учредителей проверяемой организации в иных организациях, о наличии взаимозависимости учредителей и участников проверяемой организации с учредителями и участниками иных организаций.

Второй этап - получение и анализ дополнительной информации о налогоплательщике. В рамках данного этапа происходит получение информации о деятельности налогоплательщика из иных источников, например, от иных контролирующих органов (Росреестра, Центрального банка Российской Федерации, Федеральной таможенной службы и др.) или от правоохранительных органов (Министерства внутренних дел, прокуратуры и др.). На данном этапе также происходит более детальная оценка отдельных показателей финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика (динамика показателей, отраженных в бухгалтерской и налоговой отчетности, сопоставляются налоговые базы по прямым и косвенным налогам).

Третий этап - проведение углубленного анализа финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика. В рамках данного этапа уполномоченными сотрудниками налоговых органов происходит выявление операций, направленных на получение необоснованной налоговой выгоды, с помощью поиска связей налогоплательщика, в отношении которого проводится предпроверочный анализ, с проблемными контрагентами, выявления признаков искусственного дробления бизнеса и др. Для этого налоговыми органами используется программно-информационный комплекс «Однодневка», картотека арбитражных дел, данные из системы СПАРК.

Четвертый этап - подготовка предложений по применению мероприятий налогового

контроля. Как отмечают сами представители налоговых органов [7], по результатам проведения предпроверочного анализа в рамках налогового контроля, формируется заключение о выявленных нарушениях налогового законодательства или заключение об отсутствии нарушений налогового законодательства. Если формируется заключение о выявленных нарушениях налогового законодательства, то в таком документе уполномоченное лицо налогового органа отражает финансово-хозяйственные показатели деятельности организации, характер взаимоотношений с контрагентами, указывает суть нарушения, подкрепленное доказательствами, собранными в ходе мероприятий налогового контроля, согласно которым проведение выездной налоговой проверки в отношении налогоплательщика признается целесообразным. Помимо этого, в заключении о выявленных нарушениях налогового законодательства отражаются прогнозируемые показатели в отношении выездной налоговой проверки, предлагаемой к проведению по результатам предпроверочного анализа: предполагаемая сумма доначисленных налогов; количество необходимых кадровых ресурсов; необходимые мероприятия налогового контроля; информация о контрагентах, в отношении которых рекомендуется провести анализ в ходе выездной налоговой проверки. Оба вида заключений (заключение о выявленных нарушениях налогового законодательства или заключение об отсутствии нарушений налогового законодательства) имеют внутренний характер, используются только сотрудниками налоговых органов и не доводятся до сведения налогоплательщика.

Правовая природа такого явления, как предпроверочный анализ деятельности налогоплательщика, по-разному оценивается учеными и практикующими специалистами. О.А. Ногина относит предпроверочный анализ к самостоятельной форме налогового контроля [8]. А.В. Красюков относит предпроверочный анализ к новому виду налоговой проверки [9]. М.Е. Орлова полагает, что предпроверочный анализ деятельности налогоплательщиков является «скрытой формой налоговой проверки» [10]. По мнению А. Гина предпроверочный анализ – это процедура, в ходе которой налоговый орган оценивает организацию, ее деятельность и делает вывод о том, совершены или нет ею налоговые правонарушения [11]. Сулейманов Р.М. относит предпроверочный анализ к внепроверочным мероприятиям налогового контроля [12].

Следует отметить, что формой налогового контроля традиционно именуют «способ конкретного выражения и организации контрольных действий» [13, с. 180]. О.А. Ногина определяет форму налогового контроля как «регламентированный нормами налогового законодательства способ организации, осуществления и формального закрепления результатов мероприятий налогового контроля, представляющих собой единую совокупность действий уполномоченных органов по выполнению конкретной задачи налогового контроля» [14, с. 115]. Мероприятия налогового контроля – это «совокупность законодательно закрепленных действий должностных лиц налоговых органов при осуществлении различных форм налогового контроля» [15, с. 88]. Таким образом, форма налогового контроля – это более обширная категория, в рамках которой проводятся различные мероприятия налогового контроля.

Проведенный выше анализ процедуры проведения предпроверочного анализа позволяет сделать вывод о том, что данная процедура начинается после выявления автоматическими информационными системами, используемыми в деятельности налоговых органов, отклонений в показателях финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика. В ходе проведения предпроверочного анализа деятельности

налогоплательщика, осуществляется ряд мероприятий налогового контроля: аналитическая деятельность по исследованию информации о налогоплательщике; истребование документов; осмотр территорий, помещений налогоплательщика; допрос свидетелей. Заканчивается проведение предпроверочного анализа подготовкой заключения о выявленных нарушениях налогового законодательства или заключения об отсутствии нарушений налогового законодательства. Все приведенные факты свидетельствует о возможности выявления всех присущих иным формам налогового контроля элементов и их сущностного наполнения у предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков. Как было отмечено Конституционным судом Российской Федерации [Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Д. Егорова и Н.В. Чуева»// Собрание законодательства РФ, 26.07.2004, № 30, ст. 3214], законодательное регулирование налогового контроля и деятельность уполномоченных органов по налоговому контролю осуществляются в соответствии с конституционными принципами организации и деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, в том числе связанности государственных органов законом и недопустимости вмешательства контролирующего органа в оперативную деятельность проверяемого. В связи с этим, полагаем необходимым включить в главу 14 «Налоговый контроль» Налогового кодекса Российской Федерации ряд норм, регламентирующих порядок осуществления предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков. На нормативном уровне должны быть закреплены те мероприятия налогового контроля, которые налоговый орган вправе проводить в ходе предпроверочного анализа деятельности налогоплательщика. Кроме того, для защиты прав и законных интересов налогоплательщиков считаем необходимым детализировать права и обязанности налоговых органов и налогоплательщиков в рамках данной формы налогового контроля. Полагаем, что к числу обязанностей налогового органа должно быть отнесено обязательное ознакомление налогоплательщика с полученными в ходе предпроверочного анализа результатами, к правам налогоплательщика должна быть отнесена возможность представления дополнительных документов, сведений и иных доказательств, которые, по мнению налогоплательщика, могут свидетельствовать об отсутствии в его действиях состава налогового правонарушения.

Таким образом, на основе проведенного полагаем, что предпроверочный анализ деятельности налогоплательщиков является новой формой налогового контроля, так как представляет собой комплекс мероприятий, осуществляемых налоговыми органами в рамках налогового контроля и имеющих правовые последствия для налогоплательщика. В связи с этим, полагаем необходимым включить в главу 14 «Налоговый контроль» Налогового кодекса Российской Федерации нормы, регламентирующие порядок осуществления предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков, прежде всего, в части тех мероприятий налогового контроля, которые вправе проводить налоговый орган в рамках предпроверочного анализа. Для защиты прав и законных интересов налогоплательщиков считаем необходимым детализировать права и обязанности налоговых органов и налогоплательщиков в рамках данной формы налогового контроля, включив обязанность налоговых органов ознакомить налогоплательщика с полученными в ходе предпроверочного анализа результатами, право налогоплательщика представить дополнительные доказательства, которые могут свидетельствовать об отсутствии в его действиях состава налогового правонарушения.

Библиография

1. Красницкий В.А. Налоговый контроль в системе налогового администрирования. М.:

- Финансы и статистика, 2008. EDN: SUQTKL.
2. Шумяцкий Р.И. Организация и методика налогового контроля: учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2008. EDN: QTDYON.
3. Индикаторы деятельности ФНС России. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru> (дата обращения: 04.06.2025).
4. Староверова О.В. Международный опыт цифровизации налогового администрирования // Вестник экономической безопасности. 2023. № 3. С. 216-220. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-3-216-220. EDN: ZHMQNK.
5. Отчет о результатах эксперто-аналитического мероприятия "Анализ организации и осуществления выездных налоговых проверок, взыскания доначисленных сумм в 2019-2021 годах и истекшем периоде 2022 года". URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/002/fw72p873qb0b0nhuywr4g0s9g0eqzhh6.pdf> (дата обращения: 04.06.2025).
6. Цифровые технологии финансов и аудита: учебник / Е.Г. Князева, Л.И. Юзович, А.Е. Зaborовская [и др.]; под ред. проф. Е.Г. Князевой, проф. Л.И. Юзович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2024. EDN: WOAWQN.
7. Мустафаев С.М. оглы. О некоторых вопросах правового регулирования мероприятия налогового контроля при проведении предпроверочного анализа налогоплательщика // Финансовое право. 2023. № 8. С. 25-28. DOI: 10.18572/1813-1220-2023-8-25-28. EDN: DUANVC.
8. Ногина О.А. Предпроверочный анализ деятельности налогоплательщиков как самостоятельная форма налогового контроля // Закон. 2022. № 11. С. 64-72. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-11-64-72. EDN: QWTKXD.
9. Красюков А.В. Предпроверочный анализ как новый вид налоговой проверки // Финансовое право. 2018. № 1. С. 44-46. EDN: YODQKG.
10. Орлова М.Е., Галимарданова Ю.М., Хайруллова А.И. Предпроверочный анализ деятельности налогоплательщиков как скрытая форма налоговой проверки // Финансовый бизнес. 2024. № 11(257). С. 150-156. EDN: PERDSJ.
11. Гин А. Предпроверочный анализ. Что это такое и когда он используется? // Практическая бухгалтерия. 2024. № 11. С. 67-70.
12. Сулейманов Р.М. оглы. Внепроверочные мероприятия налогового контроля: проблемы и практика правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 3. С. 87-94. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.087-094. EDN: IHOSYP.
13. Крохина Ю.А. Налоговое право: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2025.
14. Ногина О.А. Налоговый контроль: вопросы теории. СПб.: Питер, 2002.
15. Садовская Т.Д. Актуальные проблемы совершенствования налогового контроля в Российской Федерации в условиях административной реформы: монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2007. EDN: QLNJZZ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Предпроверочный анализ деятельности налогоплательщиков: проблемы правового регулирования» для опубликования в журнале «Юридические исследования». Статья посвящена анализу предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков как формы налогового контроля. Автор исследует его правовую природу, процедуру проведения, а также проблемы, связанные с отсутствием нормативного закрепления этой деятельности в Налоговом кодексе РФ.

Особое внимание уделено рискам нарушения прав налогоплательщиков из-за непрозрачности процедуры. Методология исследования основана на авторском применении общенаучных методов (анализ, синтез, системный подход) и специальных юридических методов (формально-юридический, сравнительно-правовой). Автор анализирует внутриведомственные акты ФНС, решение Конституционного Суда РФ, научные труды и учебную литературу, что обеспечивает комплексность исследования. Однако для большей глубины не хватает данных статистического анализа, практических кейсов, результатов социологических исследований (к примеру, налогоплательщиков). Тема является актуальной в условиях цифровизации налогового контроля и расширения полномочий ФНС. Отсутствие законодательного регулирования предроверочного анализа создает риски злоупотреблений, что подтверждается современными исследованиями (например, Мустафаев С.М., 2023). Актуальность усиливается в связи с ростом количества налоговых споров и необходимостью баланса между фискальными интересами государства и правами бизнеса. Автор обосновывает необходимость закрепления предроверочного анализа в НК РФ как самостоятельной формы налогового контроля, что отличает работу от предыдущих исследований (Ногина О.А., 2022; Красюков А.В., 2018). Новизна также проявляется в прикладных предложениях конкретных норм для включения в главу 14 НК РФ, включая обязанность налоговых органов знакомить налогоплательщиков с результатами анализа.

Стиль, структура, содержание в целом соответствуют предъявляемым требованиям. Статья написана научным стилем, с логичной структурой. В работе хотя и не обозначены структурные подзаголовки, тем не менее усматриваются: введение, анализ проблемы, предложения по совершенствованию законодательства. Сильной стороной является детальный разбор этапов предроверочного анализа. Однако не хватает анализа конкретных практических ситуаций, примеров из арбитражной практики, а также возможного зарубежному опыту. Например, усилить авторскую аргументацию могло бы обращение к практике OECD в risk-based tax audits (International Tax Studies (ITAXS). - Режим доступа: <https://www.ibfd.org/ibfd-academic/publications/international-tax-studies-itaxs>). Список литературы включает разнообразные источники, такие как труды Ногиной О.А., Красюкова А.В., а также свежие публикации (Мустафаев С.М., 2023; Гин А., 2024). Однако в списке насчитывается только 6 научных изданий, остальные носят учебный характер. Для раскрытия проблем правового регулирования обязательно необходимо обращение к теоретическим исследованиям. Для дополнения можно рекомендовать: Староверова О.В. Международный опыт цифровизации налогового администрирования // Вестник экономической безопасности. - 2023. - №3. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-opyt-tsifrovizatsii-nalogovogo-administrirovaniya>; Орлова М.Е. Предроверочный анализ деятельности налогоплательщиков как скрытая форма налоговой проверки / М.Е. Орлова, Ю.М. Галимарданова, А.И. Хайруллова // Финансовый бизнес. - 2024. - № 11(257). - С. 150-156; Сулейманов Р.М. Внепроверочные мероприятия налогового контроля: проблемы и практика правоприменения / Р.М. Сулейманов // Актуальные проблемы российского права. - 2025. - Т. 20, № 3(172). - С. 87-94. - DOI 10.17803/1994-1471.2025.172.3.087-094 и другие. Автор в целом учитывает позиции критиков, например, мнение О.А. Ногиной о самостоятельности предроверочного анализа как формы контроля. Однако дискуссия о его соотношении с другими формами (например, камеральными проверками) могла бы быть расширена. Также требует ответа аргумент о возможном дублировании функций при законодательном закреплении.

Статья представляет ценность для юристов, налоговых консультантов и представителей бизнеса. Выводы о необходимости законодательной регламентации предроверочного анализа своевременны. Работа стимулирует дискуссию о прозрачности налогового

контроля и защите прав налогоплательщиков. Рецензируемая статья является значимым вкладом в науку налогового права, но требует доработки в эмпирической части, данных статистического анализа и дополнения современными теоретическими исследованиями. Также внимание автора следует обратить на правила составления библиографического перечня и приведение его в соответствие с требованиями ГОСТа. Итоговой вывод: статья рекомендуется к доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Предроверочный анализ деятельности налогоплательщиков: проблемы правового регулирования» предметом исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения, связанные с осуществлением контроля налоговых органов за финансово-экономической деятельностью налогоплательщиков.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Отмечается применение современных методов, таких как: теоретико-юридический, формально-логический и др.

Актуальность исследования. Как правильно отмечает сам автор статьи, актуальность темы обоснована, в том числе тем, что «... в последнее время характер такой предроверочной деятельности налоговых органов стал существенно изменяться, превращаясь из собственно аналитической в контрольную... Однако в некоторых случаях, такая практика приводит к нарушению прав налогоплательщиков». Указанные причины подтверждают необходимость доктринальных разработок в данной сфере с целью совершенствования налогового законодательства и практики его применения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье также сформулированы заслуживающие внимания положения, которые указывают на значимость этого исследования для юридической науки, например: «...для защиты прав и законных интересов налогоплательщиков считаем необходимым детализировать права и обязанности налоговых органов и налогоплательщиков в рамках данной формы налогового контроля, включив обязанность налоговых органов ознакомить налогоплательщика с полученными в ходе предроверочного анализа результатами, право налогоплательщика представить дополнительные доказательства, которые могут свидетельствовать об отсутствии в его действиях состава налогового правонарушения». В статье представлены и другие заслуживающие внимания предложения по совершенствованию налогового законодательства.

Стиль, структура, содержание. Статья по содержанию соответствует своему названию. В качестве положительной оценки можно отметить, что текст статьи написан научным стилем, использована специальная терминология, в том числе и юридическая. Автором соблюдены требования к объему материала. Так же предпринята попытка структурировать статью. Так, статья состоит из введения, основной части и заключения. Однако представляется, что во введении актуальность темы должна быть более логически обоснована (в действительности изложена фрагментарно). В заключении следует сформулировать итоги исследования, а не ограничиваться краткими общими

выводами. В основной части представлена аргументированная позиция автора со ссылками на авторитетные мнения ведущих специалистов в данной области научных знаний. В качестве замечания хотелось отметить, что в тексте, в отдельных предложениях автор допускает повторы слов (однокоренных слов): например, «...на основе проведенного анализа порядка осуществления предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков полагаем, что предпроверочный анализ...». Желательно перефразировать такие предложения, или заменять слова синонимами. А также, встречаются в тексте опечатки (например, «налоговой»). Кроме того, следует актуализировать (на дату написания статьи) примеры из правоприменительной практики (Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия "Анализ организации и осуществления выездных налоговых проверок, взыскания доначисленных сумм в 2019-2021 годах и истекшем периоде 2022 года". URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/002/fw72p873qb0b0nhuywr4g0s9g0eqzhh6.pdf> (дата обращения: 04.10.2023).

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников. Ссылки на имеющиеся научные публикации оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики автор корректно обращается к оппонентам. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Предпроверочный анализ деятельности налогоплательщиков: проблемы правового регулирования» может быть рекомендована к опубликованию с условием ее доработки. Статья отвечает тематике журнала «Юридические исследования», написана на актуальную тему и отличается научной новизной, но есть замечания по ее содержанию. Следует обосновать актуальность темы статьи, исключить повторы слов (однокоренных слов) в предложениях, в заключении представить итоги исследования, актуализировать некоторые ссылки на библиографические источники. Данная статья может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области налогового права, а также, была бы полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Предпроверочный анализ деятельности налогоплательщиков: проблемы правового регулирования»

Объектом исследования выступает совокупность правоотношений, возникающих вследствие предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические взгляды по тематике статьи, правовая регламентация предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди методологического арсенала автора особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать методы сравнительного анализа, особенно в плане сопоставления регламентации и осуществления предпроверочного анализа деятельности налогоплательщика с другими процедурами; структурно-системный метод, использованный для определения места соответствующих действий налоговых органов в

системе мер налогового контроля; метод догматического анализа, позволивший автору провести анализ ряда нормативных правовых и правоприменительных актов. Вместе с тем характеристика методологии исследования небесспорна, о чём будет особо отмечено ниже.

Актуальность разработки заявленной темы не вызывает сомнений. Своевременность разработки заявленной темы особенно явна в свете недостаточной правовой регламентации соответствующих процедур: «В настоящее время наблюдается рост интереса к исследованию предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков со стороны ученых и практических специалистов, так как в условиях отсутствия нормативного закрепления данной формы налогового контроля существуют риски нарушения прав и законных интересов налогоплательщиков».

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором анализируются вопросы правового регулирования предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков. Особый интерес при этом представляет предложенное автором определение предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков: «предпроверочный анализ деятельности налогоплательщиков является новой формой налогового контроля, так как представляет собой комплекс мероприятий, осуществляемых налоговыми органами в рамках налогового контроля и имеющих правовые последствия для налогоплательщика». Практическую ценность представляют предложения дополнения главу 14 «Налоговый контроль» Налогового кодекса Российской Федерации нормами, регламентирующими порядок осуществления предпроверочного анализа деятельности налогоплательщиков, «прежде всего, в части тех мероприятий налогового контроля, которые вправе проводить налоговый орган в рамках предпроверочного анализа».

Статья характеризуется в целом научным стилем изложения. Содержание логично.

Библиография как по своему наполнению, так и по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода.

Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Характеризуя методологию исследования, автор допускает ошибку, относя всеобщий (философский) диалектический метод познания к общенаучным. В целом перечисляет целый ряд методов без конкретизации, как именно они использовались. Вероятно, можно указать основные с пояснением их функциональной роли в данном исследовании. В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в исследованиях в области налогового права. При условии определенной доработки она вполне может быть рекомендована к публикации.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Редникова Т.В. К вопросу о правовом понятии и критериях природоподобных технологий // Юридические исследования. 2025. № 6. С. 27-43. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.6.75013 EDN: LGLNSC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75013

К вопросу о правовом понятии и критериях природоподобных технологий

Редникова Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук

Старший научный сотрудник, Сектор экологического, земельного и аграрного права ИГП РАН

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

 trednikova@gmail.com[Статья из рубрики "Экологическое и земельное право"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.6.75013

EDN:

LGLNSC

Дата направления статьи в редакцию:

24-06-2025

Дата публикации:

01-07-2025

Аннотация: В современном мире обеспечение технологического суверенитета государства становится той целью, без достижения которой сама возможность его существования может быть поставлена под сомнение. Одним из основных стратегических приоритетов государства, составляющих основу его национальной безопасности, является ускорение научно-технологического развития во всех направлениях. К приоритетам и перспективам данного направления развития нашей страны, которые должны быть реализованы в ближайшее десятилетие, относится и переход к развитию природоподобных технологий. Предметом исследования данной статьи являются природоподобные технологии с точки зрения рассмотрения содержания данного понятия, используемого в настоящее время в Российской Федерации в различных отраслях науки и хозяйственной деятельности, а также возможных критериев

отнесения технологии к природоподобной. При написании статьи использованы общенаучные методы анализа, синтеза, а также абстрагирования, позволившие выявить существенные характеристики природоподобных технологий, которые должны быть использованы при формулировании правового определения данного понятия. С помощью методов сравнения и интерпритации выявлены имеющие сходное значение понятия, а также различные критерии отнесения технологии к природоподобной. В ходе исследования были сделаны выводы о том, что лидерство в реализации суперсовременных технологий, к числу которых можно отнести и природоподобные, является краеугольным камнем обеспечения национальной безопасности государства. Возможность эффективной реализации целей Стратегии научно-технологического развития РФ в части развития природоподобных технологий неразрывно связана с совершенствованием законодательства в целях обеспечения их развития опережающими темпами и эффективного предупреждения возможных рисков их применения. При этом при разработке нормативных правовых актов в данной сфере должен быть обеспечен междисциплинарный подход с различными отраслями науки, а также между разными отраслями права – гражданским, административным, информационным, экологическим, энергетическим и другими. При формировании правового понятия природоподобных технологий представляется необходимым включить в него наиболее общие их существенные характеристики. При этом критерий необходимости включения технологии и создаваемых на их основе объектов в природный ресурсооборот должен быть применен ко всем инновационным технологиям вне зависимости, являются ли они природоподобными или нет, что должно стать самостоятельной целью научно-технологического развития человечества.

Ключевые слова:

охрана окружающей среды, природоподобные технологии, правовое регулирование, правовое определение, научно-технологическое развитие, природа, природные процессы, ресурсооборот, критерии, эволюция

Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

В последние десятилетия человечество сталкивается с все большим количеством глобальных вызовов и угроз, при этом не только значительно возрастают традиционные риски его существованию, такие как ухудшение качества окружающей среды, процессы глобального потепления, нехватка продовольствия и энергии, утрата биологического разнообразия, но появляются и новые. В первую очередь они связаны с влиянием технологического прогресса на экономическое благополучие и перспективы развития стран, здоровье и продолжительность жизни населения, а также на взаимодействие человека и природы. Чем выше уровень технологического развития страны, тем больше ее население получает выгод от внедрения инновационных технологий, оказывающих существенное влияние на качество жизни. При этом для современного общества характерны процессы глобализации, определяемые учеными, как процессы социотехноприродного развития мира [\[14, с. 11\]](#). Глобализация вносит значительный вклад в межгосударственное взаимодействия стран в экономике, политике, науке и культуре и не всегда взгляды и подходы к различным явлениям совпадают, а годами наложенные связи и обмен информацией могут быть разорваны из-за ухудшения политической обстановки и возникновения конфликтов между отдельными государствами и их объединениями.

Следует отметить, что история человечества в ХХ-ХХI вв. демонстрирует рост числа межгосударственных конфликтов, возникающих в первую очередь из-за дефицита ресурсов и конкуренции за них. При этом ускоряющиеся процессы глобального потепления действуют как мультиликатор коренных причин таких конфликтов, что приводит к экономической и политической нестабильности, в том числе и в странах с недостаточно высоким уровнем экономического развития. В свою очередь политико-экономические противоречия тормозят сотрудничество между странами в сфере технологического развития. Именно по политическим причинам за последние пять лет были практически разорваны многолетние научные связи между российскими и западными учеными, осуществлявшими совместные исследования в различных фундаментальных отраслях науки: физике, химии, биологии, медицине и многих других. Это негативно сказывается на скорости технологического прогресса и заставляет государства предпринимать дополнительные усилия, в том числе путем принятия дополнительных политических и правовых мер по стимулированию научных исследований с целью обеспечения технологического суверенитета.

Как отмечают *М.В. Ковальчук, О.С. Нарайкин и Е.Б. Яцишина*, важной особенностью глобальных стратегических приоритетов является то, что в ходе их реализации происходят революционные изменения всей научно-технологической базы цивилизации, формируется принципиально новый технологический облик мира и, как следствие, новая geopolitическая реальность [\[1, с. 455\]](#). Технологический разрыв между развитыми странами и так называемыми странами третьего мира становится непреодолимым, тем самым обуславливает крах надежд развивающихся стран на лучшее будущее и существенный рост благосостояния их граждан, что является одной из причин роста миграционных процессов по всему миру [\[2, с. 38-40\]](#).

Сегодня одним из основных стратегических приоритетов государства, составляющих основу его национальной безопасности, является ускорение научно-технологического развития во всех направлениях. Обеспечение технологического суверенитета становится той целью, без достижения которой сама возможность существования государства в современном мире может быть поставлена под сомнение. Руководство Российской Федерации в полной степени осознает актуальность поиска конструктивных решений в развитии технологической составляющей всех отраслей науки и промышленности, что находит свое отражение в принимаемых стратегических документах. На сегодняшний день в стране принята и реализуется новая Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утв. указом Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373) согласно которой «целью научно-технологического развития является обеспечение независимости и конкурентоспособности государства ... путем создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации».

К приоритетам и перспективам научно-технологического развития, которые надо реализовать в ближайшее десятилетие, Стратегия относит в том числе и «переход к развитию природоподобных технологий, воспроизводящих системы и процессы живой природы в виде технических систем и технологических процессов, интегрированных в природную среду и естественный природный ресурсооборот».

В июне 2024 года указом Президента РФ были утверждены приоритетные направления научно-технологического развития и перечень важнейших наукоемких технологий (указ Президента РФ от 18 июня 2024 г. № 529 // СЗ РФ. 2024. № 26. Ст. 3640), которым природоподобные технологии были отнесены к важнейшим наукоемким сквозным

технологиям, однако данный документ не содержит какого-либо более детального пояснения, какие именно технологии могут быть отнесены к таковым. Помимо природоподобных документ содержит и ряд других технологий, связь которых с природой, ее явлениями и процессами представляется очевидной. Так, из 21 критической технологии 10 имеют непосредственную связь с природой или воздействуют на нее, а также в той или иной степени копируют процессы в ней происходящие. В качестве наиболее яркого примера можно привести применение биогибридных, бионических технологий и нейротехнологий для разработки медицинских изделий нового поколения.

С учетом высокого приоритета развития природоподобных технологий представляется крайне необходимым в первую очередь определиться с объемом этого понятия и критериям отнесения той или иной технологии к данной категории. Соответствующая задача определить основные принципы и критерии отнесения технологий к природоподобным была поставлена Правительству РФ в Указе Президента Российской Федерации от 02 ноября 2023 г. № 818 «О развитии природоподобных технологий в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2023. № 45. Ст. 8035), который ввел понятие природоподобных технологий в правовой оборот. Помимо этого, в 6-месячный срок должен был быть разработан план мероприятий по развитию данных технологий, а научное руководство реализацией плана мероприятий, а также проведение мониторинга и оценки научных результатов в сфере природоподобных технологий было возложено на ФГБУ «Национальный исследовательский центр "Курчатовский институт"». Однако на сегодняшний день не существует нормативного закрепления основных принципов и критериев отнесения технологий к природоподобным, равно как официально не опубликован упомянутый план мероприятий, а также не подписан указ Президента РФ «О Стратегии развития природоподобных (конвергентных) технологий», проект которого подготовлен Минобрнауки России и размещен на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов (ID проекта 01/03/06- 22/00128578; URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?praID=128578> (дата обращения: 20.06.2025)). Однако этот факт не отменяет необходимости более подробного анализа содержания понятия природоподобных технологий.

Чем же привлекательны и ценны природоподобные технологии, создаваемые на основе существующих в природе явлений, объектов и процессов, чья жизнеспособность и эффективность доказана более 3,5 млрд лет существования жизни на земле. С развитием технологий и технологической эволюцией общества, его энергопотребление неуклонно росло и в настоящее время перед человечеством наиболее остро стоит проблема дефицита энергоресурсов. Природа же с точки зрения энергопотребления устроена максимально оптимально и энергоэффективно. При этом, как отмечают М.В. Ковальчук и О.С. Нарайкин, создаваемые человечеством технологии, будучи вырванными из естественного природного контекста, по своей сути являются плохими копиями природных процессов, а для преодоления последствий глобального кризиса прежде всего необходим качественный скачок, переход на совершенно иные принципы производства и потребления энергии по образцу и подобию природных процессов, способные изменить весь облик техносферы. По их мнению, включение технологий в естественный природный ресурсооборот, созданный на базе развития интегрированной междисциплинарной науки, является стратегической целью современной цивилизации [6, с. 104]. Преимущество природоподобных технологий состоит в сочетании высоких технологических возможностей и эффективности. При этом, заимствованные у природы новые возможности и создаваемые на их основе прорывные технологические решения должны включать в себя задачу максимально бережного отношения к ресурсам планеты

и обеспечения экологически чистого будущего для всех поколений людей.

Остановимся на нескольких важных аспектах, которые могут быть привнесены в повседневную жизнь людей путем внедрения природоподобных технологий. Приведем лишь некоторые из них:

- существенное снижение потребления энергии благодаря рациональному использованию природных закономерностей;
- улучшение устойчивости и надежности конструкций, способных выдерживать большие нагрузки и механические повреждения, к примеру, на основе изучения прочностных характеристик костей, древесины и других природных материалов и компонентов;
- снижение негативного влияния на окружающую среду за счет применения технологий, созданных по образцу природных систем (минимизация количества токсичных отходов, применение «зеленых» кровель, самоочищающихся поверхностей, материалов с низким уровнем выделения токсических веществ);
- оптимизация логистических процессов, позволяющих улучшать алгоритмы транспортной логистики на основе исследования путей миграции рыб, полета насекомых и перемещения муравьев;
- материалы, имитирующие природные, могут обладать уникальными свойствами (к примеру, легкостью, эластичностью, прочностью);
- создание специальных покрытий и композитов, устойчивых к высоким температурам и агрессивным химическим средам, на основе изучения свойств некоторых видов бактерий, способных выживать в космосе или на дне океана;
- устойчивое обращение с отходами и нейтрализация загрязнения среды с использованием, например, водорослей, очищающих воду и бактерий, восстанавливающих почву или разлагающих пластиковые отходы;
- архитектурные решения, создаваемые на основе природных форм, позволяющие создавать здания, оптимально вписывающиеся в окружающую среду, а также с повышенными теплоизоляционными свойствами, а также сниженным потреблением всех видов энергии.

Говоря о появлении термина «природоподобные технологии» в российском научном обороте, необходимо обратиться к выступлению Президента Российской Федерации В.В. Путина в 2015 г. на пленарном заседании 70-й Генеральной Ассамблеи ООН, в котором он говорил о «внедрении принципиально новых природоподобных технологий, которые не наносят урон окружающему миру, а существуют с ним в гармонии и позволяют восстановить нарушенный человеком баланс между биосферой и техносферой». Создание таких технологий он отнес к вызовам планетарного масштаба, для ответа на который у человечества есть интеллектуальный потенциал. (URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/50385> (дата обращения: 20. 06.2025)). С этого момента данный термин активно используется в различных отраслях российской науки и применяется к широкому спектру технологий в различных отраслях промышленности – в энергетике, сельском хозяйстве, медицине, транспорте, утилизации отходов и т.п. Вместе с тем, как справедливо отмечает В.Б. Агафонов, единого понимания сущности природоподобных технологий и содержания данного понятия до настоящего времени в российской науке и практике не сложилось [\[3\]](#).

[с. 231](#). К подобному же выводу в своем исследовании приходят О.А. Халтурина и Н.Е. Терешкина, которые отмечают, что в отечественной науке отсутствует однозначное понимание и содержание словосочетания «природоподобные технологии» [\[4, с. 145\]](#). Представляется, что с учетом пристального внимания государства к развитию данных технологий, а также предполагаемого дальнейшего развития правового регулирования в сфере их разработки и применения, отсутствие нормативно закрепленного определения и критериев отнесения технологии к таковым является значительным препятствием для формирования соответствующих правовых норм.

Как в Российской Федерации, так и за рубежом для определения технологий, которые могут быть отнесены к природоподобным, используются различные термины. По мнению Н.Е. Терешкиной и О.А. Халтуриной, наиболее близким по значению к неиспользуемому за рубежом дословно термину «природоподобные технологии» является термин биоэкономика (биотехнологии) [\[5, с. 505\]](#). Однако помимо этого термина для определения подобных технологий (преимущественно в научных исследованиях, а не в законодательстве) используется целый ряд подобных терминов, каждый из которых отражает то или иное значение отношения (подобности) технологии к природе и подчеркивает определенную сторону взаимодействия природы и технологии. При этом смысл, заложенный в них, является сходным и отражает стремление к созданию эффективных и экологически устойчивых технологических решений, повторяющих принципы функционирования живой природы. Наиболее близким по значению можно считать термины *Nature based/Nature-like Technology* (основанные на природе/сходные с природой), другие же имеют различную смысловую окраску, отражающие в каждом случае определенную специфику взаимосвязи технологии с природой.

Приведем несколько примеров подобных терминов. Первый из них переводится как технологии, вдохновленные природой (англ. – *Nature Inspired Technologies*). Данные технологии заимствуют свои решения, идеи и подходы непосредственно из природных процессов, организмов или экосистем [\[12\]](#). Данный термин можно также считать максимально общим и применимым для широкого круга таких технологий.

Другим термином, который произошел от английского слова «*mimetic*» (имитация, подражание), является «биомиметика» (англ. – *Biomimetic/Bioinspired Technology*). Такие технологии копируют принципы строения живых существ, природные материалы или механизмы поведения животных. К примеру, применяемые в автомобильной промышленности, строительстве и в производстве одежды гидрофобные покрытия, отталкивающие воду и грязь, созданы на основе структуры листьев лотоса.

Еще одним термином, который можно считать в определенной степени синонимичным «природоподобным технологиям» можно считать экомиметические системы и экологическое проектирование (англ. – *Eco-Mimicking/Ecological Engineering*), заключающиеся в создании инженерных решений, воспроизводящих поведение природных экосистем и применяемых в устойчивом развитии инфраструктуры городов и сельских поселений, а также создании экологичных промышленных кластеров. Например, так называемые вертикальные леса (озеленение фасадов зданий для создания микроклимата и поддержания биологического разнообразия городских экосистем), зеленые кровли (высадка растений на крышах зданий для создания естественной теплоизоляции, поглощения и очистки дождевой воды и снижения уровня теплоизлучения от здания) [\[13\]](#).

Закрепленного юридически термина «природоподобные технологии» (в какой-либо из

его смысловых редакций) на сегодняшний день не содержится ни в международных соглашениях, ни в правовых актах на национальном уровне не зафиксирован напрямую как отдельное правовое определение. Однако многие государства и организации используют этот концепт косвенно, формулируя тексты правовых норм или разрабатывая стратегические документы, касающиеся сферы устойчивого развития, охраны окружающей среды и инновационных технологий.

В большинстве же правовых актов используется термин «биотехнология» или его варианты, использующие соответствующую приставку «био» – биомедицина, биоинженерия. Примечательно, что по критерию имитации природы они также могут считаться природоподобными технологиями. Например, производство биоматериалов для имплантации.

С точки зрения правового регулирования общественных отношений в этих сферах эти понятия нуждаются в разграничении.

Еще один вид технологий, который должен быть ограничен в правовом понимании от природоподобных технологий, – это экологически чистые/ устойчивые технологии (англ. – *Green/Sustainable Technology*) – технологии, ориентированные на снижение негативного воздействия на окружающую среду и использование возобновляемых ресурсов. При этом такие технологии могут быть как природоподобными, так и нет. Отнесение данных технологий к природоподобным исключительно на основании возможности их интеграции в природный цикл представляется преждевременным. Подробное рассмотрение содержание понятия «зеленые технологии», а также критерии отнесения технологии к таковой находятся за рамками цели данной статьи и были рассмотрены нами ранее [\[7\]](#). Однако представляется необходимым еще раз сделать акцент на обязательности правового закрепления критерии отнесения технологии к природоподобным, чтобы не получилось так, как это произошло с «зелеными» технологиями, когда широко распространены явления гринвашинга, которые заключаются в неправомерным использованием этого наименования для целей продвижения на рынке продуктов и услуг, не являющихся дружелюбными по отношению к окружающей среде, а наоборот причиняющие ей ущерб [\[8, с. 34\]](#).

При разработке указанных критериев в первую очередь в осмыслении нуждаются основные принципы, которым должны отвечать природоподобные технологии. Представляется логичным, что они должны соответствовать принципам, реализованным в живых организмах и неживых объектах, созданных природой. К ним можно отнести принцип экономии ресурсов, поскольку все природные системы для своего функционирования используют минимально достаточные: материалы, из которых построены их тела, потребляемая ими энергия или занимаемое ими в процессе жизнедеятельности пространство.

Следующим важным принципом является эффективность и производительность природных процессов, которые совершенствовались на протяжении миллионов лет в ходе эволюции. Принцип способности к саморегулированию означает, что все природные процессы находятся в постоянной взаимосвязи друг с другом, а природные системы являются саморегулируемыми, иными словами обладающими способностью к компенсации изменений, в них происходящих.

Разрабатываемые природоподобные технологии в идеале должны обладать возможностью встраиваться в природные экосистемы, минимально нарушая баланс свойственных им процессов. В идеале любая технология, а также произведенная с ее

помощью продукции, должны оказывать минимальное негативное воздействие на окружающую среду на протяжении всего их жизненного цикла [\[9\]](#), однако несмотря на попытки, например, в Европейском Союзе разработать и принять соответствующие законодательные требования в данной сфере, до настоящего момента это реализовано не было. Вероятно, в силу больших затрат на обеспечение данной цели, которые делают такие товары неконкурентоспособными.

В природе способностью к самовосстановлению в той или иной степени не только экосистем, но и конкретных организмов, например, после механических повреждений или заболеваний. В этой связи создаваемые технологии, которые могут быть отнесены к природоподобным, должны быть если и не самовосстанавливаемыми, то долговечными и ремонтопригодными. Отметим, что реализация данного принципа во всех сложных и многокомпонентных изделиях (автомобилях, бытовой технике и т.п.), требующих больших затрат природных ресурсов и энергии как при их производстве, так и при утилизации, позволило бы значительно снизить их негативный по отношению к окружающей среде и ее компонентам след, в случае большей ремонтопригодности, законодательно обеспеченному требования к производству запасных частей в течении многих лет, что обеспечило бы возможность максимального продления их срока службы.

Принципом природоподобных технологий также должна быть пригодность для многократного повторного использования, что также позволит минимизировать их негативное воздействие на окружающую. Возможность переработки отходов изделий, в основе производства которых лежат природоподобные технологии, до состояния, в котором конечные компоненты могут быть ассимилированы в природную среду и включены в природные процессы обмена вещества и энергии, также может стать одним из применимых в идеологии природоподобных технологий. Однако необходимо отметить, что в зависимости от технологии не все данные принципы могут быть реализованы в каждом конкретном случае одновременно.

На основе перечисленных принципов могут быть разработаны критерии отнесения технологий к категории природоподобных. В научной и научно-публицистической литературе содержится целый спектр предложений, какими данные критерии должны быть. Одни из них представляются вполне очевидными и применимыми ко всем разновидностям таких технологий, как, например, принцип функционального подобия природе: технология должна быть основана на природных процессах, механизмах или структурах. Иными словами – применение в техническом устройстве или процессе идей, присутствующих в живых и неживых природных объектах или экосистемах.

С этим критерием связан такой, как использование в технологии естественных материалов или структур, заключающийся в применении при изготовлении изделия или реализации процесса натуральных компонентов или синтетических материалов, имеющих структуру и функциональность аналогичные природным.

К общеприменимым критериям можно отнести и критерий экологической безопасности, что означает то, что природоподобные материалы и технологии не должны наносить ущерба окружающей среде, должны быть легко перерабатываемыми или утилизируемыми, быть совместимыми с природными циклами, а также способствовать сохранению биологического разнообразия. Предлагаемый в некоторых источниках критерий минимального вмешательства в природу по сути совпадает с критерием экологической безопасности.

Выделяют еще ряд критериев:

- критерий энергоэффективности и ресурсосбережения – в этом случае продукт или процесс должен быть энерго- и материалоемким;
- критерий самоорганизации и адаптивности подразумевает способность природоподобной системы изменять свое состояние в зависимости от внешних факторов, поддерживать гомеостаз (способность сохранять постоянство своего внутреннего состояния) и приспосабливаться к изменениям внешней среды;
- критерий устойчивости и самовосстановления, который означает, что конструкция или система способна сама восстанавливаться после повреждения аналогично клеточным мембранам, костям или другим элементам живых организмов;
- критерий синергизма с окружением – гармоничное взаимодействие с внешней средой с поглощением ее сигналов и реакцией на ее изменение.

Представляется, что разработанный с учетом научно-обоснованного междисциплинарного подхода и законодательно закрепленный перечень критериев отнесения технологии к природоподобной с одной стороны должен обеспечивать прозрачность и обоснованность данного процесса, а с другой быть открытым и применимым в случае разработки каких-либо ранее не существовавших технологий.

В заключении хотелось бы отметить, что внедрение природоподобных технологий имеет целый ряд преимуществ, заключающихся в повышении эффективности отрасли их применения, оптимизации энергопотребления, снижение экологического следа хозяйственной деятельности в различных сферах, оптимальность, долговечность и надежность создаваемых на их основе изделий. Использование природоподобных технологий позволяет создавать комфортную среду обитания, в том числе и за счет улучшения качественных показателей окружающей среды. Вдумчивое изучение природных объектов и процессов открывает новые горизонты для инноваций, а также позволяет находить новые нестандартные решения, ранее считавшиеся нереализуемыми или неэффективными. Междисциплинарность разработок по созданию природоподобных технологий обогащает процесс познания и создает условия для появления принципиально новых научных открытий.

Еще одним ключевым моментом в разработке и применении природоподобных технологий является контроль за последствиями их применения для каждого человека и ненарушением его основных прав, а также за глобальными последствиями для всего человечества. Поскольку в современном мире некоторым из важнейших общечеловеческих ценностей все чаще придается социальный характер [\[10, с. 7\]](#), необходимо помнить и о социальной ответственности государства, контролирующего и направляющего развитие природоподобных технологий.

Право как средство урегулирования общественных отношений, основа для определения направлений общественного развития и их корректировки в эпоху научно-технического прогресса и информатизации стоит перед целым рядом новых вызовов. Лидерство в реализации суперсовременных технологий, к числу которых можно отнести и природоподобные, является краеугольным камнем обеспечения национальной безопасности государства. Возможность эффективной реализации целей Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации как в целом, так и в части развития природоподобных технологий, неразрывно связана с совершенствованием отечественной системы законодательства, которая должна обеспечить с одной стороны само их развитие в идеале опережающими темпами, а с другой стороны отвечать целям

эффективного предупреждения возможных рисков их применения. Решение этой задачи требует нетривиальных усилий со стороны отечественных ученых, юристов и законодателей.

Помимо междисциплинарности с другими отраслями науки, междисциплинарный подход к развитию законодательства в данной сфере должен быть обеспечен и между различными отраслями права – гражданского, административного, информационного, экологического, энергетического и иных отраслей. Экологическая сфера в целом, в основе которой лежит природа и происходящие в ней процессы, как отмечает М.М. Бринчук, «представляет собой общую базу, базис развития страны, государства, и, естественно, жизнедеятельности людей» ... «при этом возникают некие универсальные экологические императивы, в том числе и правовые, обязательные для других, если не всех отраслей права [\[11, с. 76\]](#), что имеет существенное значение для развития законодательства в сфере природоподобных технологий.

Необходимо также отметить тот факт, что ряд наиболее инновационных природоподобных технологий могут быть также отнесены к категории сведений, составляющих государственную тайну, что также требует учета данного факта при создании системы правового регулирования, включая критерии разграничения.

При формировании правового понятия природоподобных технологий представляется необходимым включить в него наиболее общие их сущностные характеристики. В данном контексте удачной является формулировка, содержащаяся в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации в части воспроизведения ими систем и процессов живой природы в виде технических систем и технологических процессов. Однако предложение об обязательности такого критерия, как интегрированность природоподобных технологий в природную среду и естественный природный ресурсооборот, с нашей точки зрения не может быть отнесено ко всем технологиям, причисляемым к данной категории, а лишь к ее части. К примеру технологии, воспроизводящие природные процессы на молекулярном уровне, не всегда оказывают какое-либо воздействие на окружающую среду и не могут включаться в природный ресурсооборот по определению. Поэтому в данном случае необходима отдельная закрепленная в законодательстве формулировка, уточняющая какая категория или какие категории природоподобных технологий должны быть интегрированы в природную среду и естественный ресурсооборот в обязательном порядке, чтобы быть признанными таковыми.

Вопрос же о необходимости включения максимального количества создаваемых человеком технологий и объектов в природный ресурсооборот не может подвергнут сомнению, вне зависимости от того, являются ли они природоподобными или нет. И это должно стать самостоятельной целью научно-технологического развития человечества.

Библиография

1. Ковалчук М.В., Нарайкин О.С., Яцишина Е.Б. Природоподобные технологии: новые возможности и новые вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 5. С. 455-465. DOI: 10.31857/S0869-5873895455-465 EDN: FRDGCY.
2. Савенков А.Н. Национальное политico-правовое развитие и основные идеи философии права в России (часть I) // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 17-43. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-4-17-43 EDN: QMXTIM.
3. Агафонов В.Б. Эколого-правовое обеспечение регулирования использования природоподобных технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

2025. № 1. С. 22-30. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.125.1.021-030 EDN: PTPQMZ.
4. Халтурина О.А., Терешкина Н.Е. Развитие природоподобных технологий в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 5-1. С. 142-146. DOI: 10.17513/vaael.3425 EDN: EXXCGQ.
5. Терешкина Н.Е., Халтурина О.А. Развитие природоподобных технологий в мире // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 4-3. С. 504-508. DOI: 10.17513/vaael.3454 EDN: EFNNBX.
6. Ковальчук М.В., Нарайкин О.С. Природоподобные технологии-новые возможности и новые угрозы // Индекс безопасности. 2016. Т. 22. № 3-4 (118-119). С. 103-108. EDN: YRNQYF.
7. Редникова Т.В. Зеленое сельское хозяйство как отрасль зеленой экономики: проблемы оценки комплексного воздействия на окружающую среду // Сельское хозяйство. 2022. № 4. С. 37-45. DOI: 10.7256/2453-8809.2022.4.39530 EDN: UWNIKC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39530
8. Воронина Н.П. Гринвинг: правовой механизм противодействия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 3 (103). С. 28-36. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.103.3.028-036 EDN: UGBVIW.
9. Дубовик О.Л., Иванова А.Л., Калиниченко В.Т., Редникова Т.В., Рёрихт А.А. Экологическая политика Европейского Союза в сфере правового регулирования оборота продуктов и продукции // Экологическое право. 2008. № 2. С. 33-37. EDN: JSDBEJ.
10. Савенков А.Н. Ценности Конституции РФ в изменяющемся мире // Государство и право. 2019. № 3. С. 5-16. DOI: 10.31857/S013207690004422-6 EDN: VXBVSE.
11. Бринчук М.М. Экологическое право в свете общей теории права // Государство и право. 2025. № 2. С. 68-81. DOI: 10.31857/S1026945225020076 EDN: EQOTAA.
12. Katiyar et al. Nature-inspired materials: Emerging trends and prospects // NPG Asia Materials. 2021. Т. 13. С. 56.
13. Idouanaou A., Mustapha Malha M., Bah A., Kardellass S. The potential of green roof strategies for reducing CO₂ emissions and energy use in Moroccan office buildings // Green Technologies and Sustainability. 2025. Т. 3. С. 100177. DOI: 10.1016/j.grets.2025.100177 EDN: EBCSFJ.
14. Баксанский О.Е. От техногенного общества к истокам природоподобных технологий // Коллекция гуманитарных исследований. 2017. № 3 (6). С. 6-14. EDN: ZBBSOF.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, проблема правового понятия и критериев природоподобных технологий. Заявленные границы исследования соблюдены ученым. Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования обосновывается им следующим образом: "В последние десятилетия человечество сталкивается с все большим количеством глобальных вызовов и угроз, при этом не только значительно возрастают традиционные риски его существованию, такие как ухудшение качества окружающей среды, процессы глобального потепления, нехватка продовольствия и энергии, утрата биологического разнообразия, но появляются и новые. В первую очередь они связанны с влиянием технологического прогресса на экономическое благополучие и перспективы развития стран, здоровье и продолжительность жизни населения, а также на

взаимодействие человека и природы. Чем выше уровень технологического развития страны, тем больше ее население получает выгод от внедрения инновационных технологий, оказывающих существенное влияние на качество жизни. При этом для современного общества характерны процессы глобализации, определяемые учеными, как процессы социотехноприродного развития мира [14, с. 11]. Глобализация вносит значительный вклад в межгосударственное взаимодействия стран в экономике, политике, науке и культуре и не всегда взгляды и подходы к различным явлениям совпадают, а годами наложенные связи и обмен информацией могут быть разорваны из-за ухудшения политической обстановки и возникновения конфликтов между отдельными государствами и их объединениями" и др. Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Остановимся на нескольких важных аспектах, которые могут быть привнесены в повседневную жизнь людей путем внедрения природоподобных технологий. Приведем лишь некоторые из них:

- существенное снижение потребления энергии благодаря рациональному использованию природных закономерностей; - улучшение устойчивости и надежности конструкций, способных выдерживать большие нагрузки и механические повреждения, к примеру, на основе изучения прочностных характеристик костей, древесины и других природных материалов и компонентов; - снижение негативного влияния на окружающую среду за счет применения технологий, созданных по образцу природных систем (минимизация количества токсичных отходов, применение «зеленых» кровель, самоочищающихся поверхностей, материалов с низким уровнем выделения токсических веществ); - оптимизация логистических процессов, позволяющих улучшать алгоритмы транспортной логистики на основе исследования путей миграции рыб, полета насекомых и перемещения муравьев;
- материалы, имитирующие природные, могут обладать уникальными свойствами (к примеру, легкостью, эластичностью, прочностью); - создание специальных покрытий и композитов, устойчивых к высоким температурам и агрессивным химическим средам, на основе изучения свойств некоторых видов бактерий, способных выживать в космосе или на дне океана;
- устойчивое обращение с отходами и нейтрализация загрязнения среды с использованием, например, водорослей, очищающих воду и бактерий, восстанавливающих почву или разлагающих пластиковые отходы; - архитектурные решения, создаваемые на основе природных форм, позволяющие создавать здания, оптимально вписывающиеся в окружающую среду, а также с повышенными теплоизоляционными свойствами, а также сниженным потреблением всех видов энергии"; "Представляется, что с учетом пристального внимания государства к развитию данных технологий, а также предполагаемого дальнейшего развития правового регулирования в сфере их разработки и применения, отсутствие нормативно закрепленного определения и критериев отнесения технологии к таковым является значительным препятствием для формирования соответствующих правовых норм"; "Закрепленного юридически термина «природоподобные технологии» (в какой-либо из его смысловых редакций) на сегодняшний день не содержится ни в международных соглашениях, ни в правовых актах на национальном уровне не зафиксирован напрямую как отдельное правовое определение. Однако многие государства и организации используют этот концепт косвенно, формулируя тексты правовых норм или разрабатывая стратегические документы, касающиеся сферы устойчивого развития, охраны окружающей среды и инновационных технологий. В большинстве же правовых актов используется термин «биотехнология» или его варианты, использующие

соответствующую приставку «био» – биомедицина, биоинженерия. Примечательно, что по критерию имитации природы они также могут считаться природоподобными технологиями. Например, производство биоматериалов для имплантации"; "При формировании правового понятия природоподобных технологий представляется необходимым включить в него наиболее общие их сущностные характеристики. В данном контексте удачной является формулировка, содержащаяся в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации в части воспроизведения ими систем и процессов живой природы в виде технических систем и технологических процессов. Однако предложение об обязательности такого критерия, как интегрированность природоподобных технологий в природную среду и естественный природный ресурсооборот, с нашей точки зрения не может быть отнесено ко всем технологиям, причисляемым к данной категории, а лишь к ее части. К примеру технологии, воспроизводящие природные процессы на молекулярном уровне, не всегда оказывают какое-либо воздействие на окружающую среду и не могут включаться в природный ресурсооборот по определению. Поэтому в данном случае необходима отдельная закрепленная в законодательстве формулировка, уточняющая какая категория или какие категории природоподобных технологий должны быть интегрированы в природную среду и естественный ресурсооборот в обязательном порядке, чтобы быть признанными таковыми" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной темы исследования. В основной части работы ученый исследует сущность природоподобных технологий, анализирует смежные понятия, определяет критерии анализируемых технологий. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В первую очередь они связаны с влиянием технологического прогресса на экономическое благополучие и перспективы развития стран, здоровье и продолжительность жизни населения, а также на взаимодействие человека и природы" - "связаны" (орфографическая ошибка).

Ученый отмечает: "Глобализация вносит значительный вклад в межгосударственное взаимодействия стран в экономике, политике, науке и культуре и не всегда взгляды и подходы к различным явлениям совпадают, а годами наложенные связи и обмен информацией могут быть разорваны из-за ухудшения политической обстановки и возникновения конфликтов между отдельными государствами и их объединениями" - "Глобализация вносит значительный вклад в межгосударственное взаимодействие стран в экономике, политике, науке и культуре, и не всегда взгляды и подходы к различным явлениям совпадают, а годами наложенные связи и обмен информацией могут быть разорваны из-за ухудшения политической обстановки и возникновения конфликтов между отдельными государствами и их объединениями" (см. на орфографию и пунктуацию).

Автор указывает: "Обеспечение технологического суверенитета становиться той целью, без достижения которой сама возможность существования государства в современном мире может быть поставлена под сомнение" - "становится" (орфографическая ошибка).

Ученый пишет: "В природе способностью к самовосстановлению в той или иной степени не только экосистем, но и конкретных организмов, например, после механических повреждений или заболеваний" - предложение не согласовано.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются орфографические и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 14 источниками (научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("При формировании правового понятия природоподобных технологий представляется необходимым включить в него наиболее общие их сущностные характеристики. В данном контексте удачной является формулировка, содержащаяся в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации в части воспроизведения ими систем и процессов живой природы в виде технических систем и технологических процессов. Однако предложение об обязательности такого критерия, как интегрированность природоподобных технологий в природную среду и естественный природный ресурсооборот, с нашей точки зрения не может быть отнесено ко всем технологиям, причисляемым к данной категории, а лишь к ее части. К примеру технологии, воспроизводящие природные процессы на молекулярном уровне, не всегда оказывают какое-либо воздействие на окружающую среду и не могут включаться в природный ресурсооборот по определению. Поэтому в данном случае необходима отдельная закрепленная в законодательстве формулировка, уточняющая какая категория или какие категории природоподобных технологий должны быть интегрированы в природную среду и естественный ресурсооборот в обязательном порядке, чтобы быть признанными таковыми. Вопрос же о необходимости включения максимального количества создаваемых человеком технологий и объектов в природный ресурсооборот не может подвергнуть сомнению, вне зависимости от того, являются ли они природоподобными или нет. И это должно стать самостоятельной целью научно-технологического развития человечества" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере экологического права, гражданского права, административного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), введении дополнительных элементов дискуссионности, устранении многочисленных нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования является формирование правового понятия природоподобных технологий и разработка критериев их классификации в российском законодательстве. Автор анализирует современное состояние нормативно-правового регулирования данной сферы, исследует различные подходы к определению природоподобных технологий и предлагает принципы и критерии их правовой идентификации. Предмет исследования выбран обоснованно и соответствует актуальным потребностям развития отечественного права в условиях приоритетности научно-технологического развития.

Методология исследования

В работе применяется комплексная методология, включающая формально-юридический анализ нормативных актов, сравнительно-правовой метод при сопоставлении российского и зарубежного опыта терминологии, системный подход к анализу принципов природоподобных технологий. Автор использует междисциплинарный подход, привлекая данные из области естественных наук, что оправдано спецификой предмета исследования. Методологический аппарат соответствует поставленным задачам, однако можно отметить недостаточное применение статистических методов для анализа практики применения существующих технологий.

Актуальность

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Автор убедительно обосновывает значимость темы через призму стратегических документов Российской Федерации, включая Стратегию научно-технологического развития 2024 года и Указ Президента РФ от 02 ноября 2023 г. № 818. Особую актуальность придает отсутствие нормативно закрепленного определения природоподобных технологий при их высоком государственном приоритете. Работа отвечает на конкретные потребности правотворческой практики и научного сообщества.

Научная новизна

Научная новизна проявляется в системном анализе принципов природоподобных технологий с правовых позиций, разработке комплекса критериев их классификации, а также в сравнительном анализе российской и зарубежной терминологии. Автор предпринимает попытку создания теоретической основы для будущего нормативного регулирования. Однако степень новизны могла бы быть выше при более глубоком анализе зарубежного опыта правового регулирования и практических кейсов применения таких технологий.

Стиль, структура, содержание

Статья написана академическим научным стилем, соответствующим требованиям юридических исследований. Структура логична и последовательна: от обоснования актуальности через анализ существующих подходов к формулированию собственных предложений. Содержание богато фактическим материалом, включает обширные примеры применения природоподобных технологий в различных отраслях.

Вместе с тем, структура имеет некоторые недостатки:

Введение излишне объемно и содержит материал, который мог бы быть вынесен в основную часть

Переходы между разделами не всегда плавны

Заключение содержит новые идеи, которые требовали бы развития в основной части

Текст в целом читается легко, однако встречаются чрезмерно длинные предложения, затрудняющие восприятие.

Библиография

Библиографический список включает 14 источников, что представляется недостаточным для столь широкой темы. Источники актуальны (преимущественно 2019-2025 годы), включают как российские, так и зарубежные публикации. Положительно отмечается использование нормативных актов и стратегических документов.

Недостатки библиографии:

Ограниченнное количество зарубежных источников (только 2 из 14)

Отсутствие монографических исследований по теме

Недостаточное представление междисциплинарных источников из области естественных наук

Отсутствие источников по смежным правовым проблемам (интеллектуальная собственность, технологическое право)

Апелляция к оппонентам

Автор демонстрирует знакомство с различными точками зрения на проблему, цитирует работы В.Б. Агафонова, О.А. Халтуриной, Н.Е. Терешкиной, отмечая отсутствие единого понимания сущности природоподобных технологий. Однако полемика с оппонентами носит скорее констатирующий характер. Не хватает критического анализа существующих подходов и аргументированной защиты собственной позиции. Автор мог бы более активно вступать в научную дискуссию, предлагая альтернативные решения дискуссионных вопросов.

Выводы, интерес читательской аудитории

Основные выводы исследования сформулированы, но не выделены в отдельный раздел, что затрудняет их восприятие. Автор приходит к заключению о необходимости законодательного закрепления определения и критериев природоподобных технологий, предлагает систему принципов их идентификации. Однако конкретные формулировки нормативных определений не предложены, что снижает практическую значимость работы.

Статья представляет интерес для широкой аудитории:

Исследователей в области экологического, административного, гражданского права

Практикующих юристов, работающих в сфере инноваций и технологий

Представителей органов государственной власти, участвующих в правотворческой деятельности

Специалистов в области естественных и технических наук

Общая оценка и рекомендации

Статья посвящена актуальной и значимой проблеме, содержит интересные наблюдения и предложения. Автор демонстрирует хорошее знание предмета исследования и понимание практических потребностей правового регулирования.

Рекомендации по доработке:

Сократить введение, перераспределив материал по основной части статьи

Усилить библиографическую базу, особенно зарубежными источниками

Предложить конкретные формулировки нормативных определений

Развить полемику с существующими научными позициями

Выделить выводы в отдельный раздел с четкими практическими рекомендациями

Добавить анализ зарубежного опыта правового регулирования

Рассмотреть вопросы интеллектуальной собственности на природоподобные технологии

Заключение: Статья рекомендуется к публикации после устранения указанных недостатков. Работа вносит вклад в развитие правовой науки и может стать основой для дальнейших исследований в данной области.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

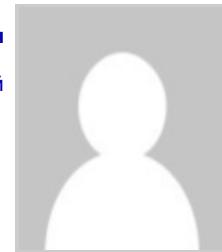
Краснов К.В. «Публичный призыв» и «пропаганда»: уголовно-правовое содержание терминов // Юридические исследования. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.6.75040 EDN: NZQPBR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75040

«Публичный призыв» и «пропаганда»: уголовно-правовое содержание терминов**Краснов Константин Владимирович**

аспирант; кафедра уголовного права и криминологии; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

✉ konstantinvladimiro.krasnov@yandex.ru

[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.6.75040

EDN:

NZQPBR

Дата направления статьи в редакцию:

25-06-2025

Дата публикации:

02-07-2025

Аннотация: В работе рассмотрены некоторые особенности уголовно-правового содержания терминов «публичный призыв» и «пропаганда». Автор работы отмечает, что в настоящее время современная обстановка демонстрирует необходимость в предупреждении различных форм деструктивного воздействия на всех членов общества. Повышенное внимание к названным категориям уголовного права связано, в том числе, с ростом информационных угроз в цифровом пространстве; с необходимостью соблюдения баланса между дозволенным и преступным поведением; со сложностью теоретического и практического значения и т. д. В рамках работы автором предпринята попытка определения понятий «публичный призыв» и «пропаганда» с помощью трёх приёмов: анализ понятия с использованием дедуктивного инструментария; апелляция к мнениям учёных; учёт легальных подходов к интерпретации интересующих терминов. В

процессе проведенного исследования использован комплекс общенациональных и частно-научных методов, который позволил всестороннее изучить особенности уголовно-правового содержания терминов «публичный призыв» и «пропаганда». В основу исследования положен всеобщий диалектический метод познания, позволяющий изучить объективно существующие закономерности, сущность и содержание названных терминов. В результате проведённого исследования делается ряд выводов. В частности, установлено, что в настоящее время существуют легальные определения терминов «публичный призыв к осуществлению террористической деятельности», «публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и «пропаганда терроризма». Однако стоит заметить, что уголовное законодательство не ограничивается указанием на публичный призыв и пропаганду только в рамках данных преступных посягательств. В работе предложено авторское видение терминов «публичный призыв» и «пропаганда» в контексте уголовного права. Помимо этого, установлено, что изученные термины схожи, но отличаются друг от друга. В связи с этим предложены критерии их разграничения по содержанию и целевому значению. В частности, по содержанию призыв подразумевает прямое побуждение к конкретному действию, а пропаганда – системное распространение идей для формирования мировоззрения. По целевому значению призыв направлен на стимулирование немедленного действия, а пропаганда на долгосрочное изменение убеждений или ценностей.

Ключевые слова:

публичный призыв, публичный, призыв, пропаганда, девиантное поведение, поведение, негативное явление, социальное явление, уголовное право, право

Современная социально-правовая действительность демонстрирует необходимость предупреждения различных форм деструктивного воздействия как на общество в целом, так и на отдельную личность. Особо важным такое предупреждение становится именно сейчас, в период масштабного вмешательства в национальную безопасность государства со стороны недружественных стран. Как справедливо отмечает А.С. Изолитов, современная обстановка в мире характеризуется тенденцией переноса вектора межгосударственного противостояния из открытой формы (вооружённый конфликт) в скрытую (информационная война, подрывная деятельность и т.д.) [\[5, с. 36\]](#). В подобных условиях особую актуальность приобретают уголовно-правовые категории «публичный призыв» и «пропаганда». Внимание к данным явлениям определено рядом причин, в частности, ростом информационных угроз в цифровом пространстве; необходимостью соблюдения баланса между дозволенным и преступным поведением; сложностью установления теоретического и практического значения и т.д. В связи с этим в настоящее время в отечественном уголовном праве имеются нормы, предусматривающие ответственность за публичные призывы к определённым формам девиантного поведения и пропаганду ряда социально-негативных явлений. Заметим, что в научных кругах подобные деяния называют «призывающими» преступлениями [\[15, с. 127-133\]](#).

Анализируемые уголовно-правовые категории так или иначе затрагивались в доктрине, особенно в современной. Однако, как правило, подобные работы посвящены анализу или одного конкретного состава преступного деяния [\[14\]](#), или рассмотрению ряда посягательств вкупе с иными однородными деяниями (например, террористические преступления, в том числе публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, пропаганда терроризма) [\[6\]](#). Вместе с

тем в науке отсутствует устойчивая теоретическая разработка понимания уголовно-правового содержания терминов «публичный призыв» и «пропаганда».

Одной из задач юридической науки, в особенности уголовно-правовой, является выработка точного понятийного аппарата. Как справедливо отмечается в научной литературе, познание понятия и определения выступает одной из фундаментальных методологических основ, обеспечивающих объективное отражение предметов и явлений [12, с. 133]. Названный тезис полностью согласуется с темой настоящей работы.

Для раскрытия анализируемых категорий в рамках данной статьи использовано несколько приёмов: анализ понятия с помощью дедуктивного инструментария, который позволяет выстроить умозаключение от общих положений к частным случаям; апелляция к мнениям учёных; учёт легальных подходов к интерпретации интересующих терминов.

Термин «публичный призыв» содержит в себе два слова. Затрагивая этимологию лексемы «публичный», заметим, что она происходит от латинского «publicus», что означает «общественный» либо «народный» [11]. В свою очередь, «publicus» восходит к «populus», что переводится как «народ». Таким образом, происхождение слова предполагает его отнесение к общественному, народному, то есть известному всем. В качестве синонимов к термину «публичный» выступают «массовый», «открытый» и т. д.

В свою очередь, термин «призыв» происходит от глагола «призвать», который образован от старославянского «зъвати» (звать, призывать). Исходя из этого, названный глагол подразумевает совершение определённых действий по приглашению, зову кого-либо. Синонимичными данному термину являются обращение, лозунг, возвывание, требование, клич. В зависимости от контекста можно использовать и другие слова, такие как запрос, вызов, приглашение, побуждение, просьба.

В своём обобщённом значении термин «публичный» подразумевает «осуществляемый в присутствии кого-либо», слово «призыв» означает обращение-требование [10].

Аккумулируя общее представление, можно сделать вывод, что публичный призыв означает открытое обращение к обществу с целью побуждения к совершению чего-либо.

Лексема «пропаганда», как и «публичный», происходит от латинского, которое в переводе означает «рассаживать, распространять, увеличивать». Первоначально данный термин использовался в католической церкви для обозначения деятельности по распространению веры, но со временем его значение расширилось [1, с. 7]. В своём первостепенном значении он предполагает распространение среди кого-либо каких-либо воззрений, идей, знаний, учений [10]. Близкими по синонимическому свойству являются слова «популяризация», «агитация», «продвижение», «распространение» и т.д.

Для определения понятий искомых терминов обратимся к доктринальным разработкам. Ниже представлены некоторые позиции учёных, относительно понимания термина «публичный призыв» применительно к ряду преступных посягательств.

Таблица 1. Некоторые доктринальные определения термина «публичный призыв» в контексте уголовного права

ФИО	Понятие
Глуздак Г.Н., Булгакова Л.С. [4]	побудительное обращение, выраженное в словесной форме любым способом (устным, письменным, с использованием технических средств или иным) и

c. 49]	адресованное неопределенному кругу лиц
Куликов М.П. [7, с. 140]	склонение, побуждение к совершению определенного преступления
Назарова И.С., Шеншин В.М. [8, с. 60]	выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению определенной деятельности
Пудовочкин Ю.Е. [11, с. 75]	форма психического воздействия на волю и сознание неопределенного круга лиц с целью их побуждения к осуществлению действий
Шибзухов З.А. [16, с. 96]	информационное воздействие на неопределенную группу лиц в целях побуждения их к совершению определенного преступления
Шумилов А.Ю. [17, с. 48]	внешнее проявление целенаправленной деятельности виновного, заключающееся в осуществлении психического воздействия на сознание, волю и поведение людей для формирования у них побуждения к определенному виду деятельности

Как можно заметить, большинство авторов сходятся в том, что публичный призыв представляет собой обращение к неопределенному кругу лиц, выраженное в любой форме, направленное на побуждение последних совершить что-либо.

С учетом этого думается, что к характерным признакам названного действия можно отнести:

- адресат призыва: неопределенный круг лиц;
- форма выражения: любая;
- целевое значение: побуждение совершить что-то (т.е. конкретный вид преступления);
- публичный характер.

Далее рассмотрим представленные в доктрине подходы к пониманию термина «пропаганда».

Таблица 2. Некоторые доктринальные определения термина «пропаганда» в контексте уголовного права

ФИО	Понятие
Борисов С.В. [2, с. 432]	распространение в обществе и разъяснение воззрений, идей, знаний, учений, обосновывающих целесообразность и (или) необходимость совершения действий
Бурковская В.А. [3, с. 275]	целенаправленное информационное манипулятивное воздействие на чувства, эмоции адресата с целью формирования или изменения у него существующих мнений, отношений, установок, поведения в целом
Костылева О.В. [6, с. 107]	распространение информации и (или) материалов, в которых на основе той или иной системы убеждений легитимируется осуществление преступной

	деятельности и которые направлены на принятие указанной системы убеждений другими лицами, на формирование у них представления о допустимости осуществления преступной деятельности
Фридинский С.Н. [13, с. 146]	формирование негативного мировоззрения у масс, культивирование идеологии

С учётом представленных позиций можно заметить, что пропаганда подразумевает распространение идей, ценностей, информации или точек зрения с целью формирования мнения, убеждения или поведения определённых групп людей, обосновывающих целесообразность и (или) необходимость совершения конкретных преступных деяний.

Требуется отметить, что рассматриваемые термины имеют официальную дефиницию. В частности, согласно п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»[\[2\]](#), под публичными призывами к осуществлению террористической деятельности следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности. Схожее определение дано в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»[\[3\]](#) применительно к этим деяниям.

В целом можно заметить, что судебное толкование практически сходно с тем понятием, что было выработано с учётом выявления первостепенного значения, а также обобщения позиций ряда учёных.

Термин «пропаганда» имеет аутентичное толкование, которое находит своё отражение в примечании 1.1 к ст. 205.2 УК РФ. Согласно данному примечанию, под названным деянием понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убеждённости в её привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности.

Законодатель при раскрытии анализируемого термина использует семантическое свойство. Пропаганда включает в себя распространение как информации, так и материалов. Такое деяние преследует цель формирования у адресата идеологии; убеждённости в привлекательности идеологии; допустимости осуществления преступной деятельности.

Следует отметить, что в науке акцентируется внимание на необходимости различия терминов «призыв» и «пропаганда». В частности, А.Н. Новосёлова, А.А. Зайцева указывают, что призыв является одним из способов, конечной фазой и последствием пропаганды [\[9, с. 51\]](#).

Законодатель, в свою очередь, в ч. 1 ст. 205.2 УК РФ указывает на призыв и пропаганду как на отдельные, но схожие противоправные деяния. Разницу он видит в том, что пропаганда представляет собой формирование у адресатов определённой идеологии, а призыв — побуждение адресатов к каким-либо деструктивным действиям.

Бессспорно, рассматриваемые термины близки, но, тем не менее, отличаются друг от друга. Представляется, что данные понятия можно разграничить по двум критериям: по

содержанию и целевому значению.

Таблица 3. Отграничение терминов «призыв» и «пропаганда»

критерий	термин	
	призыв	пропаганда
содержание	прямое побуждение к конкретному действию	системное распространение идей для формирования мировоззрения
целевое значение	стимулирование немедленного действия	долгосрочное изменение убеждений или ценностей

Подводя итоги рассмотрения уголовно-правового содержания терминов «публичный призыв» и «пропаганда», можно сделать следующее выводы.

1. В настоящее время существуют легальные определения терминов «публичный призыв к осуществлению террористической деятельности», «публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и «пропаганда терроризма». Однако стоит заметить, что уголовное законодательство не ограничивается указанием на публичный призыв и пропаганду только в рамках данных преступных посягательств. В УК РФ имеются и иные общественно опасные деяния, связанные с совершением названных действий.

2. На основе проведенного анализа можно представить следующие авторские определения изучаемых терминов:

- публичный призыв в контексте уголовного права – это обращение к неопределенному кругу лиц, выраженное в любой форме (в устной, письменной, с использованием технических средств и др.), направленное на побуждение последних совершить определенное противоправное действие;

- пропаганда в контексте уголовного права – это распространение материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица убеждений, которые легитимируют представление о преступных действиях и побуждают к совершению подобных.

3. Установлено, что изученные термины схожи, но отличаются друг от друга. В связи с этим предложены критерии их разграничения по содержанию и целевому значению. В частности, по содержанию призыв подразумевает прямое побуждение к конкретному действию, а пропаганда – системное распространение идей для формирования мировоззрения. По целевому значению призыв направлен на стимулирование немедленного действия, а пропаганда на долгосрочное изменение убеждений или ценностей.

[1] Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/>.

[2] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

[3] О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

Библиография

1. Амиров Р.З. К вопросу об идеологических аспектах правовой пропаганды // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2017. № 2 (33). С. 7-9.
2. Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2012. 484 с.
3. Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. 469 с.
4. Глуздак Г.Н., Булгакова Л.С. Понятие публичных призывов как признака объективной стороны противоправного деяния // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. № 2 (36). С. 44-49.
5. Изолитов А.С. Публичные призывы к противоправной деятельности: проблемы уголовной ответственности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2009. № 2 (17). С. 36-41.
6. Костылева О.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма: уголовно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 33 с.
7. Куликов М.П. Публичные призывы к экстремизму и институт соучастия: сопоставительный анализ // Академическая публицистика. 2022. № 7-1. С. 140-145.
8. Назарова И.С., Шеншин В.М. Противодействие экстремизму: основной понятийно-категориальный аппарат. Белгород, 2020. 96 с.
9. Новоселова А.Н., Зайцева А.А. Соотношение понятий "пропаганда" и "призыв" в контексте судебно-лингвистической экспертизы // Законность и правопорядок. 2023. № 2 (38). С. 48-51.
10. Ожегов С.И., Швцдова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=29946>.
11. Пудовочкин Ю.Е. Преступления против безопасности государства. М., 2009. 330 с.
12. Пучков В.О. Понятия в правовой науке: методологические вопросы сущности // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 2 (29). С. 133-150.
13. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизма) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): дис. ... докт. юрид. наук. М., 2011. 366 с.
14. Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 29 с.
15. Шевелева С.В. Трансформация "призывающих" преступлений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. № 4 (849). С. 127-133.
16. Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 181 с.
17. Шумилов А.Ю. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (комментарий к главе 29 УК РФ). М., 2001. 204 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования выступают уголовно-правовые категории «публичный призыв» и «пропаганда» в контексте российского уголовного законодательства. Автор

сосредотачивает внимание на анализе содержания данных терминов, их доктринальных определений и разграничении понятий. Предмет исследования четко определен и соответствует заявленной теме статьи.

Методология исследования

Автор использует комплекс методов исследования, включающий:

дедуктивный анализ (от общих положений к частным случаям)

этимологический анализ терминов

сравнительно-правовой метод при анализе доктринальных позиций

систематизацию научных взглядов посредством табличного представления

нормативно-правовой анализ

Методологическая база исследования представляется достаточной для достижения поставленных целей, однако автор мог бы дополнить её эмпирическим анализом судебной практики применения соответствующих норм.

Актуальность

Актуальность исследования обоснована автором через призму современных вызовов национальной безопасности, роста информационных угроз и необходимости соблюдения баланса между дозволенным и преступным поведением. Особенno важным представляется акцент на переносе межгосударственного противостояния в информационную плоскость. Тема действительно актуальна в условиях современных реалий и требует теоретической проработки.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в:

комплексном теоретико-правовом анализе содержания терминов «публичный призыв» и «пропаганда»

систематизации доктринальных подходов к определению данных понятий

выработке авторских определений указанных терминов

предложении критериев разграничения понятий «призыв» и «пропаганда»

Вместе с тем, новизна исследования носит в основном систематизирующий характер, поскольку автор преимущественно обобщает существующие научные позиции без выдвижения принципиально новых теоретических концепций.

Стиль, структура, содержание

Статья написана научным стилем, изложение логично и последовательно. Структура работы соответствует поставленным задачам: от общих вопросов актуальности через этимологический анализ к доктринальным позициям и выводам.

Достоинствами работы являются:

четкая структурированность материала

использование табличного представления для систематизации научных позиций

последовательное изложение от этимологии к доктринальным определениям

Недостатки:

недостаточное внимание к практическим аспектам применения анализируемых норм

отсутствие критического анализа действующих легальных определений

поверхностный характер анализа зарубежного опыта регулирования

Библиография

Библиографический список включает 17 источников, среди которых преобладают диссертационные исследования, статьи в научных журналах и нормативно-правовые акты. Источники в основном современные, что свидетельствует об актуальности используемой научной базы.

Замечания к библиографии:

отсутствуют зарубежные источники, что ограничивает возможности сравнительно-правового анализа

недостаточно представлены монографические исследования по теме

ссылка на Викисловарь как источник в научной работе представляется неуместной

Апелляция к оппонентам

Автор демонстрирует знание различных научных позиций по исследуемой проблематике, систематизирует их в табличной форме. Однако апелляция к оппонентам носит преимущественно описательный характер без развернутой полемики или критического анализа представленных точек зрения. Автор не выявляет противоречия в доктринальных подходах и не предлагает путей их разрешения.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы статьи логически вытекают из проведенного исследования и включают:

констатацию наличия легальных определений отдельных видов публичных призывов и пропаганды

авторские определения исследуемых терминов

критерии разграничения понятий «призыв» и «пропаганда»

Работа может представлять интерес для:

исследователей в области уголовного права

практических работников правоохранительных органов

студентов и аспирантов юридических специальностей

Однако практическая значимость работы ограничена преимущественно теоретическим характером исследования без выхода на конкретные предложения по совершенствованию законодательства или правоприменительной практики.

Общая оценка и рекомендации

Статья представляет собой добротное теоретическое исследование, выполненное на достаточном научном уровне. Автор решает поставленные задачи, однако работа носит преимущественно систематизирующий характер.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Чжан Л. Концепции «личной информации» и «персональных данных» в праве Китая и России // Юридические исследования. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.6.74610 EDN: FNHOMQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74610

Концепции «личной информации» и «персональных данных» в праве Китая и России

Чжан Лу

ORCID: 0009-0008-3319-2009

аспирант; Юридический факультет; Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, г. Санкт-Петербург, 22 линия В.О., д. 7

✉ marshazlu@163.com

[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.6.74610

EDN:

FNHOMQ

Дата направления статьи в редакцию:

26-05-2025

Аннотация: В данной статье рассмотрены концепции «личной информации» в Законе КНР «О защите личной информации» и «персональными данными» в ФЗ РФ «О персональных данных». Предметами статьи являются концепции «личной информации» и «персональных данных». Для анализа подходов к определению этих понятий использованы три теории: теория идентификации, теория связей и теория конфиденциальности. Основное внимание уделено различиям и сходствам в концепциях «личной информации» и «персональных данных», а также их классификации в рамках права Китая и России. Проанализированы сходства и различия между этими двумя понятиями в соответствии с законодательством двух стран. Цель статьи заключена в выяснении сходств и различий между понятиями «личная информация» и «персональные данные», используемыми в китайском и российском законодательстве, путем сравнения и анализа их теоретических основ, definиционных подходов, истории возникновения понятий и причин их использования, а также основных классификаций. Основные методы исследования, применяемые в данной работе, включают анализ литературы и сравнительный анализ законодательства. Основными выводами статьи является

отсутствие существенной разницы в содержании между «личной информацией» в Законе КНР «О защите личной информации» и «персональными данными» в ФЗ РФ «О персональных данных». Понятие личной информации и персональных данных, безусловно, является основой защиты личной информации. Однако многочисленные проблемы, выявленные в судебной практике, отражают неопределенность концепции личной информации и сложность её применения на практике. С развитием технологий в эпоху больших данных защита личной информации сталкивается с новыми вызовами. Особенно на фоне фрагментации данных, когда отдельная информация может быть связана, объединена и сопоставлена, что позволяет вновь идентифицировать конкретного человека. Такая динамичность и изменчивость делают традиционные фиксированные концепции сложными для применения в реальных условиях. Поэтому будущее законодательство должно сохранять гибкость и эластичность в определении личной информации. Адаптироваться к изменениям в развитии информационных технологий и постоянно корректировать и совершенствовать соответствующее законодательство в соответствии с реальной ситуацией.

Ключевые слова:

личная информация, персональные данные, китайское законодательство, российское законодательство, сравнительный анализ, право, защита данных, Китай, Россия, защита информации

В эпоху больших данных сбор, хранение, обработка и передача персональных данных стали важной частью функционирования общества. Однако проблемы утечек и злоупотреблений персональными данными становятся всё более актуальными, что создаёт множество рисков как для личной жизни, так и для государственного управления. В последние годы Китай и Россия активно разрабатывают законодательство по защите персональных данных. Но есть проблемы, которые требуют решения. Например, неясное определение концепции личной информации и персональных данных, необходимость усиления правового регулирования. Концепции личной информации и персональных данных являются основами для защиты персональных данных и контроля за конфиденциальностью информации, но существующие определения остаются несовершенными. Поэтому сравнительное исследование законодательства Китая и России в области защиты личной информации и персональных данных имеет важное практическое значение, помогая заполнить пробелы в сравнительном анализе персональных данных и личной информации между двумя странами.

Статья использует методы сравнительного анализа и анализа литературы для более глубокого изучения различий и сходств в правовых системах Китая и России защиты личной информации или персональных данных. В статье проводится детальный анализ концепций «личная информация» и «персональные данные» в законах двух стран, чтобы выяснить, как эти понятия определяются в праве Китая и России и какая юридическая логика лежит в их основе. Также проводится сравнение методов классификации личной информации и данных в законах двух стран, анализируются различия и особенности защиты разных типов информации. В статье рассматривается, как законодательство двух стран определяет круг субъектов, имеющих право собирать, хранить и использовать персональные данные, включая государственные органы, предприятия, социальные организации и другие субъекты, а также их полномочия и ограничения. Через сравнительный анализ выявляются различия в управлении субъектами сбора

информации. Помимо сравнительного анализа китайских и российских законов, в статье также рассматриваются соответствующие законодательные акты США, ЕС и других стран и регионов. Это позволяет изучить теоретическую основу и практический эффект законодательства о защите личной информации в разных странах, а также предложить полезные рекомендации для совершенствования законов Китая и России.

В Китае многие ученые занимаются различием между понятиями "личная информация" и "персональные данные", однако эта проблема все еще вызывает много споров. Юй Сяолан в своей статье «О юридическом различии между личной информацией и персональными данными»^[1] подробно анализирует эти понятия, начиная с их имущественной ценности, и с точки зрения юридической теории утверждает, что оба термина защищают одни и те же объекты, и поэтому не требуют строгого различия. В противоположность этому, Лю Ляньцзюнь в статье «Различие между личной информацией и персональными данными»^[2] подчеркивает значительные различия между этими терминами в плане содержания, правового статуса и других аспектов, утверждая, что их не следует приравнивать друг к другу. Он считает, что личная информация — это знание, а персональные данные — это носитель данных. Российские учёные в основном сосредоточены на анализе определения понятия персональных данных. В. Б. Наумов и В. В. Архипов^[3] провели углублённое исследование проблемы толкования понятия персональных данных в контексте регулирования информационно-телекоммуникационных технологий. Сравнив разные подходы к определению персональных данных, они предложили своё собственное определение и указали на то, что ключевой характеристикой персональных данных является возможность идентифицировать физическое лицо на основе имеющихся в распоряжении оператора данных. Однако некоторые учёные считают, что персональные данные являются одной из форм информации, и что между этими двумя терминами нет существенных различий^[4]. К сожалению, до сих пор ни в Китае, ни в России не появилось статей, сравнивающих понятия личной информации и персональных данных в законодательстве обеих стран.

Термины "персональные данные" и "личная информация" используются в разных странах мира при принятии законов о защите персональных данных или личной информации. В России и Европейском союзе это называется персональными данными, тогда как в Китае, Японии, Корее говорят о защите личной информации.

В настоящее время под информацией по-прежнему понимается все сведения, новости и содержание человеческого общества, в то время как данные стали своего рода электронной или иной формой записи информации. Данные являются новой формой выражения информации в условиях развития искусственного интеллекта и технологии больших данных. Поэтому не имеет смысла разделять понятия данных и информации. Несмотря на многочисленные дискуссии о различии между терминами «данные» и «информация», на практике не возникает путаницы между ними, поскольку данные стали доминирующей формой информации в цифровую эпоху, эти категории, как правило, напрямую соотносятся друг с другом^[5, с. 90]. В праве эти две концепции подчеркивают «личные» атрибуты, заложенные в данных и информации, которые сами по себе определяют содержание и указывают на один и тот же объект.

Существуют три основные модели для определения понятий «персональные данные» и «личная информация». Первая — общая модель, в соответствии с которой «персональные данные» или «личная информация» являются объектом прав; вторая — перечислительная, которая максимально конкретно перечисляет объем и типы персональных данных или личной информации как объекта защиты прав. Третья

концепция – общая + перечислительная, которая использует сочетание обобщения и перечисления для определения объема понятия. Дефиниция понятия личной информации напрямую отражает ценностную ориентацию законодательства о защите личной информации, и то, как найти баланс между защитой личной информации и свободным потоком данных, стало важным противоречием, которое необходимо разрешить в законодательном процессе разных стран [\[1, с. 131\]](#).

Как видно из законодательства КНР и РФ, в настоящее время они придерживаются общего подхода к определению понятия персональных данных и личной информации. Так, в ст. 1034 Гражданского кодекса КНР личная информация определяется в качестве информации, записанной в электронном виде или другими способами, которая может использоваться сама по себе или в сочетании с другой информацией для идентификации физического лица включая имя, дату рождения, идентификационный номер, биометрическую информацию, адрес проживания, номер телефона, адрес электронной почты, медицинскую информацию, местонахождение и т. д. человека. Согласно ст. 4 Закона КНР «О защите личной информации» (далее - «О защите личной информации»), личная информация – все виды информации, относящиеся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу, записанной в электронном или ином виде, но не включает анонимную информацию. По сравнению с ГК КНР, в законе «О защите личной информации» определение понятия “личная информация” уточнено путем исключения выражения «может использоваться сама по себе или в сочетании с другой информацией». Таким образом, закон расширил сферу защиты личной информации и уточнил, что она «не включает анонимную информацию» с целью ограничения.

В российском законодательстве понятие “персональные данные” было изменено всего один раз [\[3, с. 188-190\]](#). В Федеральном законе от 27.07.2006 № 152-ФЗ персональные данные (далее - «О персональных данных») трактовались как любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе его фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация. После принятия Федерального закона от 25 июля 2011 г. № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О персональных данных”» персональные данные определяются как любая информация, относящаяся к прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [\[6, с. 71-73\]](#). Очевидно, что после редакции сфера правового регулирования Закона была расширена. В законодательстве обеих стран наблюдается тенденция к расширению сферы правового регулирования персональных данных или личной информации, это происходит в связи с тем, что стремительное развитие информационных технологий приводит к постоянному изменению социальной практики, более широкое понятие позволяет наилучшим образом защитить права субъекта данных.

Законодательство о защите личной информации берет свое начало в 1970-х годах, когда развитие компьютерных технологий сильно повлияло на традиционный способ использования бумажных носителей и ручной работы с личной информацией. В этих условиях законодательство о защите личной информации было направлено на то, чтобы определить понятие личной информации, провести различия между личной и не личной информацией, а также регламентировать границы защиты личной информации. В результате идентификация стала сутью традиционного метода разграничения, а теория идентификации стала самой ранней теоретической доктриной для определения понятия личной информации. Согласно трем теориям: теории идентификации, теории связей и

теории конфиденциальности, можно эффективно определить, относится ли информация/данные к сфере действия закона о защите личной информации/персональных данных [\[7, с. 215\]](#). Эти теории подходят к вопросу с разных сторон и предоставляют рамки для понимания и определения личной информации/персональных данных.

1. Теория идентификации

Эта теория представляет собой стандарт оценки личной информации путем установления идентифицирующей связи между информацией и человеком. Информация о человеке, соответственно, делится на личную и не личную. Первая также известна как лично идентифицируемая информация. Теория идентификации, которая является общим правилом мира, элементы этой теории отражены в законодательстве Европейского союза, России, Китая, США и других стран. Теория идентификации считает, что неприкосновенность частной жизни нарушается только тогда, когда собирается, обрабатывается или используется личная информация. Ключом к определению того, относится ли информация к личной информации, является то, достаточно ли ее для идентификации человека по этой информации. Предположение о существовании идентификации основано на том, что законодатели обладают способностью оценивать внутренние риски на основе классификации информации и, таким образом, определять типы информации, которые требуют регулирования. Целью теории идентификации является поддержание баланса между защитой личной информации и потоком информации, а также реагирование на научно-технический прогресс с помощью правовых механизмов. Страны основывают свое законодательство на теории идентификации, например, Директива 95/46/ЕС, которая принимает более открытое определение, подчеркивая возможность идентификации информации и элемент разумности, а также избегая неограниченного расширения сферы защиты личной информации. С другой стороны, в законодательстве некоторых стран и регионов имеется определённая недостаточность, например, Закон о защите личной информации штата Массачусетс в США, в котором принято более узкое перечисление (включая имя, номер социального страхования, номер водительского удостоверения, номер финансового счета, номер кредитной или дебетовой карты) [\[8\]](#), что порождает проблему недостаточной защиты на этапе идентификации. Это связано с тем, что информация, отличная от уже перечисленной, может идентифицировать человека в сочетании с перечисленной информацией. Подход, основанный на перечислении, рассматривает персональную идентифицируемую информацию как статичную информацию с ограниченной защитой.

Идентифицируемость подразделяется на прямую и косвенную, при этом прямая идентификация означает, что конкретное физическое лицо может быть непосредственно идентифицировано на основе одного лишь фрагмента информации, а косвенная идентификация означает, что субъект личной информации должен быть идентифицирован в сочетании с другой информацией [\[9, с. 136\]](#).

Теория идентификации играла ключевую роль на практике как основа для определения понятия личной информации до сих пор. Однако иногда теория ограничивается видами личной информации, перечисленными в законодательстве, что приводит к недостаточной защите личной информации, а иногда чрезмерно подчеркивает роль технологии и игнорирует значение «идентификации» на правовом уровне, в результате чего концепция личной информации кажется статичной. Эти две проблемы имеют важные последствия для защиты личной информации в Китае. В начале работы по защите личной информации в Китае как государственные органы, так и предприятия

фокусировались лишь на защите тех типов личной информации, которые были указаны в законодательстве.

2. Теория связей

Эта теория определения личной информации была впервые предложена Национальным институтом стандартов и технологий США (NIST), в которой подчеркивается, что идентификация по информации о человеке – это сбор или экстраполяция дополнительной информации о нем из существующей, известной личной информации [7, с. 214]. Это контрастирует с традиционной «теорией идентификации», которая отдает предпочтение идентификации личности через непосредственно идентифицируемую информацию, обычно информацию, которая четко и непосредственно идентифицирует личность. Теория связей отходит от традиционной дихотомии, подчеркивая динамичный и разнообразный характер определения личной информации, утверждая, что удаление только непосредственно идентифицируемой информации не приводит к действительно эффективной анонимизации, поскольку «связь» информации все еще может позволить получить информацию о конкретном человеке. На самом деле, информация, которая может быть связана с конкретным человеком, не зависит от конкретности информации, а скорее обогащает персональные данные за счет двусторонней связи, которая, в свою очередь, позволяет собирателю информации узнать больше о человеке. Таким образом, теория связей требует от нас пересмотра традиционных представлений о защите личной жизни, особенно тех, которые просто ограничивают личную информацию фиксированными рамками, и требует большего внимания к динамическим, сценарным и циклическим характеристикам информационных операций, а также всесторонней оценки потенциальных рисков.

Однако сфера защиты личной информации в теории связей слишком широка. Сама по себе личная информация обычно не имеет ценности, но сбор и обработка личной информации позволяет использовать преимущества агрегирования, благодаря чему правительство может лучше управлять обществом, а предприятия - предоставлять потребителям более качественные услуги, что повышает общую социальную выгоду, однако неправильное использование личной информации может привести к негативным последствиям, таким как спам-рассылка, информационное мошенничество и т. д. Поэтому правовое регулирование личной информации должно быть направлено на поощрение сбора и обработки, а также на регулирование способов сбора и обработки. Теория связей явно противоречит направлению поощрения сбора и обработки личной информации, например, если информация, собранная правительством или предприятиями, часто не идентифицирует человека, то чрезмерное внимание к защите личной информации может препятствовать реализации цели правительства или предприятий, и в конечном итоге будет нанесен ущерб обществу в целом.

3. Теория конфиденциальности

В соответствии с теорией конфиденциальности, к личной информации может относиться только та информация, которая представляет собой личную тайну. В наши дни такая точка зрения может показаться довольно анахроничной, но до развития информационных технологий в определенной степени подавляющее большинство личной информации не имело практической необходимости в защите. В настоящее время лишь немногие страны приняли теорию конфиденциальности для определения личной информации. Это в основном встречается в странах ангlosаксонской правовой системы, таких как законы отдельных штатов США, Канада, Австралия и другие [10, с. 33].

4. Идентификация + Связь

Директива ЕС 95/46/ЕС и GDPR используют практику идентификации + связи. Теория означает, что любая информация, относящаяся к определенному или определяемому лицу, относится к персональным данным.

Что касается подхода к определению, то не обошлось без споров о том, приняли ли китайские законодатели подход, основанный на идентификации, связи, выборе одной из них или их сочетании. В Приложении А к «Правилам безопасности личной информации в области технологий информационной безопасности КНР» (далее - «Правила безопасности личной информации») говорится, что при определении того, является ли та или иная информация личной информацией, следует учитывать два пути: «идентификацию» и «связь». Первый - это идентификация конкретного физического лица по специфике самой информации, то есть от информации к человеку; второй - это информация, созданная известным конкретным физическим лицом в ходе его деятельности, то есть от человека к информации. Личная информация признается таковой, если она отвечает любому из вышеперечисленных условий. В рамках Закона «о защите личной информации» связь и идентификация являются двумя параллельными методами определения, и с точки зрения контроля рисков эта норма обеспечивает более широкий объем защиты личной информации.

В отличие от этого, в Законе «О персональных данных» принята комплексная модель, в которой понятие персональных данных требует как связи, так и идентификации. «Связь» - это относительно открытое суждение об объеме, на основании которого объем понятия персональных данных в определенной степени ограничивается «идентификацией».

Можно сказать, что «О защите личной информации» резко принимает подход «идентификация + связь», что отличается от Закона о кибербезопасности и Гражданского кодекса, в которых принят последовательный подход к идентификации, но очень близко к Директиве ЕС 95/46/ЕС и GDPR [\[11, с. 48-49\]](#). По сравнению с теорией идентификации, «идентификация + связь» более сложна как для понимания, так и для применения на практике. Даже теория «Идентификация + связь» основана на идентификации, и ее суть по-прежнему заключается в идентификации, но идентификация также сталкивается с проблемами. С развитием новых технологий, таких как большие данные, почти вся информация технически идентифицируется с лицами, и вся информация становится личной информацией. Как видно из приведенных определений персональных данных и личной информации двух стран, идентифицируемость - фундаментальный особенность персональных данных, который также является важной юридической особенностью, признанным странами и организациями по всему миру. Идентифицируемость является границей между защитой и использованием персональных данных, то есть, идентифицируемость персональных данных определяет, защищены ли они на законодательном уровне. И только «определенная» или «определяемая» информация имеет прямую связь с ущербом интересам личной информации.

Сравнение определений двух стран позволяет выявить следующие сходства и различия.

(1) Различные способы идентификации объекта

В «О персональных данных» существует два способа определения принадлежности персональных данных к тому или иному лицу: идентификация и связь. Однако, независимо от способа, принадлежность данных к персональным данным является не просто объективным фактом, а зависит от того, преследует ли обработчик данных идентифицирующую цель, и это особенно верно для идентифицируемых данных в

сравнении с данными, связанными с ними. Эти данные представляют собой скорее юридический факт переплетения субъективного и объективного, чем просто объективно существующие данные. Данные, которые описывают объективный предмет и не имеют отношения к субъекту данных, могут считаться персональными данными, если они связаны с субъектом данных контекстом, целью или результатом [12, с. 12-13]. Примером может служить потребление электроэнергии в определенном регионе. Это не персональные данные, когда они используются в качестве статистики о среднем потреблении электроэнергии во всем регионе, но это персональные данные о семье, когда они используются для расчета счета за электроэнергию для семьи.

В «О персональных данных» используется взаимосвязанный субъективно-объективный метод идентификации, направленный на обеспечение идентификации и соотношения персональных данных. Такой подход сочетает в себе субъективные и объективные элементы, что позволяет обеспечить полное уважение к защите данных и праву на неприкосновенность частной жизни. Это включает в себя уникальный идентификатор, персональные характеристики и связь с другой информацией, обеспечивая доступ и использование данных только уполномоченными субъектами. Кроме того, российское законодательство о защите персональных данных не проводит прямого различия между «прямыми» и «косвенными» персональными данными, а рассматривает их в каждом конкретном случае.

В отличие от этого, идентификация личных информаций в «О защите личной информации» основана на объективистском критерии, то есть на том, может ли объективно существующая информация быть объединена для идентификации конкретного физического лица с помощью технических средств, в то время как в России персональные данные признаются на основе субъективистского критерия, то есть на том, имеет ли обработчик данных идентифицирующую цель или нет. Способы идентификации личной информации/персональных данных в двух странах различаются.

(2) Различные субъекты идентификации

Сравнение выявляет следующие сходства в объеме идентификации субъектов, предусмотренной в законодательстве двух стран: во-первых, самостоятельность, причем в обоих случаях подчеркивается право идентификации субъектов на принятие самостоятельных решений при обработке. И организации, и физические лица, и государственные органы имеют право принимать решения о цели и способе обработки. Во-вторых, оба закона охватывают широкий круг субъектов. Оба закона признают различные типы субъектов, включая физических, юридических лиц и государственные органы.

Различия заключаются в следующем: во-первых, уровень детализации категоризации субъектов различен. Идентифицированные субъекты в «О защите личной информации» более просты и относятся в основном к организациям или физическим лицам, которые самостоятельно определяют цель и способ обработки. «О персональных данных» содержит более подробную категоризацию субъектов, различая два типа субъектов: те, кто непосредственно участвует в обработке персональных данных, и те, кто, хотя и не участвует непосредственно, имеет право определять цели и содержание обработки. Во-вторых, различается степень вовлеченности в деятельность по обработке: в «О защите личной информации» определение субъекта в большей степени сосредоточено на непосредственном участии в обработке. В «О персональных данных», с другой стороны, помимо непосредственно участвующих субъектов, он также включает тех, кто имеет влияние на уровне принятия решений, что отражает более широкую перспективу

регулирования и управления процессом обработки данных.

В целом, оба закона сосредоточены на ролях и обязанностях субъектов обработки, но «О персональных данных» обеспечивает более сложную и всеобъемлющую основу для учета разнообразных условий обработки данных.

Модели определения личной информации/данных в Китае, России и даже во всем мире отличаются друг от друга, но проблемы, с которыми они сталкиваются, одинаковы. Суть проблемы заключается в том, что в эпоху Интернета и больших данных очень сложно отличить личную информацию от не личной, а большой объем информации находится между личной и не личной информацией. На этом фоне следование прежней концепции личной информации ставит проблему чрезмерной и недостаточной защиты.

Личная информация или персональные данные имеют социальный характер. В эпоху больших данных личная информация или персональные данные как вид социального ресурса постепенно демонстрирует свою мощную силу или полезность, а правильная и разумная обработка и использование их может удовлетворить реальные потребности конкретных личных, социальных и общественных интересов.

В российском законодательстве не приводится подробного перечня сведений, относимых к категории персональных данных. Однако в различных юридических источниках выделяются многие виды персональных данных по разным критериям, например: общие, специальные, особые, биометрические и т.д. Рассмотрим особенности наиболее часто выделяемых из названных категорий. Во-первых, в соответствии с ст. 8 «О персональных данных» общедоступные персональные данные могут включаться фамилия, имя, отчество, год и место рождения, адрес, абонентский номер, сведения о профессии и иные персональные данные, сообщаемые субъектом персональных данных. Во-вторых, специальные персональные данные упоминаются по тексту закона в ст. 10, к которым относятся: расовая, национальная принадлежность, политические взгляды, религиозные или философские убеждения, состояние здоровья, интимная жизнь. В-третьих, биометрические персональные данные, согласно п. 1 ст. 11 «О персональных данных», включаются сведения, содержащие характеристики физиологических и биологических особенностей человека, дающие возможность установления его личности (биометрические персональные данные).

В китайской практике в настоящее время не существует общего стандарта классификации личной информации. ГК КНР разделяет ее на тайную и другую информацию. Согласно ст. 1034 ГК КНР: «К тайной информации, содержащейся в личной информации, применяются положения о неприкосновенности частной жизни; если такие положения отсутствуют, применяются положения закона о защите личной информации». Иными словами, тайная информация относится к личной информации, и поскольку она носит тайный характер, к ней применяются нормы по защите права на неприкосновенность частной жизни. «О защите личной информации» разделяет на чувствительную и общую, под чувствительной личной информацией понимается личная информация, которая после утечки или незаконного использования может привести к ущемлению человеческого достоинства физического лица или угрозе его личной или имущественной безопасности, включая такую информацию, как биометрические данные, религиозные убеждения, конкретные личности, медицинская и оздоровительная информация, финансовые счета, перемещения и следы, информация в возрасте менее четырнадцати лет, а также персональные данные несовершеннолетних в возрасте до четырнадцати лет. «Положения Верховного народного суда о публикации народными судами судебных документов в Интернете» поддерживают классификацию «частная

информация и общая информация".

Очевидно, что эти классификации не могут включать всю информацию, но мы считаем, что классификация чувствительной информации и общей информации более адаптирована к потребностям развития современной эпохи больших данных, так как эта классификация основана на ценности информации. Различие между тайной и другой информацией сосредоточено на различиях в видах гражданских прав (права на неприкосновенность частной жизни и права на личной информации) и методах их защиты, а не на различиях в нормах, регулирующих поведение операторов информации при работе с личной информацией, как в случае с чувствительной и нечувствительной информацией, существует четкое различие между целями двух классификаций. Кроме того, некоторая тайная информация, которую субъект информации не хочет раскрывать, является чрезвычайно чувствительной. Однако чувствительная информация не обязательно является тайной, поэтому объем чувствительной информации больше, чем объем тайной информации.

Установление единых стандартов классификации и создание обоснованной системы категоризации являются основой для построения системной правовой защиты персональных данных и личной информации. Типологическое разграничение персональных данных и личной информации способствует гармонизации взаимодействия правовых норм и процессов обработки информации, предотвращая дисбаланс интересов, возникающий при использовании данных. Кроме того, классификация личной информации напрямую влияет на квалификацию "отягчающих обстоятельств" в уголовном праве, что определяет уровень защиты чувствительной информации. Таким образом, научно обоснованные критерии классификации имеют ключевое значение для совершенствования правового регулирования защиты персональных данных и обеспечения безопасности конфиденциальной информации [\[13, с. 2-5\]](#).

Содержание и объем личной информации и персональных данных в законодательствах Китая и России в основном одинаковы, с некоторыми различиями в конкретных классификациях, но оба основаны на идентифицируемости личной информации или персональных данных. Например, конкретные критерии классификации различаются, но и китайская чувствительная личная информация, и российская специальные персональные данные направлены на защиту личных и имущественных интересов, и сфера их регулирования частично совпадает.

Среди китайских ученых до сих пор идет дискуссия о разнице между личной информацией и персональными данными, причем существует две основные точки зрения, одна из которых заключается в том, что личная информация и персональные данные имеют одинаковую коннотацию, а разница в употреблении объясняется несоответствиями в переводах иностранной литературы [\[14, с. 94\]](#), а другая - между ними существуют очевидные различия и их следует использовать с осторожностью в соответствии с их коннотацией в юридическом смысле [\[1, с. 133-134\]](#). Российские ученые считают, что персональные данные являются информацией, проводить строгое различие между терминами персональные данные и персональная информация в российском законодательстве нецелесообразно, поскольку эти два термина не имеют отличительных признаков, которые позволили бы по-разному регулировать информацию и данные в рамках закона [\[4, с. 192\]](#). В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их предоставления. Данная легальная дефиниция рассматривает данные как вид

информации. К данным следует относить фиксированные сведения о событиях и явлениях, которые хранятся на определённых носителях^[15].

В заключение можно сказать, что нет существенной разницы в содержании между «личной информацией» в Законе КНР «О защите личной информации» и «персональными данными» в ФЗ РФ «О персональных данных». Понятие личной информации и персональных данных, безусловно, является основой защиты личной информации. Однако многочисленные проблемы, выявленные в судебной практике, отражают неопределенность концепции личной информации и сложность её применения на практике. С развитием технологий в эпоху больших данных защита личной информации сталкивается с новыми вызовами. Особенно на фоне фрагментации данных, когда отдельная информация может быть связана, объединена и сопоставлена, что позволяет вновь идентифицировать конкретного человека. Такая динамичность и изменчивость делают традиционные фиксированные концепции сложными для применения в реальных условиях. Для эффективного решения практических проблем России и Китаю необходимо четче определить правовые границы понятия «персональных данных» и «личной информации», сократив правовые неопределенности.

На уровне правоприменения требуется усиление контрольно-надзорных мер, обеспечивающих реализацию правовых норм. Следует отметить, что в технических аспектах, таких как расчет штрафов и уведомления об утечках данных, наблюдается конвергенция с GDPR в России и Китае, формируя модель «селективного заимствования». Обе страны применяют принцип «штрафов в процентном соотношении» по аналогии с GDPR, но при этом устанавливают более высокие предельные значения (5% в Китае и 6% в России), что демонстрирует более строгий подход к правоприменению^[16, с. 34-43].

Ключевым элементом также является внедрение технологических инноваций – обеим странам необходимо непрерывно совершенствовать технические средства для противодействия таким вызовам, как фрагментация данных и реидентификация информации. Следует отметить, что технология блокчейн играет важную роль в современной обществе. Технические характеристики блокчейна делают её эффективным инструментом против современных угроз информационной безопасности. В традиционных системах управления данных обычно хранятся централизованно в единой базе. Такой подход не только уязвим для внешних атак, но и подвержен рискам утечки из-за внутренних ошибок управления. Блокчейн решает эти проблемы благодаря своей распределенной архитектуре. Данные хранятся на множестве узлов, каждый из которых содержит полную копию информации. Это значительно повышает устойчивость к изменениям и отказоустойчивость системы. Кроме того, блокчейн использует хеш-функции и криптографические методы, обеспечивая безопасность и анонимность данных при хранении и передаче. Даже если данные будут перехвачены, их сложное шифрование делает невозможным восстановление исходной информации. Важнейшее свойство блокчейна – неизменяемость. Любая попытка несанкционированного изменения данных будет обнаружена и отклонена узлами сети. Это гарантирует целостность и достоверность информации, повышая общий уровень защиты персональных данных^[17, с. 107-117]. Синергия указанных подходов позволит укрепить защиту безопасности персональных данных и личной информации.

Сноски:

^[11] Закона КНР «О защите личной информации» (вступил в силу 01. 11. 2021г) // URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/personal-information-protection-law20210820?>

ysclid=lskigm18lb118048273.

[\[2\]](#) Приложение: Перевод Регламента General Data Protection Regulation (GDPR) Европейского Союза // URL:https://rppa.pro/_media/world/gdpr.pdf

[\[3\]](#) //
国家标准《信息安全技术个人信息安全规范》
URL:<https://ansafe.xust.edu.cn/DownLoad/2020SafeInstruction.pdf>

Библиография

1. Юй С.Л. О личной информации и персональных данных в юридической науке // Шанхайское юридическое исследование. 2021. Т. 19. № 67. С. 131-134.
2. Лю Ляньцзюнь. Различие между персональной информацией и персональными данными // Цюсо. 2022. № 5. С. 151-159.
3. Наумов В.Б., Архипов В.В. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Экономика и право. 2020. № 2. С. 188-190.
4. Дупан А.С. Новая парадигма защиты и управления персональными данными. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. С. 192.
5. Цзинь Ю.Л. Четырехуровневая интерпретация и различие понятий "информация" и "данные" с точки зрения законодательства // Сетевая безопасность и управление данными. 2024. № 7. С. 90.
6. Чернусь Н.Ю., Сунь Юйпэн. Проблемы защиты персональных данных в России и Китае: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 3. С. 71-73.
7. Гао Ц.В. Рефлексия и реконструкция концепции персональной информации - теоретическая отправная точка законодательства и практики // Журнал права Народного университета Китая. 2019. № 1. С. 213-215.
8. Mass. Gen. Laws Ann. Ch. 93H, § 1. West, 2007.
9. Чэн С. Определение и суждение об объеме личной информации // Журнал Вушаньского университета (философия и общественные науки). 2024. № 4. С. 136.
10. Хан С. Чжи. Исследование юридического определения и типизации персональной информации. М.: Юридическая публикация, 2018. С. 33.
11. Дин С.Д. О неопределенности концепции персональной информации и ее юридическом реагировании // Журнал сравнительного права. 2022. № 5. С. 48-49.
12. Платонова Н.И. Современный подход к пониманию персональных данных // Право и современные государства. 2017. № 5. С. 12-13.
13. Ли Л.Ф., Ван Ц.С. Построение системы правовой защиты персональных данных: на основе определения и классификации информации // Журнал права и политологии Хэнаньского университета финансов и экономики. 2023. Т. 38, № 2. С. 2-5.
14. Гао Ф.П. Защита персональной информации: от личного контроля к социальному контролю // Исследования в области права. 2018. № 3. С. 94.
15. Савельев А.И. Комментарий к Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и защите информации" (постатейный). М.: Статут, 2015.
16. У Ч.Х., Хуан Ц.Н. Экспансия модели управления данными ЕС и ответные меры Китая // Наука и технологии и право (китайский и английский). 2024. № 6. С. 34-43.
17. Ван Ц.Г. Правовое толкование и управление применением технологии блокчейн для защиты персональных данных // Вестник Северо-Западного университета национальностей (философия и социальные науки). 2021. № 6. С. 107-117.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, концепции «личной информации» и «персональных данных» в праве Китая и России. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не обосновывается. Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "В законодательстве обеих стран наблюдается тенденция к расширению сферы правового регулирования персональных данных или личной информации, это происходит в связи с тем, что стремительное развитие информационных технологий приводит к постоянному изменению социальной практики, более широкое понятие позволяет наилучшим образом защитить права субъекта данных"; "Теория идентификации играла ключевую роль на практике как основа для определения понятия личной информации до сих пор. Однако иногда теория ограничивается видами личной информации, перечисленными в законодательстве, что приводит к недостаточной защите личной информации, а иногда чрезмерно подчеркивает роль технологии и игнорирует значение «идентификации» на правовом уровне, в результате чего концепция личной информации кажется статичной. Эти две проблемы имеют важные последствия для защиты личной информации в Китае. В начале работы по защите личной информации в Китае как государственные органы, так и предприятия фокусировались лишь на защите тех типов личной информации, которые были указаны в законодательстве"; "Теория связей явно противоречит направлению поощрения сбора и обработки личной информации, например, если информация, собранная правительством или предприятиями, часто не идентифицирует человека, то чрезмерное внимание к защите личной информации может препятствовать реализации цели правительства или предприятий, и в конечном итоге будет нанесен ущерб обществу в целом"; "В соответствии с теорией конфиденциальности, к личной информации может относиться только та информация, которая представляет собой личную тайну. В наши дни такая точка зрения может показаться довольно анахроничной, но до развития информационных технологий в определенной степени подавляющее большинство личной информации не имело практической необходимости в защите. В настоящее время лишь немногие страны приняли теорию конфиденциальности для определения личной информации"; "Очевидно, что эти классификации не могут включать всю информацию, но мы считаем, что классификация чувствительной информации и общей информации более адаптирована к потребностям развития современной эпохи больших данных, так как эта классификация основана на ценности информации. Различие между тайной и другой информацией сосредоточено на различиях в видах гражданских прав (права на неприкосновенность частной жизни и права на личной информации) и методах их защиты, а не на различиях в нормах, регулирующих поведение операторов информации при работе с личной информацией, как в случае с чувствительной и нечувствительной информацией, существует четкое различие между целями двух классификаций. Кроме того, некоторая тайная информация, которую субъект информации не хочет раскрывать, является чрезвычайно чувствительной. Однако чувствительная информация не обязательно является тайной, поэтому объем

чувствительной информации больше, чем объем тайной информации" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы не вполне логична в том смысле, что вводная часть статьи отсутствует. В основной части работы автор рассматривает концепции «личной информации» и «персональных данных» в праве Китая и России, устанавливает их сходство и различия. В заключительной части работы содержатся выводы и предложения по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено многочисленных недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В настоящее время под информацией по-прежнему понимается все сведения, новости и содержание человеческого общества, в то время как данные стали своего рода электронной или иной формой записи информации" - "В настоящее время под информацией по-прежнему понимаются все сведения и новости, в то время как данные стали своего рода электронной или иной формой записи информации" (см. на орфографию и стилистику).

Ученый отмечает: "Существуют три основные модели для определения понятия «персональные данные» и «личная информация»" - "понятий" (опечатка).

Автор указывает: "По сравнению с ГК КНР, в законе «О защите личной информации» определение личной информации еще более уточнено путем исключения выражения «может использоваться сама по себе или в сочетании с другой информацией», таким образом расширил сферу защиты личной информации. И уточнил, что «не включает анонимную информацию» с целью ограничения" - "По сравнению с ГК КНР, в законе «О защите личной информации» определение понятия "личная информация" уточнено путем исключения выражения «может использоваться сама по себе или в сочетании с другой информацией». Таким образом, закон расширил сферу защиты личной информации и уточнил, что она «не включает анонимную информацию» с целью ограничения" (см. на пунктуацию и стилистику).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 12 источниками (монографиями, научными статьями и комментарием). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (С. Л. Юй), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("В заключение можно сказать, что нет существенной разницы в содержании между «личной информацией» в Законе КНР «О защите личной информации» и «персональными данными» в ФЗ РФ «О персональных данных»). Понятие личной информации и персональных данных, безусловно, является основой защиты личной информации. Однако многочисленные проблемы, выявленные в судебной практике, отражают неопределенность концепции личной информации и сложность её применения на практике. С развитием технологий в эпоху больших данных защита личной информации сталкивается с новыми вызовами. Особенно на фоне фрагментации данных, когда отдельная информация может быть связана, объединена и сопоставлена, что позволяет вновь идентифицировать конкретного человека. Такая динамичность и изменчивость делают традиционные фиксированные концепции сложными для применения в реальных условиях. Для

эффективного решения практических проблем России и Китаю необходимо четче определить правовые границы понятия "персональных данных" и "личной информации", сократив правовые неопределенности. На уровне правоприменения требуется усиление контрольно-надзорных мер, обеспечивающих реализацию правовых норм: Россия применяет механизм высоких штрафных санкций за нарушения, тогда как Китай сформировал более строгую систему сквозного привлечения к ответственности. Ключевым элементом также является внедрение технологических инноваций – обеим странам необходимо непрерывно совершенствовать технические средства для противодействия таким вызовам, как фрагментация данных и реидентификация информации. Синергия указанных подходов позволит укрепить защиту безопасности персональных данных граждан"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере административного права, информационного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, обосновании актуальности его темы, уточнении структуры работы, устранении многочисленных нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Концепции «личной информации» и «персональных данных» в праве Китая и России» для опубликования в журнале «Юридические исследования». Статья посвящена сравнительному анализу концепций «личной информации» и «персональных данных» в законодательстве Китая и России. Автор исследует определения этих терминов, их классификацию, а также правовые механизмы защиты, выявляя сходства и различия в подходах двух стран. Методология исследования основана на проведенном автором сравнительном анализе законодательных актов Китая и России, включая Закон КНР «О защите личной информации» (2021) и Федеральный закон РФ «О персональных данных» (2006, с изменениями). Также применяется анализ научных работ китайских и российских авторов, таких как Юй Сяолан (2021), Лю Ляньцзюнь (2022), Наумов и Архипов (2020). Методология включает сопоставление теоретических подходов (теории идентификации, связи и конфиденциальности) и их отражение в национальных правовых системах. Тема статьи является актуальной в условиях цифровизации и роста рисков, связанных с утечками и злоупотреблением персональными данными. Актуальность подчеркивается недавними изменениями в законодательстве Китая (2021) и необходимостью гармонизации правовых норм в России, особенно в контексте развития больших данных и искусственного интеллекта. Исследования, такие как работа Гао Ц.В. (2019), подтверждают важность четкого определения ключевых понятий для эффективной защиты данных. Новизна исследования заключается в детальном сравнении китайской и российской правовых моделей, включая анализ различий в подходах к идентификации субъектов данных (объективистский в Китае vs. субъективистский в России). Автор также предлагает практические рекомендации по совершенствованию законодательства, опираясь на опыт ЕС (GDPR). Вклад статьи дополняется критическим анализом теорий идентификации и связи, которые редко рассматриваются в сравнительных исследованиях.

Стиль, структура, содержание в целом соответствуют предъявляемым требованиям.

Статья написана четким научным стилем, с логичной структурой: от постановки проблемы до конкретных выводов. Содержание хорошо аргументировано, с опорой на актуальные источники. Библиография включает релевантные источники, такие как работы Наумова и Архипова (2020), Цзинь Ю.Л. (2024), и Дин С.Д. (2022). Однако список состоит из 13 работ, только 10 из которых можно признать научными и проверяемыми в открытых базах данных. Также при оформлении списка источников имеются погрешности в оформлении. Между тем, автор учитывает существующие дискуссии, например, спор о тождественности терминов «личная информация» и «персональные данные» (Юй Сяолан, 2021 vs. Лю Ляньцзюнь, 2022). Статья представляет значительный интерес для юристов, законодателей и исследователей в области защиты данных. Выводы о необходимости гармонизации правовых норм и внедрения технологических решений актуальны для обеих стран. Читательская аудитория оценит практические рекомендации, такие как усиление контрольно-надзорных механизмов и адаптация законодательства к вызовам больших данных. Таким образом, статья вносит важный вклад в сравнительные правовые исследования, сочетая теоретический анализ с практическими предложениями. Ее сильные стороны - актуальность, глубина сравнения и опора на релевантные темы источники. Однако статья нуждается в доработке в части расширения анализа роли технологий (например, блокчейн) в защите данных. Раздел о классификации данных необходимо расширить за счет современных исследований, например, работ Хуан Ф. (2023), Ван Г. (2024), Чернусь Н.Ю, Чжун Я. (2024) и других. Для усиления аргументации необходимо обратиться к новейшим исследованиям о влиянии GDPR на национальные законодательства, таким как работа Платоновой Н.И. (2023). В целом необходимо уточнить и дополнить список свежими вышеуказанными публикациями, а также из российских и китайских баз данных («Право и цифровая экономика» и/ или «China Legal Science» за 2023-2024 гг.). Рекомендуется направить статью на доработку.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования выступает сравнительно-правовой анализ концепций "личной информации" в китайском праве и "персональных данных" в российском праве. Автор рассматривает определения, классификации, теоретические основы и практическое применение указанных правовых категорий в условиях развития цифровых технологий и больших данных. Особое внимание уделяется анализу различных теоретических подходов к определению персональных данных (теория идентификации, теория связей, теория конфиденциальности) и их отражению в законодательных актах двух стран.

Методология исследования

Исследование базируется на методах сравнительного правоведения и анализа законодательных текстов. Автор использует сравнительно-правовой метод для выявления сходств и различий в подходах к определению и классификации персональных данных в Китае и России. Применяется также метод анализа нормативно-правовых актов и доктринальных источников. Вместе с тем, методологическая база могла бы быть расширена за счет эмпирических методов и анализа правоприменительной практики обеих стран.

Актуальность

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, стремительным развитием информационных технологий и систем обработки больших данных, что создает новые вызовы для защиты частной жизни. Во-вторых, активным развитием законодательства в области защиты персональных данных как в России (Федеральный закон "О персональных данных"), так и в Китае (Закон "О защите личной информации" 2021 г.). В-третьих, необходимостью гармонизации правовых подходов в условиях глобализации и международного сотрудничества в сфере информационных технологий. Особую актуальность придает фрагментарность существующих сравнительных исследований по данной тематике между Россией и Китаем.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в комплексном сравнительном анализе концепций персональных данных в праве России и Китая, который ранее в научной литературе не проводился. Автор впервые детально сопоставляет теоретические основы определения персональных данных в двух правовых системах, выявляет различия в субъективистском (Россия) и объективистском (Китай) подходах к идентификации. Новизной обладает также анализ различных моделей классификации персональных данных и предложения по использованию технологии блокчейн для усиления защиты персональных данных.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет логичную структуру, последовательно раскрывающую заявленную тематику. Стиль изложения научный, с использованием специальной юридической терминологии. Структурно работа включает анализ определений персональных данных, теоретических концепций их определения, сравнение классификаций и субъектов обработки данных в двух странах.

Вместе с тем, следует отметить некоторые недостатки в стилистическом оформлении. Текст содержит отдельные неточности в русском языке, что может быть связано с переводом или двуязычным характером исследования. Встречаются громоздкие конструкции, затрудняющие восприятие. Некоторые разделы перегружены цитированием без достаточного авторского анализа.

Библиография

Библиографический аппарат включает 17 источников, представленных как российскими, так и китайскими авторами. Привлекаются нормативные правовые акты обеих стран, монографические исследования и научные статьи. Положительно следует оценить обращение к первоисточникам китайского права и работам китайских правоведов.

Однако библиография имеет ряд недостатков. Отсутствуют ссылки на зарубежные источники (помимо китайских), что ограничивает возможности сравнительного анализа. Не представлены материалы правоприменительной практики, судебные решения, которые могли бы обогатить исследование. Некоторые технические аспекты оформления библиографии требуют корректировки в соответствии с принятыми стандартами.

Апелляция к оппонентам

Автор демонстрирует знакомство с различными точками зрения в доктрине по исследуемой тематике. Приводятся позиции китайских ученых Юй Сяолана и Лю Ляньцзюня относительно различий между личной информацией и персональными данными. Рассматриваются работы российских авторов В.Б. Наумова, В.В. Архипова,

А.С. Дупан.

Вместе с тем, полемический элемент в работе представлен недостаточно. Автор в основном излагает существующие позиции, не всегда формулируя собственное аргументированное отношение к спорным вопросам. Дискуссионные аспекты могли бы быть проработаны более глубоко с привлечением более широкого круга источников.

Выводы, интерес читательской аудитории

Основные выводы исследования сводятся к констатации отсутствия существенных различий в содержании понятий "личная информация" в китайском праве и "персональные данные" в российском праве при наличии различий в подходах к их определению и классификации. Автор справедливо указывает на необходимость четкого определения правовых границ этих понятий и усиления контрольно-надзорных мер.

Предложения по использованию технологии блокчейн для защиты персональных данных представляют определенный интерес, однако требуют более детальной правовой проработки.

Работа будет интересна специалистам в области информационного права, сравнительного правоведения, исследователям правовых систем России и Китая. Практическое значение имеют выводы о направлениях совершенствования законодательства в области защиты персональных данных.

Общая оценка и рекомендации

Представленная статья вносит определенный вклад в развитие сравнительных исследований в области информационного права России и Китая. Положительно следует оценить попытку комплексного анализа теоретических основ и законодательного регулирования защиты персональных данных в двух крупнейших странах.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Остроушко А.В. Проблемы правового регулирования реализации основных направлений научно-технологического развития России // Юридические исследования. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.6.74715 EDN: DSLXOL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74715

Проблемы правового регулирования реализации основных направлений научно-технологического развития России

Остроушко Александр Владимирович

ORCID: 0000-0003-0595-9205

кандидат юридических наук

доцент, кафедра Международного и публичного права, Финансовый университет при Правительстве РФ

109542, Россия, г. Москва, пер. Щербаковская, 38, оф. 805

ostroushko@mail.ru[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.6.74715

EDN:

DSLXOL

Дата направления статьи в редакцию:

05-06-2025

Аннотация: Предметом исследования выступает механизм правового регулирования процессов реализации национальных программ в сфере научно-технологического развития Российской Федерации. В работе проведен анализ теоретико-правовых основ данного института; рассмотрены целевые направления развития правового регулирования, указанные в Национальных проектах и иных документах, регулирующих достижение национальных целей развития; проанализировано текущее состояние и соответствие имеющихся правовых механизмов поставленным приоритетам; выявлены недостатки и коллизии в сфере регулирования научно-технологического развития; предложены меры по совершенствованию его нормативного регулирования и организационно-правовых форм практической реализации положений документов стратегического планирования. Особое внимание уделяется тому, что в документах, содержащих основополагающие принципы государственной политики в этой области,

уделено недостаточно внимания правовому регулированию, в основном заявляются цели и задачи, а также планируемые к достижению результаты. Обосновывается необходимость дополнить и расширить вопросы регулирования направлений технологического развития как вновь принятymi нормативными правовыми актами, так и внесением изменений в уже имеющиеся. Для проведения исследования использовалась методология, включающая аналитический обзор документов стратегического планирования, нормативной правовой базы, проектов нормативных правовых актов и научной литературы по предмету исследования, обобщение и систематизация данных, формирование предложений по разрешению выявленных проблем. Результаты исследования показали недостаточность имеющейся правовой базы для эффективной реализации мер по достижению научно-технологического развития. Так не выработаны основные критерии и перечень показателей оценки эффективности деятельности федеральных органов исполнительной власти, для достижения приоритетных направлений научно-технологического развития. Правовые нормы, которые обусловливают конкретные шаги по реализации основных направлений научно-технологического развития Российской Федерации на текущем этапе реализации Национальных проектов, находятся в стадии становления, что соответствует критериям, которые указаны в основополагающих документах. Новизна исследования заключается в выявлении и обосновании потенциала механизма правового регулирования в сфере научно-технологического развития. Предлагаются конкретные пути улучшения правового регулирования по каждому из семи направлений научно-технологического развития. В частности предлагаются изменения в Федеральный закон № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» и рекомендации по созданию технологического кодекса.

Ключевые слова:

научно-технологическое развитие, технологический суверенитет, импортозамещение, правовое регулирование, национальные проекты, коллизии, недостатки, законность, совершенствование законодательства, стратегическое планирование

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ

Целесообразность совершенствования национальной политики в экономической сфере имеет глубокие истоки, ее катализатором послужила беспрецедентная санкционная блокада России со стороны широкого пула недружественных стран во главе с США в ответ на проведение нашей страной специальной военной операции (СВО) [\[1\]](#). В период необходимости ускорения научно-технологического развития России вопрос создания механизмов правового регулирования сопутствующих данной деятельности процессов стал задачей государственной важности.

Опыт реформирования различных сфер деятельности государства и общества показал, что успешное развитие и функционирование той или иной сферы невозможно без планирования, прогнозирования и программно-целевого регулирования. Важным условием государственного регулирования любой сферы деятельности является функционирование эффективной системы стратегического планирования [\[2\]](#).

Президент Российской Федерации В. В. Путин руководит процессом стратегического планирования, предлагая стратегические инициативы в качестве инструментов

реализации основных направлений научно-технологического развития России. Основополагающим документом в этой области является Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

Актуальность исследования определяется тем, что приоритетные направлениям научно-технологического развития выделяются и утверждаются в документах стратегического планирования современной России уже более двадцати пяти лет. Специалисты в области естественных, технических, медицинских и сельскохозяйственных наук в большей степени ориентированы на исследования, которые способны обеспечить инновационные научные и технологические результаты. Правовой фундамент, создающий механизмы для поддержки инновационного развития, уже активно формируется. Однако практика показывает, что имеющиеся правовые нормы требуют как значительного совершенствования, так и разработки новых подходов. Научная основа правового регулирования реализации основных направлений научно-технологического развития России до последнего времени не была широко исследована. Основа правовых знаний в данной области заложена в работах Д. В. Галушки, М. А. Лапиной, Т. А. Поляковой, Ю. В. Степаненко, А. А. Терениченко, Т. Я. Хабриевой.

Настоящее исследование продолжает данную линию научных изысканий, изучая механизм правового регулирования реализации основных направлений научно-технологического развития России на текущем этапе развития. В исследовании автор руководствовался в первую очередь анализом действующей нормативной правовой базы, регулирующей данный процесс, а также анализом подходов ряда экспертов в этой области.

Целью научно-технологического развития страны является обеспечение независимости и конкурентоспособности государства, достижения национальных целей развития и реализации стратегических национальных приоритетов путем создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации.

Научно-технологическое развитие России должно способствовать достижению целевых показателей и задач, выполнение которых характеризует достижение национальной цели «Технологическое лидерство», определенной Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Позднее Указом Президента РФ от 18.06.2024 г. № 529 были утверждены приоритетные направления научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий, где в качестве таковых выделены направления научно-технологического развития и дан перечень важнейших наукоемких технологий, необходимых для их реализации.

К приоритетным направлениям научно-технологического развития Указ относит:

1. Высокоэффективную и ресурсосберегающую энергетику.
2. Превентивную и персонализированную медицину, обеспечение здорового долголетия.
3. Высокопродуктивное и устойчивое к изменениям природной среды сельское хозяйство.
4. Безопасность получения, хранения, передачи и обработки информации.

5. Интеллектуальные транспортные и телекоммуникационные системы, включая автономные транспортные средства.
6. Укрепление социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня его образования.
7. Адаптацию к изменениям климата, сохранение и рациональное использование природных ресурсов.

Во исполнение Указов Президента и иных документов стратегического планирования был принят Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года и на перспективу до 2036 года (утверждён Правительством Российской Федерации 9 января 2025 года).

План обозначен как главный ориентир в работе Правительства РФ, министерств, региональных администраций и госкомпаний по выполнению задач, государства, в том числе поставленных Президентом России В. В. Путиным. Документ определяет стратегические приоритеты и ключевые показатели для достижения национальных целей на ближайшие 12 лет [\[3\]](#).

Проблемой является тот факт, что непосредственно процессам создания правового механизма по реализации основных направлений научно-технологического развития России в документах, содержащих основополагающие принципы государственной политики в этой области, уделено недостаточно внимания, в основном заявляются цели и задачи, а также планируемые к достижению результаты.

Важным следует признать, что в Российской Федерации особую актуальность приобрела проблема поиска баланса между нормами законов и реализуемым на практике программно-стратегическим и экспериментальным правовым регулированием научно-технологического развития [\[4\]](#).

Научное сообщество [\[5\]](#), давая общую характеристику принятых норм, отмечает, что дан старт преобразовательному характеру правотворчества, когда оно становится ведущим стратегическим приоритетом научно-технологического развития, лежащего в основе обеспечения технологического суверенитета страны [\[6\]](#).

Авторами отмечается, что в ближайшее время именно правовое воздействие поможет преодолеть этап слабого взаимодействия реального сектора экономики с сектором научных исследований и разработок [\[7\]](#). Экономисты считают, что переход на новый технологический уклад должен переходить поэтапно в условиях, когда требуется исключить отставание нормативно-правового обеспечения от применяемых технологий и методов управления [\[8\]](#). Решить данную проблему призваны как вновь принятые для регулирования деятельности по достижению национальных целей нормативные правовые акты, так и планомерная деятельность по внесению изменений, дополнений в уже имеющиеся законы и подзаконные нормативные правовые акты.

В целом, исследование проблем правового регулирования реализации основных направлений научно-технологического развития является новым, ранее мало изученным направлением для отечественной юридической науки. Непосредственно по данной тематике имеется небольшое количество научных работ. Однако, на уровне монографических и диссертационных исследований данное направление юристами рассматривалось только в контексте импортозамещения, достижения технологического

превосходства или общих вопросов научно-технической политики государства.

Так, А.А. Терениченко указывает на необходимость нормативно-правового обеспечения поддержки и гарантирования указанной сферы национального развития, им выявлены негативные аспекты, характеризующие состояние сферы науки и технологий в стране [9]. Необходимо констатировать, что многие из недостатков, выявленных пять лет назад, не были преодолены.

В то же время нельзя согласиться с мнением автора, что «основными направлениями являются вопросы правового обеспечения применения «GRID-технологий» в качестве ресурса современного этапа цифровизации российского общества, а также проблемы развития правовой регламентации искусственного интеллекта» [10]. Считаем, что регулирование реализации основных направлений научно-технологического развития Российской Федерации должно осуществляться комплексно, планомерно и согласованно для эффективного развития технологий по всем указанным приоритетным направлениям.

В этой связи полностью поддерживаем мнение Т. Р. Гареева, что «в контексте технологического суверенитета и научно-технологического развития требуется оперативный доступ к лучшим технологиям и компонентам для быстрой интеграции и вывода на рынок инновационной продукции» [11].

На современном этапе регулирование государством научно-технологического развития, активное вмешательство органов власти в определение целей и трендов научно-исследовательской работы все чаще сравнивают с «советским» опытом командно-административной системы, позволявшей реализовывать на практике прорывные проекты [12]. Считаем, что наибольший эффект будет достигнут в том случае, если государственное участие в научно-технологическом развитии будет дополнено усилиями всех хозяйствующих субъектов экономики, что повлечет коммерческое использование научных достижений. Однако, не нужно забывать про фундаментальные научные исследования [13], которые во многом должны быть стимулированы и поддержаны государством.

Анализ зарубежного опыта правового регулирования научно-технологического развития показывает, что органы государств вторгались властными полномочиями в научную деятельность достаточно редко, т.к. постоянное совершенствование данного института является потребностью развитой рыночной экономики и не нуждается в дополнительном госстимулировании. Регулированию подвергались те исследования, которые имели значение и важную роль в технологическом развитии планетарного масштаба, такие как космические и ядерные исследования, сеть Интернет, генная инженерия и подобные.

В частности, в США для этого создан ряд мощных национальных лабораторий, финансируемых из федерального бюджета научно-исследовательских центров и университетских исследовательских центров [14].

Отдельно следует отметить опыт Китайской Народной Республики, где с конца XX в. поставлена задача достижения технологического суверенитета, и осуществляются целенаправленные усилия по формированию целостной системы управления развитием науки и техники [15]. В настоящее время в Китае сформировалась определенная система управления, позволяющая имплементировать ключевые параметры научно-технологического развития в процессе среднесрочного и долгосрочного планирования. При этом оказывается востребованным и задействованным экспертизный потенциал

академического сообщества страны в оценке и определении приоритетности крупнейших национальных проектов в ключевых отраслях [\[16\]](#).

Представляется, что Россией могут быть использованы отдельные, наработанные Китаем, механизмы и инструменты научно-технологического развития, в частности создание федерального органа исполнительной власти, осуществляющего управление научно-технологическим развитием по аналогии с «Руководящим комитетом по науке, технологиям и образованию» при Госсовете КНР [\[17\]](#).

Положительно, что в Российской Федерации в течение последних двух лет было принято достаточное количество документов стратегического планирования, федеральных законов, подзаконных нормативных правовых актов, а также региональных программ, напрямую посвященных отдельным аспектам технологического суверенитета и реализации приоритетных направлений научно-технологического развития. Но несмотря на столь заметные шаги, данное направление правового регулирования имеет значительные резервы к совершенствованию. В связи с этим возникает вопрос о дополнительных правовых механизмах обеспечения реализации основных направлений научно-технологического развития Российской Федерации [\[18\]](#).

Проведенное исследование позволило определить основные направления и выработать ряд предложений по совершенствованию правового регулирования научно-технологического развития России.

1. При определении перечня перспективных направлений совершенствования государственного регулирования необходимо исходить из системного понимания факторов, влияющих на научно-технологическое развитие в современных условиях, к которым относятся: человеческий капитал, издержки производства, производительность труда, информационные технологии, нормативная правовая система, образовательная инфраструктура, производственно-технологическая инфраструктура, бюджетно-налоговая и денежно-кредитные системы, инновационные политика и инфраструктура, энергетическая политика, привлекательность местных рынков, система здравоохранения [\[19\]](#). По оценкам экспертного сообщества негативное влияние на научно-технологическое развитие Российской Федерации оказывает неэффективность нормативных механизмов в данной сфере [\[20\]](#).

Анализируя принятые Стратегии и документы, определяющие национальные цели, Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года, следует констатировать, что, несмотря на огромный потенциал, заложенный в Национальных проектах, вопросы совершенствования правовой базы научно-технологического развития не нашли должного отражения в документах стратегического планирования.

Считаем, что необходимо ликвидировать данный пробел на уровне Национального проекта «Технологическое лидерство», включением в него соответствующего Федерального проекта. Мы пришли к выводу, что из 49 стратегических инициатив и проектов федерального уровня, нет ни одного, который бы прямо или косвенно затрагивал вопросы правового регулирования технологического суверенитета и развития приоритетных направлений научно-технологического развития.

2. Государству требуется более четко и последовательно обозначить свою позицию относительно реализации и ответственности за внедрение Национальных проектов (программ) и федеральных проектов, принятых в рамках национальных проектов до 2024 года. Недостатком является то, что многие из них коррелируют с вновь принятыми в

рамках национальных проектов с 2025 года.

3. Документы Стратегического планирования по вопросам научно-технологического развития требуют укрупнения и детальной систематизации по образцу «Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Считаем не совсем удачной конструкцию, когда приоритеты научно-технологического развития на ближайшее десятилетие даны в Указе Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», однако сами направления научно-технологического развития Российской Федерации Стратегии не обозначены. Эту задачу решил Указ Президента РФ от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших научно-технических технологий». Однако видится, что для соблюдения правил юридической техники целесообразно объединить все планы, цели и иные положения в едином комплексном документе.

4. Многообразие документов, регламентирующих вопросы обеспечения технологического суверенитета и развития приоритетных направлений научно-технологического развития, порождают в том числе и терминологические коллизии и рассогласованность положений. Так Государственная программа Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» и новая Стратегия научно-технологического развития по-разному определяют цель научно-технологического развития Российской Федерации. Мы не отрицаем, что смысл целеуказания в документах стратегического планирования остался неизменным, но можем констатировать наличие двух разных определений одной и той же дефиниции. Считаем это довольно серьезной коллизией, требующей внимания со стороны принимающих данные документы органов. Таким образом требуется провести определенную работу по выявлению и устранению коллизий, пробелов, разнотечений в имеющихся документах и недопущению их в дальнейшем.

5. В документах стратегического планирования разработаны ключевые факторы и инструменты, влияющие на достижение показателей и сформирована система индикаторов, характеризующих достижение таких показателей. В то же время не в полной мере разрешен вопрос по определению полномочий властных субъектов, призванных осуществлять государственное управление в рамках указанной проблемы. Соответственно каких-либо норм, регламентирующих оценку результатов и эффективности деятельности указанных субъектов, особо отметим - органов исполнительной власти Российской Федерации, для достижения показателей, в полной мере не установлено. Считаем, что Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации на основании имеющихся компетенций должны дать поручение для определения ответственных субъектов и разделению полномочий по достижению результатов научно-технологического прогресса среди конкретных субъектов, а также разработать методику, основные критерии и перечень показателей оценки эффективности деятельности федеральных органов исполнительной власти, для достижения как национальных целей, так и приоритетных направлений научно-технологического развития.

6. Как существенный недостаток, который тормозит правоприменение, следует назвать отсутствие внятного механизма юридической ответственности лиц, ответственных за реализацию программ в сфере обеспечения технологического суверенитета и развития приоритетных отраслей отечественной экономики. Кроме этого, отсутствует специальная административная и уголовная ответственность за нарушения правил использования,

внедрения и разработки современных технологий, например при несоблюдении энергетических правил при майнинге. Целесообразно рассмотреть вопросы введения административной ответственности за использование несертифицированных технологических решений, в проектах, где такая сертификация обязательна.

7. Современный этап научно-технологического развития России характеризуется мобилизацией научного потенциала на преодоление санкционного давления, что повлекло за собой перекос в ориентации отечественной науки в обеспечение противостояния ответам на внешние угрозы и на большие вызовы, явно просматривающийся в современных документах стратегического планирования. Более целесообразно разработать и принять нормы, которые позволят повысить эффективность и целеполагание научных достижений, направленных на противодействие внутренним угрозам как фундаментальной основы системы обеспечения безопасности личности, общества и государства в условиях современного высокотехнологичного общества. Отставание в уровне использования наукоемких технологий на территории нашей страны является фактором, замедляющим рост национальной экономики в целом [\[21\]](#).

8. Реализация основных направлений научно-технологического развития осуществляется преимущественно через процедуры финансирования, так в ближайшие три года в федеральном бюджете на реализацию национальных проектов предусмотрено почти 19 трлн рублей. Заявлено о необходимости увеличения к 2030 году внутренних затрат на исследования и разработки не менее чем 2-х процентов валового внутреннего продукта, в том числе за счет увеличения инвестиций со стороны частного бизнеса на эти цели не менее чем в два раза. Сложившаяся практика поддержки инновационного развития демонстрирует преобладание финансово-экономических мер по сравнению с организационно-управленческими (примерно 80% против 20% по запросу с тегом #научно-технологическое развитие в Навигаторе мер поддержки по состоянию на конец марта 2025 года) [\[22\]](#). Такой подход нельзя признать эффективным, необходимо институционально определить направления финансовой поддержки, взяв за основу положительный опыт ведущих индустриально развитых стран. Считаем, что кроме целей и задач, а также планируемых к достижению результатов, государственные программы Российской Федерации должны предусматривать конкретные направления финансового обеспечения создания и функционирования необходимых комплексных научно-технических программ и проектов научно-технологического-развития.

9. Налицо очевидная необходимость в модернизации действующего базового отраслевого законодательства по направлениям устранения правовых барьеров и установления благоприятствующих правовых режимов для научно-технологического развития Российской Федерации. Например, действующий Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» не только содержательно устарел, поскольку был принят в условиях другой реальности, но и содержит ряд формально-юридических дефектов (размытость в определении предмета правового регулирования, декларативность, существенные пробелы и пр.) [\[23\]](#)

В этой связи можно предложить, как выход из сложившейся ситуации для обеспечения максимально комфортных правовых условия для научно-технологического развития России на современном переломном - принятие научно-технологического кодекса [\[24\]](#).

Опережающее развитие приоритетных отраслей отечественной экономики невозможно без соответствующих корректировок бюджетного, гражданского, таможенного, налогового, трудового, воздушного и иных кодексов, а также иных законов.

В частности, законодательство, регулирующее информационные отношения в настоящий момент не системно, основной Федеральный закон от 27.07.2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» претерпел и до настоящего времени претерпевает постоянные корректировки. Идущий ему на смену Цифровой кодекс Российской Федерации длительное время не может выйти из стадии разработки проекта, таким образом длительная задержка в систематизации и кодификации законодательства в области информационных технологий, связи и защиты информации может служить барьером для научно-технологического развития в части обеспечения процессов получения, хранения, передачи и обработки информации и обеспечения информационной безопасности.

Принятие первой и второй Стратегий научно-технологического развития не повлекло за собой внесения закономерных изменений, так Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» не обеспечивает эффективность энергетической системы страны. А содержание Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», построено на основе принципов организации здравоохранения, сформулированных во второй половине XX в., и не отражает вопросы превентивной и персонализированной медицины, обеспечения здорового долголетия.

Развитие интеллектуальных и человеконезависимых систем невозможно без внесения изменений в Федеральный закон №187-ФЗ «О безопасности критической инфраструктуры РФ». Целесообразно было бы отображение в Федеральном законе от 10.01.2002 N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» основных направлений научно-технологического развития в сфере противодействия изменениям климата.

Возможно, назрела необходимость внесения корректировок в иные базовые отраслевые федеральные законы [\[27, 28\]](#).

Достижение технологического суверенитета и развития приоритетных отраслей отечественной экономики невозможно без формирования принципиально новой кадровой политики в сфере управления наукой, без выработки новых форм взаимодействия с отечественными учеными, работающими за рубежом [\[25\]](#).

10. Считаем необходимым пересмотреть механизмы международного сотрудничества и провести корректировку имеющихся международных обязательств в научно-технической сфере [\[26\]](#), которые наша страна брала на себя ранее, но ставшие невыгодными и обременительными в настоящее время, переориентировав научно-технологическое сотрудничество на дружественные страны (ШОС, БРИКС, ЕАЭС).

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что в настоящее время активно совершенствуется национальная политика в сфере научно-технологического развития Российской Федерации. Правовое регулирование реализации основных направлений научно-технологического развития является важной составной частью деятельности государства по достижению технологического суверенитета и технологической независимости и достижению поставленных задач импортозамещения.

В рамках достижения национальных целей развития принят или значительно модернизирован ряд документов стратегического планирования, означивших приоритеты научно-технологического развития на ближайшее десятилетие. Анализ данных актов показал, что они полностью сохранили преемственность с ранее принятыми документами, расширив и конкретизировав приоритеты научно-технологического развития на период

до 2030 года. В Российской Федерации правовое регулирование базируется на принципе обеспечения баланса между законами, программно-стратегическим документами и экспериментальными правовыми режимами в целях научно-технологического развития.

Но несмотря на столь заметные шаги в развитии правовых основ научно-технологического развития, они имеют значительные резервы к совершенствованию. Так спорным моментом является факт, что основным вектором научно-технического развития указано преодоление внешних угроз и больших вызовов, тем самым в меньшей степени ориентируя науку на противодействие имеющимся внутренним угрозам. Выявлены проблемы в процессе разработки отраслевых документов стратегического планирования и региональных программ по реализации основных направлений научно-технического развития России, а также отсутствие требуемых изменений в базовых федеральных законах.

Положительным моментом является факт того, что в программных документах, уже принятых в России, явно обозначены контуры научно-технологического развития, а также указаны необходимые направления развития правового регулирования в этой сфере и сроки принятия необходимых нормативных актов.

Таким образом, правовые нормы, которые обусловливают конкретные шаги по реализации основных направлений научно-технологического развития Российской Федерации на текущем этапе реализации Национальных проектов, находятся в стадии становления, что полностью соответствует тем критериям, которые указаны в основополагающих документах. Выявленные коллизии и недостатки в результате нормотворческой деятельности должны быть в кратчайшие сроки преодолены, что повлечет создание эффективного механизма правового регулирования реализации основных направлений научно-технологического развития России в эпоху цифровой трансформации общества.

Библиография

1. Артёмов Н. М., Ситник А. А. Противодействие антироссийским санкциям в платёжной и валютной сферах // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 6. С. 50. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.139.6.048-062. EDN: HRCWEJ.
2. Агеев В.Н. К вопросу о стратегии научно-технологического развития Российской Федерации // Национальная безопасность / nota bene. 2024. № 5. С. 25-38. DOI: 10.7256/2454-0668.2024.5.71704 EDN: FGBOHP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71704
3. Мишустин утвердил единый план достижения национальных целей развития // РГ. 2025. 9 янв.
4. Умнова-Конюхова И. А. Трансформация современного права под влиянием научно-технологического развития: общие тенденции и опыт России // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2024. № 4. С. 9-25. DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.01. EDN: BHRMEX.
5. Степанов П. В. Культура правотворчества в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2024. № 10. С. 17-32. DOI: 10.61205/jrp.2024.10.2. EDN: ZFYXVZ.
6. Степанов П. В. Подходы к пониманию цифрового суверенитета России // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 4. С. 37-51. DOI: 10.61205/jrp.2024.4.1. EDN: RHIXXR.
7. Ершова И. В., Енькова Е. Е. Право и реальный сектор экономики России // Хозяйство и право. 2024. № 9. С. 3-12. DOI: 10.18572/0134-2398-2024-9-3-12. EDN: NMEOAZ.
8. Ванюрихин Ф. Г., Назюта С. В., Островская А. А., Чурсин А. А. Пути формирования

- национального технологического превосходства Российской Федерации в современных условиях // Горизонты экономики. 2024. № 3(83). С. 5-9. EDN: TPZVQQ.
9. Терениченко А. А. Правовые аспекты и проблематика реализации основных направлений научно-технологического развития Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2020. № 3 (183). С. 67-70. EDN: PHIMZE.
10. Терениченко А. А. Правовое регулирование применения GRID-технологий как ресурс современного этапа цифровизации российского общества // Аграрное и земельное право. 2020. № 4(184). С. 74-83. EDN: MIHRRU.
11. Гареев Т. Р. Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации // Terra Economicus. 2023. № 21(4). С. 38-54. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54. EDN: RAJNXU.
12. Песоцкий А. А. Научно-технологическое развитие в системе экономической безопасности России: аспекты государственной политики // Kant. 2025. № 1(54). С. 13.
13. Иванов В. В. Основные направления государственной политики обеспечения технологического суверенитета // Экономика науки. 2024. № 10(1). С. 10-20.
14. Weinstein E., Lee C., Fedasiuk R., Puglisi A. China's State Key Laboratory System: A View into China's Innovation System. Center for Security and Emerging Technology. June 2022.
15. Островский А. В., Афонасьева А. В., Каменнов П. Б. Перспективы развития науки, техники и инноваций в КНР // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 6-28.
16. Ясинский В. А., Кожевников М. Ю. Борьба за технологический суверенитет: опыт Китая и уроки для России // Проблемы прогнозирования. 2020. № 5 (200). С. 196-209.
17. О долгосрочном научно-технологическом развитии России: монография / Под ред. Д. Р. Белоусова и И. Э. Фролова. М.: Динамик прнт, 2022. 168 с.
18. Аничкин Е. С. Правовое обеспечение технологического суверенитета России: современное состояние и резервы совершенствования // Российско-азиатский правовой журнал. 2024. № 2. С. 12-16. DOI: 10.14258/ralj(2024)2.3. EDN: WYTKLV.
19. The 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index. Deloitte, USA. Р. 17. URL: <https://www2.deloitte.com/global/en/pages/manufacturing/articles/global-manufacturing-competitiveness-index.html> (дата обращения: 02.06.2025).
20. Абдиев Н. М., Богачев Ю. С., Морева Е. Л. Направления совершенствования государственного регулирования промышленного развития // Учет. Анализ. Аудит. 2018. № 4. С. 14-29. DOI: 10.26794/2408-9303-2018-5-4-14-29. EDN: XYNLWP.
21. Сергеева К. Н. Проблемы развития высокотехнологичного сектора в современных условиях и пути их решения // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 2. EDN: VOEGFA.
22. Навигатор мер государственной поддержки Министерства промышленности и торговли РФ. URL: <https://gisp.gov.ru/support-measures/> (дата обращения: 02.06.2025).
23. Аничкин Е. С., Васильев А. А., Куликов Е. А. и др. Правовое регулирование международного научного и научно-технического партнерства в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Барнаул, 2022. С. 204-207. EDN: INSREW.
24. Лапаева В. В. Технологический суверенитет России: правовые проблемы // Науковедческие исследования. 2023. № 2. С. 60-72. DOI: 10.31249/scis/2023.02.04. EDN: MNTSBS.
25. Остроушко А. В. Об основных направлениях правовой защиты интеллектуальных прав российских участников зарубежных проектов класса "мегасайенс" // Юридические исследования. 2021. № 9. С. 158-173.
26. Матвиенко поручила подготовить к денонсации невыгодные России договоры. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65e837589a7947b5b43be6d8> (дата обращения: 02.06.2025).

27. Самохвалов В. В. Молекулярно-генетические аспекты развития ишемического инсульта // Таврический медико-биологический вестник. 2013. Т. 16, № 1-3. С. 157-159. EDN: TFRGYN.
28. Романовский Г. Б. Правовая политика в сфере персонализированной медицины // Наука. Общество. Государство. 2020. № 1 (29). С. 54-62. DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-1-7. EDN: TBQPZC.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена анализу правового регулирования реализации основных направлений научно-технологического развития Российской Федерации в контексте современных геополитических вызовов и необходимости обеспечения технологического суверенитета. Автор исследует документы стратегического планирования, федеральные законы и подзаконные акты, принятые для достижения национальных целей в сфере научно-технологического развития.

Методология исследования

В работе применяется комплексный подход, включающий формально-юридический анализ нормативных правовых актов, сравнительно-правовой метод, системный анализ документов стратегического планирования. Автор использует аналитический подход для выявления коллизий и пробелов в правовом регулировании, а также прогностический метод для формулирования предложений по совершенствованию законодательства.

Актуальность

Тема исследования чрезвычайно актуальна в условиях санкционного давления на Россию и необходимости ускоренного научно-технологического развития. Вопросы правового обеспечения технологического суверенитета приобрели особую важность после 2022 года, что делает анализ существующих правовых механизмов и выявление путей их совершенствования крайне востребованным.

Научная новизна

Автор предпринял попытку комплексного анализа правового регулирования научно-технологического развития через призму современных вызовов. Новизна заключается в систематизации проблем правового регулирования по семи приоритетным направлениям научно-технологического развития и формулировании конкретных предложений по их решению. Особую ценность представляет предложение о необходимости принятия научно-технологического кодекса.

Стиль, структура, содержание

Статья написана научным стилем, характерным для юридических исследований. Структура работы логична: от общей характеристики документов стратегического планирования к анализу конкретных проблем и формулированию предложений. Однако текст перегружен длинными предложениями и избыточными повторами. Шестнадцать пронумерованных предложений по совершенствованию правового регулирования местами дублируют друг друга и требуют более четкой систематизации.

Содержание работы демонстрирует глубокое знание автором предметной области, но страдает от недостаточной структурированности изложения. Некоторые тезисы требуют более убедительной аргументации.

Библиография

Список литературы включает 14 источников, что явно недостаточно для столь обширного исследования. Преобладают работы российских авторов последних лет, что оправдано спецификой темы. Однако отсутствуют ссылки на зарубежные исследования в области правового регулирования инноваций, что ограничивает компаративистский аспект работы. Техническое оформление библиографии соответствует требованиям.

Апелляция к оппонентам

Автор практически не вступает в полемику с другими исследователями, ограничиваясь констатацией проблем и формулированием собственных предложений. Отсутствует критический анализ существующих в науке подходов к правовому регулированию научно-технологического развития, что снижает научную ценность работы.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы автора носят в основном констатирующий характер, подтверждая необходимость совершенствования правового регулирования в исследуемой сфере. Заключение содержит положительную оценку принятых мер, но подчеркивает наличие значительных резервов для совершенствования.

Статья представит интерес для специалистов в области административного права, государственного управления, правового регулирования инновационной деятельности, а также для практических работников органов власти, занимающихся вопросами научно-технологического развития.

Замечания и предложения

Основные недостатки:

Недостаточная источниковая база - 14 источников явно мало для столь обширного исследования. Необходимо включить больше монографических работ, диссертационных исследований, зарубежных источников.

Отсутствие полемики с оппонентами - автор не анализирует существующие в науке подходы, не вступает в дискуссию с другими исследователями.

Избыточность и повторы - 16 предложений по совершенствованию правового регулирования содержат дублирование и требуют систематизации.

Недостаточная теоретическая обоснованность - работа носит преимущественно описательный характер, не хватает глубокого теоретического анализа.

Рекомендации по доработке:

Существенно расширить библиографическую базу исследования, включив монографии, диссертации, зарубежные источники

Структурировать предложения по совершенствованию правового регулирования, объединив их в тематические блоки

Включить элементы сравнительно-правового анализа с зарубежным опытом

Усилить теоретическую составляющую работы через анализ доктринальных источников

Добавить полемику с существующими в литературе подходами

Решение

ОТПРАВИТЬ НА ДОРАБОТКУ

Статья содержит ценные практические предложения и демонстрирует актуальность исследуемой проблематики, однако требует существенной доработки в части научного обоснования выводов, расширения источниковой базы и улучшения структуры изложения материала. После устранения указанных недостатков работа может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, проблемы правового регулирования реализации основных направлений научно-технологического развития России. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Целесообразность совершенствования национальной политики в экономической сфере имеет глубокие истоки, ее катализатором послужила беспрецедентная санкционная блокада России со стороны широкого пula недружественных стран во главе с США в ответ на проведение нашей страной специальной военной операции (СВО) [1]. В период необходимости ускорения научно-технологического развития России вопрос создания механизмов правового регулирования сопутствующих данной деятельности процессов стал задачей государственной важности. Опыт реформирования различных сфер деятельности государства и общества показал, что успешное развитие и функционирование той или иной сферы невозможно без планирования, прогнозирования и программно-целевого регулирования. Важным условием государственного регулирования любой сферы деятельности является функционирование эффективной системы стратегического планирования [2]". Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности. Частично это сделано в основной части работы: "В целом, исследование проблем правового регулирования реализации основных направлений научно-технологического развития является новым, ранее мало изученным направлением для отечественной юридической науки. Непосредственно по данной тематике имеется небольшое количество научных работ. Однако, на уровне монографических и диссертационных исследований данная тематика юристами рассматривалась только в контексте импортозамещения, достижения технологического превосходства или общих вопросов научно-технической политики государства".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Считаем, что наибольший эффект будет достигнут в том случае, если государственное участие в научно-технологическом развитии будет дополнено усилиями всех хозяйствующих субъектов экономики, что повлечет коммерческое использование научных достижений. Однако, не нужно забывать про фундаментальные научные исследования [13], которые во многом должны быть стимулированы и поддержаны государством. Анализ зарубежного опыта правового регулирования научно-технологического развития

показывает, что органы государств вторгались властными полномочиями в научную деятельность достаточно редко, т.к. постоянное совершенствование данного института является потребностью развитой рыночной экономики и не нуждается в дополнительном госстимулировании. Регулированию подвергались те исследования, которые имели значение и важную роль в технологическом развитии в планетарном масштабе, такие как космические и ядерные исследования, сеть Интернет, генная инженерия и подобные"; "Анализируя принятые Стратегии и документы, определяющие национальные цели, Единый план по достижению национальных целей развития до 2030 года, следует констатировать, что, несмотря на огромный потенциал, заложенный в Национальных проектах, вопросы совершенствования правовой базы научно-технологического развития не нашли должного отражения в документах стратегического планирования. Считаем, что необходимо ликвидировать данный пробел на уровне Национального проекта «Технологическое лидерство», включением в него соответствующего Федерального проекта. Мы пришли к выводу, что из 49 стратегических инициатив и проектов федерального уровня, нет ни одного, который бы прямо или косвенно затрагивал вопросы правового регулирования технологического суверенитета и развития приоритетных направлений научно-технологического развития"; "Считаем не совсем удачной конструкцию, когда приоритеты научно-технологического развития на ближайшее десятилетие даны в Указе Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», однако сами направления научно-технологического развития Российской Федерации Стратегии не обозначены. Задачу должен решить Указ Президента РФ от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий». Однако видится, что для соблюдения правил юридической техники целесообразно объединить все планы, цели и иные положения в едином комплексном документе"; "Считаем, что Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации на основании имеющихся компетенций должны дать поручение для определения ответственных субъектов и разделению полномочий по достижению результатов научно-технологического прогресса среди конкретных субъектов, а так же разработать методику, основные критерии и перечень показателей оценки эффективности деятельности федеральных органов исполнительной власти, для достижения как национальных целей, так и приоритетных направлений научно-технологического развития"; "Считаем, что кроме целей и задач, а также планируемых к достижению результатов, государственные программы Российской Федерации должны предусматривать конкретные направления финансового обеспечения создания и функционирования необходимых комплексных научно-технических программ и проектов научно-технологического-развития" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор выявляет ключевые проблемы правового регулирования реализации основных направлений научно-технологического развития России и предлагает пути их решения. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Позднее, Указом Президента РФ от 18.06.2024 г. № 529 были утверждены приоритетные направления научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий, где в качестве таковых выделены направления

научно-технологического развития и дан перечень важнейших научноемких технологий, необходимых для их реализации" - "Позднее Указом Президента РФ от 18.06.2024 г. № 529 были утверждены приоритетные направления научно-технологического развития и перечень важнейших научноемких технологий, где в качестве таковых выделены направления научно-технологического развития и дан перечень важнейших научноемких технологий, необходимых для их реализации" (см. на орфографию и пунктуацию).

Ученый отмечает: "Важным следует признать, что в Российской Федерации, особую актуальность приобрела проблема поиска баланса между нормами законов и реализуемым на практике программно-стратегическим и экспериментальным правовым регулированием научно-технологического развития [4]" - вторая запятая является лишней.

Автор указывает: "Анализ зарубежного опыта правового регулирования научно-технологического развития показывает, что органы государств вторгались властными полномочиями в научную деятельность достаточно редко, т.к. постоянное совершенствование данного института является потребностью развитой рыночной экономики и не нуждается в дополнительном госстимулировании" - "вторгались" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки, орфографические и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 28 источниками (монографией, научными статьями, аналитическими материалами). С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А.А. Терениченко, А. А. Песоцкий и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно, положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("На основании вышесказанного можно сделать вывод, что в настоящее время активно совершенствуется национальная политика в сфере научно-технологического развития Российской Федерации. Правовое регулирование реализации основных направлений научно-технологического развития является важной составной частью деятельности государства по достижению технологического суверенитета и технологической независимости и достижению поставленных задач импортозамещения. В рамках достижения национальных целей развития принят или значительно модернизирован ряд документов стратегического планирования, означивших приоритеты научно-технологического развития на ближайшее десятилетие. Анализ данных актов показал, что они полностью сохранили преемственность с ранее принятыми документами, расширив и конкретизировав приоритеты научно-технологического развития на период до 2030 года. В Российской Федерации правовое регулирование базируется на принципе обеспечения баланса между законами, программно-стратегическим документами и экспериментальными правовыми режимами в целях научно-технологического развития. Но несмотря на столь заметные шаги в развитии правовых основ научно-технологического развития, они имеют значительные резервы к совершенствованию. Так спорным моментом является факт, что основным вектором научно-технического развития указано преодоление внешних угроз и больших вызовов, тем самым в меньшей степени ориентируя науку на противодействие имеющимся внутренним угрозам. Выявлены проблемы в процессе разработки отраслевых документов стратегического планирования и региональных программ по реализации основных направлений научно-технического развития России, а также отсутствие требуемых

изменений в базовых федеральных законах" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, административного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Проблемы правового регулирования реализации основных направлений научно-технологического развития России».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам правового регулирования реализации основных направлений научно-технологического развития России. Автором рецензируемой статьи рассматривается правовое регулирование в данной сфере на основе стратегии развития, а также научных исследований в данной области. Как указано самим автором, «Настоящее исследование продолжает данную линию научных изысканий, изучая механизм правового регулирования реализации основных направлений научно-технологического развития России на текущем этапе развития». В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения нормативно-правовых актов разных стран и мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. Однако из названия и содержания статья становится ясным, что цель исследования заключается в решении отдельных задач и сложностей, связанных с правовым регулированием реализации основных направлений научно-технологического развития России. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из эмпирических данных.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующих правовых актов России. Например, следующий вывод автора: «действующий Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» не только содержательно устарел, поскольку был принят в условиях другой реальности, но и содержит ряд формально-юридических дефектов (размытость в определении предмета правового регулирования, декларативность, существенные пробелы и пр.)».

Положительно следует оценить использование автором статьи сравнительно-правового метода исследования, что позволило сопоставить опыт России с опытом других стран. В частности, можно выделить следующий авторский вывод: «в США для этого создан ряд мощных национальных лабораторий, финансируемых из федерального бюджета научно-

исследовательских центров и университетских исследовательских центров. Отдельно следует отметить опыт Китайской Народной Республики, где с конца XX в. поставлена задача достижения технологического суверенитета, и осуществляются целенаправленные усилия по формированию целостной системы управления развитием науки и техники».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема правового регулирования реализации основных направлений научно-технологического развития России сложна и неоднозначна. Данное направление необходимо развивать ввиду сложной политической ситуации на международной арене. Однако не совсем ясно, как в этой связи должно строиться правовое регулирование. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «приоритетные направлениям научно-технологического развития выделяются и утверждаются в документах стратегического планирования современной России уже более двадцати пяти лет. Специалисты в области естественных, технических, медицинских и сельскохозяйственных наук в большей степени ориентированы на исследования, которые способны обеспечить инновационные научные и технологические результаты. Правовой фундамент, создающий механизмы для поддержки инновационного развития, уже активно формируется».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «в настоящее время активно совершенствуется национальная политика в сфере научно-технологического развития Российской Федерации. Правовое регулирование реализации основных направлений научно-технологического развития является важной составной частью деятельности государства по достижению технологического суверенитета и технологической независимости и достижению поставленных задач импортозамещения».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию законодательства, что может быть полезно в правотворческой деятельности.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Юридические исследования», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с правовым регулированием реализации основных направлений научно-технологического развития России.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели исследования, прияя к конкретным выводам по поводу перспектив развития законодательства в сфере научно-технологического развития России.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного

рода работам.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Артёмов Н.М., Ситник А.А., Ванюрихин Ф.Г., Назюта С.В., Островская А.А., Чурсин А.Аи другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области административного права. Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к вопросам развития законодательства в сфере реализации основных направлений научно-технологического развития России.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Поярков С.Ю. Судебный конституционный контроль и трансформация современного конституционализма: проблемы гармонизации и развития // Юридические исследования. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.6.74649 EDN: DSOKXL URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=74649

Судебный конституционный контроль и трансформация современного конституционализма: проблемы гармонизации и развития

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений (ФГУП)

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

□ psu70@bk.ru[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.6.74649

EDN:

DSOKXL

Дата направления статьи в редакцию:

30-05-2025

Аннотация: Актуальность темы исследования заключается в значимости судебного конституционного контроля как ключевого института, обеспечивающего стабильность и развитие конституционного строя в современных правовых системах. В условиях трансформации конституционализма, сопровождающейся глобализацией, цифровизацией и растущими вызовами для национальных суверенитетов, роль судебных органов в защите Конституции становится все более заметной и многозадачной. Проблема гармонизации судебного контроля в рамках плюралистических правовых систем и на фоне конкурирующих юрисдикций остаётся нерешённой, что вызывает правовую неопределенность и риски правовой фрагментации. Тема судебного контроля актуальна в свете активизации правового активизма судов, а также их роли в правотворчестве и обеспечении баланса интересов в условиях политических и социальных изменений. Особую значимость она приобретает в контексте постклассического конституционализма. В этой связи исследование проблемы гармонизации судебного контроля направлено на

выявление путей интеграции национальных судебных систем в контексте глобальных правовых стандартов и региональных институтов. Методология исследования основывается на компаративном и институциональном подходах, что позволяет провести анализ различных моделей судебного конституционного контроля в разных государствах и на разных уровнях. Для этого использованы методы анализа судебной практики, а также историко-правовой и нормативный подходы. Новизна исследования заключается в интеграции различных теоретических и практических подходов к судебному конституционному контролю в условиях глобализации и трансформации правовых систем. В статье сделан акцент на изменениях в роли судов, их взаимодействии с политическими и социальными процессами, а также на новых вызовах, которые требуют переосмысления границ судебной власти. Показано, как конституционный контроль становится не только инструментом защиты Конституции, но и фактором правового прогресса и устойчивости в условиях кризиса представительства. Обосновывается необходимость институционализации судебного взаимодействия, усиления правовой ответственности судей и укрепления связей между правосудием и обществом. В заключение подчеркивается важность цифровизации судебного производства для усиления подотчетности судов и повышения эффективности их контроля. Разработка предложений по гармонизации судебного контроля может стать основой для дальнейших изменений в национальных конституционных системах и международной правовой практике.

Ключевые слова:

судебный конституционный контроль, трансформация конституционализма, правовой активизм, гармонизация правовых систем, глобализация, институциональное взаимодействие, цифровизация, правотворчество, суверенитет, правовая фрагментация

Введение

В условиях глубоких структурных изменений, затрагивающих как внутренние правовые порядки, так и международную правовую архитектуру, особую значимость приобретает процесс трансформации конституционализма. Современный конституционализм уже не ограничивается классическими представлениями о верховенстве конституции, разделении властей и гарантии прав человека; он всё чаще выступает в роли живого правового процесса, динамично реагирующего на вызовы глобализации, цифровизации и многоуровневого регулирования. Одним из центральных элементов этой трансформации становится судебный конституционный контроль как институт, соединяющий в себе функции охраны конституционного строя, арбитража между ветвями власти и адаптации правовых норм к изменяющемуся общественному контексту.

В этой связи проблематика темы связана с нарастающим кризисом нормативной определенности и сужением пространства классической доктрины разделения властей. Эрозия ясности конституционных норм, усиление прецедентной составляющей и распространение принципа «жизненной» интерпретации конституции (*living constitution*) открывают новые возможности, но одновременно порождают правовую неопределенность, юридическую фрагментацию и подрывают предсказуемость судебных решений. Исследователи указывают, что современное развитие конституционного контроля сопровождается отходом от строгого легализма в пользу широкой дискреции судов, что влечет за собой трансформацию самой сути правосудия: от применения норм к их активному переопределению [\[1, 2, 3\]](#).

В этом контексте конституционный контроль, оставаясь ядром правовой системы, утрачивает свой традиционный характер как преимущественно инструмент сдерживания и пресечения нарушений. В настоящее время он приобретает более конструктивную функцию: участвует в выработке новых правовых стандартов, обеспечивает баланс между юридической стабильностью и необходимостью правовой эволюции. Примером этого может служить деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, отраженная, в частности, в Постановлении от 19 января 2017 г. № 1-П. В этом Постановлении был сформулирован критерий допустимости отклонения от решений Европейского суда по правам человека, тем самым подчеркнуто, что судебный контроль может выступать не только как средство подчинения международным стандартам, но и как инструмент их правовой адаптации с учетом национального суверенитета.

При этом актуальность исследования обусловлена не только ростом правового активизма и расширением пределов судебного усмотрения, но и фундаментальными изменениями в архитектуре современного конституционализма, связанными с эрозией прежних границ между национальными и наднациональными правопорядками. Современное правовое пространство характеризуется неустойчивым балансом между внутренним суверенитетом и внешними правовыми обязательствами, что особенно остро проявляется в практике международных судебных институтов, включая, в частности, Европейский суд по правам человека и Суд Европейского союза. Эти суды нередко интерпретируют правовые нормы в контексте ценностей универсализма, что порождает напряжение между глобальными правозащитными стандартами и принципом верховенства национальных конституций. Возникает риск подрыва автономии национальных правовых систем, а также сужения сферы легитимного усмотрения национальных судов.

Одновременно усиливается тенденция к так называемой «судебной глобализации» [\[4\]](#), в рамках которой высшие судебные органы выполняют функцию посредников между уровнями права, действующими в различных юридических и культурных контекстах. В этой ситуации роль суда как института, предназначенного лишь для буквального воплощения предписаний закона, в нынешних условиях оказывается недостаточным и подлежит критическому осмыслению. Современные суды всё чаще выступают как институциональные акторы, способные формировать право в рамках горизонтального и вертикального взаимодействия с иными источниками правового регулирования. Это превращает судебный конституционный контроль в один из ключевых механизмов адаптации правовых систем к вызовам транснационализации и диффузии норм. Возникает необходимость осмыслиения новых моделей легитимации судебной власти, включающих в себя как национальные правовые традиции, так и надгосударственные ориентиры.

При этом вопросы судебного конституционного контроля в условиях трансформации правовых систем и глобализации получили широкое освещение в современной научной литературе. В российской правовой доктрине значительный вклад в разработку данной проблематики внесли Н.С. Бондарь [\[5\]](#), О.В. Брежнев [\[6\]](#), И.А. Кравец [\[7\]](#) и др., последовательно анализировавшие как эволюцию функций конституционных судов, так и юридические механизмы согласования международных и внутригосударственных норм. Среди зарубежных исследователей особое внимание заслуживают работы А.С. Sweet [\[8\]](#), М. Kumm [\[9\]](#), M. Loughlin [\[10\]](#) и Y. Shany [\[11\]](#), в которых раскрывается природа судебного транснационализма, формирующегося на стыке конституционного и международного правопорядков. Их труды формируют важную теоретико-методологическую основу для анализа вызовов, стоящих перед системами судебного контроля в XXI веке, и позволяют

выявить как риски утраты правового суверенитета, так и потенциал для институциональной адаптации и обновления судов в условиях усложняющейся нормативной среды.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении ключевых тенденций трансформации судебного контроля в условиях изменяющейся парадигмы конституционализма. Особое внимание уделяется анализу возможностей его гармонизации, то есть установления устойчивого баланса между судебной активностью и необходимостью сохранения легитимности судебной власти. При этом гармонизация судебного контроля предполагает не отказ от интерпретационной свободы, а её институциональную укоренённость, formalизованную в системе правовых стандартов, процедур и ограничений. Вопросы обоснованности, пропорциональности и правовой предсказуемости решений судов становятся ключевыми критериями оценки качества современного конституционного контроля.

Объектом исследования выступает судебный конституционный контроль как механизм обеспечения верховенства и стабильности Конституции, а предметом – его институциональное развитие, функциональные трансформации и нормативно-правовое наполнение в условиях вызовов современности. Особый интерес представляет взаимодействие конституционного контроля с иными ветвями власти, а также влияние его практики на правосознание и правовую культуру общества. Кроме того эволюция судебного контроля неразрывно связана с изменением роли права в целом: от механизма управления к пространству публичной дискуссии и инструменту легитимации власти.

Методологическая основа исследования формируется на основе компаративного анализа, институционального подхода, а также герменевтической и междисциплинарной методологии. Сравнительное правоведение позволяет выявить общие тенденции и различия в подходах к судебному контролю в различных государствах (например, Германии, Франции, США, России). Институциональный подход помогает проанализировать механизмы взаимодействия судебной власти с иными субъектами конституционного процесса. Герменевтический анализ направлен на выявление смысловых контекстов, в которых осуществляется интерпретация конституционных норм. Междисциплинарность проявляется в привлечении социологических, политологических и философских категорий, что особенно важно в условиях, когда границы между правом и политикой становятся всё более проницаемыми.

Таким образом, проблема судебного конституционного контроля предстает не только как вопрос юридической техники, но как элемент более широкой трансформации нормативного порядка, где суд оказывается не просто защитником конституции, но активным участником процесса ее переосмысливания. В этой связи исследование актуально как с теоретической, так и с прикладной точки зрения, требуя комплексного и критического подхода к пониманию судебной власти в эпоху постклассического конституционализма.

Эволюция доктрины судебного конституционного контроля: от формализма к активизму

Развитие судебного конституционного контроля представляет собой сложный историко-правовой процесс, отражающий смену правовых парадигм, политических условий и социокультурных ориентиров. Первоначально этот институт формировался в логике формального правопорядка, подчиненного идеи нормативной стабильности и

конституционного порядка как данности. Однако современная правовая действительность предъявляет новые требования, где судебная власть уже не ограничивается пассивной функцией охраны конституционной легитимности, а всё более выступает в роли активного интерпретатора и соавтора правовых смыслов. Отсюда возникает необходимость переосмыслиения доктрины конституционного контроля — от классического формализма к правовому активизму, в условиях усложнения нормативного поля и усиления транснациональных вызовов.

Истоки судебного конституционного контроля традиционно связываются с американской моделью, заложенной в деле *«Marbury v. Madison»* (1803), где Верховный суд США под председательством Д. Маршалла провозгласил принцип судебного контроля над законами как необходимое следствие верховенства Конституции. Это решение стало основой доктрины, по которой судьи, не будучи законодателями, обладают полномочием оценивать соответствие законов Основному закону. Американская модель, сформировавшаяся в условиях сильного правового формализма и федерализма, подчёркивала принцип судебного сдерживания (*judicial restraint*), ограничивая интерпретационную свободу судов рамками конституционного текста. Впоследствии, по мере усиления роли прав человека и изменения социально-экономических условий, в США стала развиваться и противоположная доктрина — судебного активизма (*judicial activism*), активно реализуемая, например, в решениях эпохи Верховного суда под руководством Э. Уоррена [\[12, 13\]](#).

В Европе альтернативный путь был инициирован работами и проектами Г. Кельзена, предложившего модель централизованного контроля в рамках конституционного суда, как это было впервые реализовано в Австрии в 1920 году [\[14\]](#). Эта модель, в отличие от американской децентрализованной системы, предполагала существование специального органа, обладающего исключительным полномочием проверять конституционность нормативных актов. Принципиальным в концепции Г. Кельзена было разделение между толкованием и применением права, где суд выполнял охранительную функцию, а не становился источником правотворчества. Однако практика европейских государств свидетельствовала о том, что даже при институциональном ограничении активизм судей неизбежно проявляется в контексте правовой эволюции, особенно в делах, касающихся фундаментальных прав.

Классическая концепция конституционного контроля исходила из презумпции формального соответствия нормативного акта Конституции, при этом контроль имел негативный (в смысле устранения неконституционных норм) и минималистский характер. Судебная власть не должна была вмешиваться в политическую сферу и подменять собой органы народного представительства. Эта позиция нашла отражение, в частности, в решениях Федерального конституционного суда Германии в первые десятилетия его работы, когда суд подчеркивал свою аполитичность и функциональное разграничение с другими ветвями власти. Однако уже к 1970-м годам наблюдается сдвиг — особенно в делах, касающихся прав человека и пропорциональности вмешательства государства в частную жизнь. Так, в решении по делу *Lüth* (1958) суд фактически признал, что основные права применимы не только в вертикальных отношениях между государством и гражданином, но и в горизонтальных — между частными лицами, что расширяло сферу действия Конституции и увеличивало полномочия суда [\[15\]](#).

Переход от формалистского подхода к активной интерпретации Конституции был обусловлен не только юридической логикой, но и изменениями в самой природе конституционного государства. Конституции перестают быть только политико-правовыми

актами, фиксирующими систему власти, и становятся ценностно ориентированными документами. Возникает представление о «живом» праве (*living law*), где нормы приобретают смысл в зависимости от общественного контекста и текущих этических ориентиров. Такая трансформация находит отражение в подходах, применяемых Европейским судом по правам человека, который в ряде ключевых решений (например, *«Tyrer v. the United Kingdom»*, 1978 г.) прямо указывает на необходимость динамической и телеологической интерпретации Европейской конвенции о правах человека.

В современном конституционном судопроизводстве особое значение приобретают принципы пропорциональности, разумности, справедливости и баланса интересов. Эти категории стали основой для оценки конституционности законов, особенно в тех случаях, когда речь идет о конфликте между частными правами и публичными интересами. Принцип пропорциональности, например, был выработан в германской правовой доктрине и в настоящее время является основой для конституционного анализа в большинстве европейских юрисдикций. Он предполагает необходимость проверки трех критериев: легитимности цели, необходимости вмешательства и соразмерности ущерба и пользы. Аналогичный подход получил развитие и в практике Конституционного Суда Российской Федерации.

Одним из важнейших факторов эволюции доктрины судебного контроля стало воздействие процессов глобализации и развития транснациональных правовых стандартов. Современные суды находятся под постоянным влиянием не только внутреннего законодательства, но и решений международных судов, таких как ЕСПЧ, Суд ЕС, Международный суд ООН. Это приводит к феномену «диалога судов», где национальные конституционные суды вступают в юриспруденциальное взаимодействие с международными органами, что, в свою очередь, трансформирует само понятие суверенитета. При этом некоторые исследователи, такие как Р. Häberle, утверждают, что национальная конституция не исчерпывается рамками внутреннего правопорядка, а включена в более широкую транснациональную нормативную систему [\[16\]](#).

В сравнительной перспективе можно выделить разнообразие подходов к судебному контролю. В Германии Федеральный конституционный суд традиционно сочетает высокий уровень абстрактности своих решений с детальной аргументацией, опираясь на фундаментальные ценности Основного закона. В Индии Верховный суд выступает в роли активного защитника социального правосудия, вводя такие концепции, как «основная структура Конституции» (*basic structure doctrine*), что позволяет суду ограничивать даже поправки к Конституции. В Бразилии Supremo Tribunal Federal играет центральную роль в политико-правовых конфликтах, балансируя между судебным вмешательством и сохранением институциональной устойчивости. В Южной Корее Конституционный суд нередко выступает катализатором демократических преобразований, особенно в делах, касающихся свободы выражения мнений и политических прав. В Казахстане институт конституционного контроля претерпел институциональную модернизацию, в частности, после реформ 2022 года, предусматривающих переход от Конституционного совета к полноценному Конституционному суду, обладающему более широкими полномочиями и потенциальной независимостью.

Таким образом, в правовой системе конца XX – начала XXI века судебный конституционный контроль переживает глубокую трансформацию – от пассивной инстанции, проверяющей соответствие норм Конституции, к активному субъекту нормативного процесса, который, оставаясь в рамках легитимности, участвует в формировании новых конституционных смыслов. Эта трансформация требует не только

нового теоретического осмысления, но и институциональных гарантий, предотвращающих произвол и обеспечивающих равновесие между свободой интерпретации и ответственностью за её последствия.

Конституционный контроль в условиях трансформации современного конституционализма

Современный этап развития конституционного контроля происходит в условиях качественного изменения всей системы публичного права. Конституционализм, выступая ядром нормативной архитектуры современного государства, претерпевает качественные изменения: его классическая модель, основанная на жестком разграничении властей, примате писаной конституции и единстве государственного суверенитета, постепенно уступает место постклассическим формам. Эти формы характеризуются плюрализацией источников права, перераспределением суверенных прерогатив между национальными и наднациональными уровнями и возрастающим влиянием транснациональных правовых норм. Речь идёт не о разрушении конституционализма, а о его адаптации к новым политико-правовым реалиям, в которых конституционная система уже не может быть замкнутой и самодостаточной. Эти изменения неизбежно ставят перед институтом конституционного контроля новые вызовы, касающиеся не только содержания проверяемых норм, но и самого характера судебной деятельности.

Переход от классического к постклассическому конституционализму сопряжён, прежде всего, с переоценкой понимания права как единой и иерархической системы. В условиях усиления роли международного и наднационального права (включая нормы Совета Европы, Европейского Союза, ВТО и т.д.), а также прецедентной практики международных судов, внутренняя правовая система становится открытой и восприимчивой к внешним источникам. Конституционные суды, как правило, оказываются в центре этого процесса. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П фактически поставил пределы применимости решений Европейского суда по правам человека, подчеркнув верховенство Конституции РФ, но одновременно признавая необходимость интерпретации в духе международных обязательств. Аналогичным образом, Конституционный суд Германии (BVerfG) в своих решениях по делам *Solange I* и *Solange II* пытался выстроить модель сосуществования национальной и европейской правовых систем, вводя критерии допустимости вмешательства наднационального права при условии сохранения уровня правовой защиты, аналогичного германскому стандарту.

Одной из ключевых трансформаций в современной конституционно-правовой реальности стало появление новых прав и обязанностей, порождённых цифровой эпохой. Цифровизация, как технологический и социокультурный феномен, формирует новую структуру общественных отношений, в которой право сталкивается с такими категориями, как обработка больших данных, алгоритмическое регулирование и искусственный интеллект. В результате, объектом внимания конституционного контроля становятся не только классические ограничения прав (например, на свободу слова или частную жизнь), но и новые угрозы, исходящие от алгоритмической дискриминации, манипуляции общественным мнением и непрозрачности цифровых процессов. Уже в настоящее время в ряде государств развиваются судебные подходы к защите так называемых цифровых прав: права на доступ к информации, права на объяснимость алгоритмических решений, права на анонимность в сети. Однако исследователи, как, например, О. Pollicino, подчеркивают необходимость выработки правовой доктрины, способной противостоять экспансии цифровой власти и рыночной логики в сферу фундаментальных прав [\[17\]](#).

Конституционные суды, таким образом, сталкиваются с задачей разработки новых стандартов защиты прав в условиях, когда границы между частным и публичным стираются, а новые формы власти приобретают нефизическую и транстерриториальную природу.

Наряду с цифровыми вызовами, актуализируется также проблема расширения содержания самих прав и обязанностей. Классическая модель конституционализма строилась на отрицательных правах — правах быть свободным от вмешательства государства. В современных условиях эта модель дополняется, а в некоторых сферах и вытесняется, позитивной обязанностью государства обеспечивать реализацию прав — от социальных до экологических. Конституционный контроль, в этой связи, выходит за рамки охраны границ дозволенного и становится инструментом институционального обеспечения социальной справедливости. Это особенно проявляется в делах, касающихся права на образование, здравоохранение, достойный уровень жизни, доступ к экологически безопасной среде. Примером служит практика Конституционного суда Колумбии, в частности, его решение T-760/2008, в котором был закреплён комплексный подход к праву на здравоохранение как фундаментальному и неотъемлемому праву, требующему активной политики государства. В Европе Европейский суд по правам человека в деле *«Fadeyeva v. Russia»* (2005) фактически признал обязательность экологической защиты как составной части права на уважение частной и семейной жизни (ст. 8 ЕКПЧ). Таким образом, суды становятся существенным элементом новой социальной парадигмы, в которой юридическая интерпретация прав тесно связана с этическими и политико-экономическими вопросами.

Ещё одним принципиальным изменением является смещение роли конституционного суда от арбитра к активному участнику правового конструирования. Традиционно судья рассматривался как «устами закона», однако в условиях современной многослойности нормативных систем и неопределённости правовых ситуаций судьи всё чаще берут на себя роль создателей новых правовых норм, особенно в сложных и непрecedентных делах. При этом суды не только применяют право, но и активно участвуют в его формировании, исходя из изменяющегося социального контекста.

Связано с этим и переосмысление принципа *non liquet*, традиционно означавшего невозможность суда отказаться от вынесения решения по причине отсутствия ясного права. Современная юриспруденция, напротив, допускает и даже требует от судей интерпретативной активности в условиях правовой лакуны или коллизии. Исследователи, такие как J. B. Etcheverry подчёркивают, что отказ от вынесения решения в условиях неопределённости подрывает доверие к судебной власти и препятствует обеспечению правовой определённости как одной из основ правопорядка [18]. В условиях сложных конституционных кризисов, суды становятся последним институциональным ресурсом, способным восстановить баланс власти. Именно поэтому судебная интерпретация приобретает значение не только правовой техники, но и формы нормативной политики.

Как следствие, конституционный контроль в XXI веке всё чаще рассматривается не как нейтральный арбитраж, а как форма публичной власти, обладающая политическим и социальным измерением. В условиях кризиса института политического представительства, связанного с отчуждением граждан от парламентской политики, снижением доверия к партийной системе и ростом популизма, именно суды становятся ареной, где обсуждаются и решаются фундаментальные конфликты современности. Они берут на себя функции арбитра в делах, по которым традиционные политические механизмы оказываются неэффективными или заблокированными. Такая ситуация

характерна, например, для Бразилии, где Верховный федеральный суд стал ключевым субъектом в борьбе с коррупцией и авторитарными тенденциями [\[19\]](#). Подобная роль судебной власти вызывает как поддержку, так и критику: с одной стороны, она укрепляет правовую защиту граждан и способствует развитию демократии, с другой — порождает обвинения в «судебном активизме» и нарушении принципа разделения властей.

Таким образом, трансформация конституционного контроля в современную эпоху представляет собой не просто расширение круга проверяемых норм или совершенствование процедур, а глубокое изменение самой природы судебной власти, её функций, ориентиров и институционального положения в структуре публичной власти. Конституционный контроль из архаического механизма охраны нормативной целостности превращается в динамический институт, способный адаптироваться к быстро меняющимся условиям, отвечая на вызовы цифровизации, глобализации, социальной поляризации и кризиса представительства.

Гармонизация и институциональное обновление механизмов судебного контроля: современное состояние и перспективы развития

Современное правовое пространство демонстрирует признаки высокой сложности и нестабильности: в условиях глобализации усиливается фрагментация юрисдикций, что приводит к появлению перекрывающихся полномочий, конфликтов между правовыми системами и конкуренции судебных инстанций различных уровней. Эти процессы, в отличие от трансформации нормативной модели конституционализма, относятся к плоскости правореализации и институциональной практики, отражая многоуровневость современного правового регулирования. В данном случае речь идёт не о пересмотре суверенитета как принципа, а о технической и организационной сложности его реализации в трансграничной юридической среде. На пересечении национального, регионального и международного права возникают острые коллизии, порождающие необходимость переосмысливания существующих форм и принципов судебного контроля. Возникает ситуация, при которой одни и те же правовые вопросы получают разные, порой противоположные решения в рамках различных правовых порядков, что подрывает доверие к судебной системе в целом. Судебная власть, особенно в лице конституционных и международных судов, сталкивается с задачей институционального обновления механизмов взаимодействия и гармонизации норм, учитывая как принцип верховенства права, так и суверенитет национальных государств.

Фрагментация судебных юрисдикций проявляется, прежде всего, в нарастающем числе противоречий между решениями национальных конституционных судов и наднациональных судебных органов, прежде всего Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и Суда Европейского союза (СЕС). Эта проблема обостряется в условиях расхождения интерпретаций базовых конституционных принципов, таких как приоритет международных договоров, защита основных прав и пределы дискреции национальных властей. Ярким примером подобного конфликта стало решение Конституционного суда Германии по делу *Weiss* (2019), в котором суд впервые прямо отказал в признании обязательности постановления СЕС, обосновав свою позицию тем, что Европейский центральный банк вышел за пределы предоставленных ему полномочий, а СЕС не обеспечил должного уровня аргументации [\[20\]](#). Этот прецедент поставил под сомнение принцип верховенства права ЕС и продемонстрировал пределы судебного взаимодействия в условиях расхождения институциональных логик.

Аналогичные процессы можно наблюдать и в Польше. Конституционный трибунал в 2021 году прямо провозгласил приоритет польской конституции над нормами Договора о

Европейском союзе, поставив под сомнение компетенцию СЕС в сфере судебной реформы. Решение вызвало резкую критику со стороны Европейской комиссии и стало поводом для запуска процедуры по статье 7 ДЕС. Исследователь J. Kranz подчеркивает, что подобные решения отражают конституционный плюрализм с оттенком суверенного реванша, где суды выступают не только как органы правосудия, но и как агенты национальной идентичности [\[21\]](#). В России также имел место схожий момент: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П прямо указало на допустимость отказа от исполнения решений ЕСПЧ, если они противоречат основам конституционного строя. Данный подход был позже институционализирован в изменениях к Конституции РФ в 2020 году.

В условиях нарастающих юрисдикционных конфликтов всё более актуальной становится доктрина судебного взаимодействия и взаимного уважения — *judicial comity*. Согласно этой концепции, суды разных уровней должны стремиться не к соперничеству, а к диалогу и координации, исходя из общего интереса в обеспечении правовой определённости и защиты фундаментальных прав [\[22\]](#). Это требует институциональных механизмов, способных преодолеть логику конфликта и заменить её логикой сотрудничества. Примером может служить инициатива Верховного суда Великобритании, регулярно публикующего руководства по применению международных норм [\[23\]](#), а также развитие консультативной юрисдикции в рамках Европейского суда по правам человека, закреплённой в Протоколе № 16 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Этот механизм позволяет высшим судам государств-членов запрашивать мнение ЕСПЧ до вынесения решений, снижая тем самым вероятность последующего конфликта и способствуя правовой гармонизации.

Особое внимание заслуживает развитие инновационных форм судебного взаимодействия. Помимо консультативных заключений, активно внедряются превентивные формы конституционного контроля, позволяющие оценить соответствие законопроектов основному закону до их принятия. Так, во Франции функционирует механизм *a priori* контроля через Конституционный совет, который нередко используется для предупреждения нарушений основ конституционного строя. Интересен опыт Бельгии, где установлены диалогические форматы взаимодействия между Конституционным судом и Судами общей юрисдикции по вопросам дискриминации. В этих моделях наблюдается отход от вертикального мышления о праве как о цепочке инстанций и переход к горизонтальной логике равноправного обмена аргументами между различными судебными институциями. В частности, J. De Jaegere отмечает, что склонность Конституционного суда к диалогическому взаимодействию с другими судами, особенно в делах, касающихся дискриминации. Автор констатирует отход от иерархической модели судебной системы к более горизонтальной, основанной на обмене аргументами и сотрудничестве [\[24\]](#).

Кроме того невозможно игнорировать и влияние внешних кризисов, таких как пандемия COVID-19, военные конфликты, миграционные волны, на процедуры и содержание судебного контроля. Эти события выявили уязвимость традиционных механизмов правоприменения и поставили перед судебной системой задачи скорейшей адаптации к изменяющимся условиям. Конституционные суды многих государств были вынуждены оперативно реагировать на меры чрезвычайного характера, балансируя между необходимостью защиты здоровья населения и недопущением эрозии правовых стандартов. Например, Конституционный суд Испании признал неконституционными определённые положения о строгом локдауне, ссылаясь на чрезмерность ограничений

при отсутствии пропорционального механизма контроля. Аналогичным образом, в Южной Африке суды признали ряд антикризисных актов противоречащими Конституции, поскольку те нарушали принципы необходимости и соразмерности. Эти случаи показывают, что кризисные обстоятельства не отменяют действия конституционных норм, а наоборот, требуют более тщательного судебного анализа и усиления институциональной ответственности.

Современные тенденции также предполагают необходимость цифровизации судебного процесса и повышения прозрачности механизмов контроля. Электронное судопроизводство, системы онлайн-доступа к делам, автоматизация судебного документооборота и применение искусственного интеллекта в процессах анализа судебной практики становятся всё более распространёнными. Однако подобные технологические новации вызывают и множество вопросов, связанных с сохранением принципов справедливого судебного разбирательства, обеспечением открытости алгоритмических процессов и возможной дискриминацией в результате непрозрачных решений ИИ. В этой связи остро стоит задача институциональной верификации цифровых решений, а также создания этических стандартов для их применения. Например, российские исследователи С. И. Вершинина и В. А. Лазарев подчёркивают, что цифровизация должна сопровождаться институциональными гарантиями сохранения правовой определенности, а не заменять собой судебное усмотрение [\[25\]](#).

В этой связи надо признать, что гармонизация и институциональное обновление судебного конституционного контроля в условиях многоуровневой юрисдикции, глобальных кризисов и цифровых трансформаций — это не линейный процесс, а сложная работа по балансированию между различными юридическими, политическими и этическими интересами. Речь идёт не только о совершенствовании процедур, но о глубокой трансформации судебной культуры, направленной на преодоление конфликта между универсализмом прав человека и легитимностью национального конституционного порядка. Судебная система будущего требует от юристов не только высокой профессиональной подготовки, но и способности к правовому мышлению в условиях неопределенности и системной сложности.

Конституционные суды и правовая устойчивость: функции и пределы в контексте современной трансформации государственного управления

Конституционные суды в современном государстве выступают в качестве фундаментальных гарантов устойчивости правопорядка и преемственности конституционного строя. Их значение значительно возрастает в периоды общественно-политических трансформаций, когда базовые устои государственного устройства подвергаются испытанию. Устойчивость в этом контексте трактуется не как сопротивление переменам, а как способность института сохранять идентичность при изменяющихся внешних условиях. Таким образом, конституционный суд функционирует как институциональный стабилизатор, обеспечивающий баланс между необходимостью правовой эволюции и сохранением нормативного ядра конституции. В этой связи особенно важной становится концепция «конституционной идентичности», которая задаёт границы допустимой трансформации конституционного порядка в условиях глобальной правовой диффузии [\[26\]](#).

Судебный контроль, осуществляемый конституционными судами, позволяет корректировать правовые механизмы в ответ на изменения в социальной структуре, экономических условиях и политическом ландшафте. При этом важнейшую роль играет так называемое динамическое толкование конституции, позволяющее применять её

нормы к новым, ранее неизвестным обстоятельствам. В решении по делу «*Obergefell v. Hodges*» (2015), Верховный суд США интерпретировал положения Конституции о равной защите прав как обоснование для легализации однополых браков, тем самым продемонстрировав пример судебной адаптации к социальной эволюции. В европейском контексте аналогичную роль играет Европейский суд по правам человека, развивающий доктрину «живого инструмента» (*living instrument*), о чём прямо указано, например, в решении по делу «*Tyler v. the United Kingdom*» (1978). Эта практика находит отражение и в российской судебной доктрине. Так, Конституционный Суд РФ в постановлении от 27 марта 2012 г. № 8-П указал на необходимость интерпретации конституционных положений с учётом развивающихся общественных отношений, что предполагает возможность их переосмысливания при неизменности самого текста.

Однако данная гибкость сопряжена с серьёзными рисками. Одним из них является так называемое «судебное правотворчество», под которым понимается ситуация, когда суд, выходя за рамки своей компетенции, по сути создает новые нормы права вместо их толкования. Такая практика может нарушать принцип разделения властей, поскольку подменяет политическую волю законодателя волей судебной власти. Особенно остро эта проблема проявляется в юрисдикциях, где отсутствует чёткое разграничение между полномочиями суда и парламента. В работах R. Dworkin справедливо подчёркивается, что судья обязан опираться на принципиальные и моральные основания права, однако граница между правовым принципом и политической позицией зачастую оказывается размыта [\[27\]](#).

При этом особое внимание заслуживает проблема функционирования конституционного правосудия в условиях популистской политической риторики и давления на независимость судебной власти. Популистские движения, апеллируя к «воле народа», часто рассматривают суд как препятствие для реализации своих программ и стремятся либо к его подчинению, либо к его делегитимации. Примером может служить ситуация в Венгрии, где после конституционных изменений 2011 года полномочия Конституционного суда были существенно ограничены. Аналогичные тенденции наблюдаются и в Польше, где правительство предприняло попытку влиять на состав и полномочия Конституционного трибунала, что стало предметом анализа в решении Суда Европейского союза по делу «*Commission v. Poland*» (C-619/18). Подобные случаи демонстрируют, что суд, претендующий на роль гаранта правовой устойчивости, сам становится уязвимым в условиях политического давления и требует институциональной защиты своей автономии.

В целом проблема соотношения судебной автономии и демократического контроля носит принципиальный характер и затрагивает вопросы легитимности правосудия как публичного института. С одной стороны, независимость суда — краеугольный камень верховенства права, зафиксированный, в частности, в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. С другой стороны, легитимность судебных решений в демократическом обществе невозможна без подотчетности (accountability). Она выражается как в прозрачности процедур, так и в соответствии решений общественным ожиданиям, не подменяя при этом принципиальность правовой позиции политической целесообразностью. Исследовательская литература, в частности работы R. Hirschl [\[28\]](#) и M. Loughlin [\[29\]](#), указывает на парадокс: чем больше суд вовлечён в политически чувствительные решения, тем выше требования к его демократической легитимации, но тем же выше риск подрыва его институциональной независимости. Таким образом, правовая устойчивость предполагает не только стабильность норм, но и сбалансированное распределение власти в государстве.

Условием доверия к институту конституционного правосудия остаётся соблюдение высоких этических и профессиональных стандартов со стороны судей. Эти стандарты включают не только формальные требования, зафиксированные в Кодексах судебской этики (например, Кодекс судебской этики Российской Федерации от 2012 года), но и более широкие категории – добросовестность, нейтральность, независимость от внешнего давления. В этом контексте показательны подходы, выработанные в рамках Международной хартии судебской этики (2002), где особо подчёркивается значение моральной ответственности судьи перед обществом. Судьи конституционных судов, принимая решения, способные изменить траекторию развития политической системы, должны обладать не только высоким уровнем правовой квалификации, но и способностью к нравственно ответственному мышлению, что делает их не просто интерпретаторами закона, но и носителями определённого институционального *ethos*.

Таким образом, в центре обсуждения роли конституционных судов в обеспечении правовой устойчивости оказывается сложный и многомерный комплекс вопросов: от интерпретации и применения норм в изменяющейся реальности до соблюдения институциональной границы между различными ветвями власти. Эти вызовы обнажают не только функциональные возможности судебной власти, но и пределы её легитимности, этики и способности к саморегуляции. Учитывая растущую напряженность между универсализмом правовых ценностей и спецификой национальных правопорядков, а также растущее давление со стороны политических акторов, будущее конституционного правосудия будет во многом зависеть от его способности к институциональному самосохранению, интеллектуальной гибкости и нравственной прочности.

Заключение

Современная эволюция института судебного контроля свидетельствует о его трансформации из формального механизма проверки соответствия нормативных актов конституции в активный фактор правового развития. Этот процесс обусловлен не только внутренними изменениями в правовых системах, но и влиянием глобальных тенденций, таких как цифровизация, транснационализация права и усиливающееся взаимодействие между различными уровнями судебных юрисдикций.

Одним из ключевых вызовов, с которым сталкиваются современные правовые системы, является фрагментация судебных юрисдикций и возникающие в связи с этим коллизии между международными, региональными и национальными судами. Примером может служить ситуация в Индонезии, где существует дуализм судебного контроля: Конституционный суд и Верховный суд обладают различными полномочиями по проверке нормативных актов, что приводит к правовой неопределенности и противоречивым решениям.

В условиях усиливающейся взаимозависимости правовых систем возникает необходимость институционализации судебного диалога. Доктрина судебного взаимодействия и принцип "судебной сдержанности" (*judicial comity*) становятся инструментами преодоления правовых конфликтов и обеспечения согласованности судебных решений. Инновационные формы такого взаимодействия включают консультативные мнения, превентивный контроль и диалогические форматы, способствующие гармонизации правовых позиций различных судов.

При этом цифровая трансформация судебной системы открывает новые перспективы для развития судебного контроля. Внедрение цифровых технологий в судебное производство способствует повышению прозрачности, доступности и эффективности правосудия.

Однако это также требует переосмыслиния подходов к обеспечению прав и свобод граждан в цифровом пространстве, что подчеркивается в исследованиях, посвященных формированию цифрового правосознания. Следовательно, развитие института судебного конституционного контроля в современных условиях невозможно без укрепления взаимодействия между наукой, судебной системой и обществом. Научные исследования играют важную роль в формировании теоретических основ судебного контроля, анализе его практики и предложении рекомендаций по его совершенствованию. Общество, в свою очередь, должно быть активно вовлечено в процесс обсуждения и оценки судебной деятельности, что способствует повышению доверия к судебной системе и укреплению ее легитимности. Таким образом, судебный контроль становится ключевым элементом современного конституционализма, обеспечивая баланс между устойчивостью правопорядка и необходимостью его адаптации к изменяющимся условиям. Его дальнейшее развитие требует комплексного подхода, учитывающего как внутренние потребности правовых систем, так и внешние вызовы глобального характера.

Библиография

1. Ливеровский А.А. Органы конституционной юстиции как "квазисуды" // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 3. С. 23-27.
2. Романов А.Ю. Развитие идеи о судебном правотворчестве в доктрине, законодательстве и судебной практике // Образование и право. 2020. № 1. С. 193-198. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10128. EDN: BPUGRC.
3. Кравец И.А. Конституционное правосудие: теория судебного конституционного права и практика судебного конституционного процесса. Учебное пособие. - М.: 2017. - 400 с. EDN: YTMPLV.
4. Sweet A.S. Governing with Judges: Constitutional Politics in Europe. Oxford University Press, 2000. 248 р.
5. Бондарь Н.С. Конституционный контроль в системе нормоконтрольных функций судебной власти // Судья. 2021. № 10 (130). С. 11-16. DOI: 10.52433/18178170_2021_10_11. EDN: HKUXEJ.
6. Брежнев О.В. Обязательный судебный конституционный контроль в России: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3 (100). С. 67-74. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.100.3.067-074. EDN: OHGAJQ.
7. Кравец И.А. Толкование конституции и судебный конституционный контроль. Новосибирск, 2004. 102 с. EDN: UMXDVU.
8. Stone Sweet, A. Governing with Judges: Constitutional Politics in Europe. Oxford University Press, 2000. 248 р.
9. Kumm, M. The cosmopolitan turn in constitutionalism: On the relationship between constitutionalism in and beyond the state. In: Dunoff J.L., Trachtenberg J.P. (Eds.). Ruling the World? Constitutionalism, International Law, and Global Governance. 2009. С. 258-325.
10. Loughlin, M. The Idea of Public Law. Oxford University Press, 2003. 199 р.
11. Shany, Y. Assessing the Effectiveness of International Courts. Oxford University Press, 2014. 344 р.
12. Berger, R. Government by Judiciary: The Transformation of the Fourteenth Amendment. Harvard University Press, 1977.
13. Kramer, L. The People Themselves: Popular Constitutionalism and Judicial Review. Oxford University Press, 2004.
14. Kelsen, H. Der Vorentwurf der österreichischen Verfassung. Neue Freie Presse, 1920.
15. Barnert E., Doll N. Conference Impressions: The Persisting Riddle of Fundamental Rights Jurisprudence and the Role of the Constitutional Court in a Democratic State. German Law Journal. 2003. № 4(3). С. 277-280.

16. Häberle, P. Verfassung als öffentlicher Prozeß: Materialien zu einer Verfassungstheorie der offenen Gesellschaft. Schriften zum Öffentlichen Recht (SÖR), Band 353. 3. Aufl. 1998. IV, 881 S.
17. Pollicino, O. The quadrangular shape of the geometry of digital power(s) and the move towards a procedural digital constitutionalism. European Law Journal. 2023. 29(1). C. 10-30. DOI: 10.1111/eulj.12472. EDN: LFIDGX.
18. Etcheverry, J.B. Rule of Law and Judicial Discretion: Their Compatibility and Reciprocal Limitation. Archiv für Rechts-und Sozialphilosophie. 2018. 104. C. 121-134.
19. Leite, G.S. Passiveness, Activism and Constitutional Bullying: The Supreme Federal Court and Brazil's Fragile Rule of Law. ICL Journal. 2023. Vol. 17, № 3. C. 233-250. DOI: 10.1515/icl-2023-0041. EDN: RHWUJW.
20. Amtenbrink, F., Repasi, R. The German Federal Constitutional Court's Decision in Weiss: A Contextual Analysis. European Law Review. 2020. 45(6). C. 757-778.
21. Kranz, J. Supremacy Over Primacy...? Reflections on Legal Controversies between Poland and the European Union (2015-2023). Polish Yearbook of International Law. 2023. 43. C. 13-41.
22. Casarosa, F., Moraru, M. (Eds.). The Practice of Judicial Interaction in the Field of Fundamental Rights: The Added Value of the Charter of Fundamental Rights of the EU. Edward Elgar Publishing, 2022. 448 p.
23. Supreme Court of the United Kingdom. Public International Law in the Supreme Court of the United Kingdom. 2nd ed. 2024. 64 p.
24. De Jaegere, J. Judicial Review and Strategic Behaviour: An Empirical Case Law Analysis of the Belgian Constitutional Court. Intersentia, 2019. 368 p.
25. Вершинина, С.И. Влияние цифровых технологий на совершенствование правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности / С.И. Вершинина, В.А. Лазарева // Государство и право. 2023. № 7. С. 100-110. DOI: 10.31857/S102694520022898-8. EDN: FFQYBW.
26. Besselink, L.F.M. National and constitutional identity before and after Lisbon. Utrecht Law Review. 2007. 6(3). C. 36-49.
27. Dworkin, R. Freedom's Law: The Moral Reading of the American Constitution. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 389 p.
28. Hirsch, R. The Political Origins of Judicial Empowerment through Constitutionalization: Lessons from Four Constitutional Revolutions. Law & Social Inquiry. 2000. 25(1). C. 91-149.
29. Loughlin, M. The concept of constituent power. European Journal of Political Theory. 2013. 13(2). C. 218-237.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, судебный конституционный контроль и трансформация современного конституционализма. Автор сосредоточил внимание на анализе соответствующих проблем гармонизации и развития. Заявленные границы исследования соблюdenы ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методологическая основа исследования формируется на основе компаративного анализа, институционального подхода, а также герменевтической и интердисциплинарной методологии. Сравнительное правоведение позволяет выявить общие тенденции и различия в подходах к судебному контролю в

различных государствах (например, Германии, Франции, США, России). Институциональный подход помогает проанализировать механизмы взаимодействия судебной власти с иными субъектами конституционного процесса. Герменевтический анализ направлен на выявление смысловых контекстов, в которых осуществляется интерпретация конституционных норм. Интердисциплинарность проявляется в привлечении социологических, политологических и философских категорий, что особенно важно в условиях, когда границы между правом и политикой становятся всё более проницаемыми".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: она "... обусловлена не только ростом правового активизма и расширением пределов судебного усмотрения, но и усложнением соотношения между внутренним суверенитетом и внешними правовыми обязательствами. В условиях, когда международные суды (включая ЕСПЧ и Суд ЕС) интерпретируют нормы права в свете универсальных ценностей, возникает опасность подрыва автономии национальных правопорядков. Одновременно усиливается тенденция к «судебной глобализации» [4], в рамках которой высшие судебные органы становятся посредниками между национальным и транснациональным правом. Это обстоятельство требует переосмыслиения роли судов не как «уста закона», а как субъектов, формирующих право через постоянное взаимодействие с иными уровнями правовой регуляции". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, в правовой системе конца XX – начала XXI века судебный конституционный контроль переживает глубокую трансформацию – от пассивной инстанции, проверяющей соответствие норм Конституции, к активному субъекту нормативного процесса, который, оставаясь в рамках легитимности, участвует в формировании новых конституционных смыслов. Эта трансформация требует не только нового теоретического осмыслиения, но и институциональных гарантий, предотвращающих произвол и обеспечивающих равновесие между свободой интерпретации и ответственностью за её последствия"; "Таким образом, трансформация конституционного контроля в современную эпоху представляет собой не просто расширение круга проверяемых норм или совершенствование процедур, а глубокое изменение самой природы судебной власти, её функций, ориентиров и институционального положения в структуре публичной власти. Конституционный контроль из архаического механизма охраны нормативной целостности превращается в динамический институт, способный адаптироваться к быстро меняющимся условиям, отвечая на вызовы цифровизации, глобализации, социальной поляризации и кризиса представительства"; "В заключение следует подчеркнуть, что гармонизация и институциональное обновление судебного конституционного контроля в условиях многоуровневой юрисдикции, глобальных кризисов и цифровых трансформаций – это не линейный процесс, а сложная работа по балансированию между различными юридическими, политическими и этическими интересами. Речь идёт не только о совершенствовании процедур, но о глубокой трансформации судебной культуры, направленной на преодоление конфликта между универсализмом прав человека и легитимностью национального конституционного порядка. Судебная система будущего требует от юристов не только высокой профессиональной подготовки, но и способности к правовому мышлению в условиях неопределенности и системной сложности" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность

избранной им темы исследования. В основной части работы автор выявляет ключевые тенденции трансформации судебного контроля в условиях изменяющейся парадигмы конституционализма. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Это обстоятельство требует переосмысления роли судов не как «уста закона», а как субъектов, формирующих право через постоянное взаимодействие с иными уровнями правовой регуляции" - "уст закона" (опечатка).

Ученый отмечает: "Сравнительное правоведение позволяет выявить общие тенденции и различия в подходах к судебному контролю в различных государствах (например, Германии, Франции, США, России)" - "государствах" (опечатка).

Автор указывает: "Некоторые исследователи, например, Р. Häberle, где национальная конституция не замыкается в границах государства, а является частью более широкой нормативной системы [9]" - предложение не согласовано.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки и пунктуационные ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 22 источниками (монографиями, научными статьями, учебным пособием), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения этого достаточно.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает, ссылаясь на ряд теоретических источников исключительно в обоснование своих суждений либо для иллюстрирования отдельных положений работы.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Современная эволюция института судебного контроля свидетельствует о его трансформации из формального механизма проверки соответствия нормативных актов конституции в активный фактор правового развития. Этот процесс обусловлен не только внутренними изменениями в правовых системах, но и влиянием глобальных тенденций, таких как цифровизация, транснационализация права и усиливающееся взаимодействие между различными уровнями судебных юрисдикций. Одним из ключевых вызовов, с которым сталкиваются современные правовые системы, является фрагментация судебных юрисдикций и возникающие в связи с этим коллизии между международными, региональными и национальными судами. Примером может служить ситуация в Индонезии, где существует дуализм судебного контроля: Конституционный суд и Верховный суд обладают различными полномочиями по проверке нормативных актов, что приводит к правовой неопределенности и противоречивым решениям/

В условиях усиливающейся взаимозависимости правовых систем возникает необходимость институционализации судебного диалога. Доктрина судебного взаимодействия и принцип "судебной сдержанности" (judicial comity) становятся инструментами преодоления юрисдикционных конфликтов и обеспечения согласованности судебных решений. Инновационные формы такого взаимодействия включают консультативные мнения, превентивный контроль и диалогические форматы, способствующие гармонизации правовых позиций различных судов. При этом цифровая трансформация судебной системы открывает новые перспективы для развития судебного контроля. Внедрение цифровых технологий в судебное производство способствует повышению прозрачности, доступности и эффективности правосудия. Однако это также требует переосмысления подходов к обеспечению прав и свобод граждан в цифровом пространстве, что подчеркивается в исследованиях, посвященных формированию

цифрового правосознания" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права при условии ее доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания), введении дополнительных элементов дискуссионности, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Судебный конституционный контроль и трансформация современного конституционализма: проблемы гармонизации и развития»

Объектом исследования выступает совокупность правоотношений, возникающих вследствие осуществления судебного конституционного контроля в условия трансформации современного конституционализма. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические воззрения по тематике статьи, правовая регламентация судебного конституционного контроля, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди использованных автором методов особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать сравнительно-правовой метод, который позволил сопоставить механизмы осуществления судебного конституционного контроля в разных странах; институциональный подход помог автору «проанализировать механизмы взаимодействия судебной власти с иными субъектами конституционного процесса»; с помощью герменевтического анализа автор выявлял смысловые контексты, «в которых осуществляется интерпретация конституционных норм».

Актуальность разработки заявленной темы высока в свете развития геополитической обстановки в мире, разнонаправленных процессов национальных правовых систем по отношению к международному праву, изменением характера осуществления судебного контроля во многих странах.

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором исследуется судебный конституционный контроль и трансформация современного конституционализма. Однако само понимание автором феномена «трансформация современного конституционализма» требует дополнительной аргументации, о чем речь пойдет ниже.

Статья характеризуется научным стилем изложения. Содержание в целом логично.

Библиография как по своему наполнению, так и по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода.

Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Не вполне корректной представляется характеристика конституционного контроля как репрессивного механизма: «В этом контексте конституционный контроль, оставаясь ядром правовой системы, утрачивает свой традиционный характер как исключительно негативного (репрессивного) механизма». Следует отметить, что ни наказания, ни подавления, которые характеризуют репрессию как правовое явление, в деятельности конституционных судов большинства стран мира не присутствовало и не присутствует.

Противоречивой представляется авторская концепция трансформации современного конституционализма. Как общие в статье представляются следующие тенденции:

«Конституционализм, будучи ядром нормативной архитектуры современного государства, утрачивает прежнюю монолитность: классическая его модель, основанная на жестком разграничении властей, примате писаной конституции и неделимом государственном суверенитете, постепенно уступает место постклассическим формам, характеризующимся плюрализацией источников права, фрагментацией суверенитета и усилением транснациональных правовых влияний». Вместе с тем в другой части статьи отмечается противоположное направление развития: «Современное правовое пространство характеризуется не только интенсивной глобализацией, но и усиливающейся фрагментацией юрисдикций...». Действительно, во многих государствах, в частности Российской Федерации, США, Китае, других странах Азии и Латинской Америки мы не видим «фрагментации суверенитета».

В этой связи возникает вопрос: можно ли утверждать о какой-то происходящей в масштабах земного шара трансформации конституционализма или же речь идет о разных путях его развития? Авторская характеристика трансформации конституционализма, на наш взгляд, требует дополнительной аргументации. Представляется, это придало бы работе должную завершенность.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в международно-правовых исследованиях. При условии определенной доработки она вполне может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования выступает судебный конституционный контроль в условиях трансформации современного конституционализма. Автор рассматривает эволюцию института конституционного контроля от классических форм к постклассическим, анализируя его роль в адаптации правовых систем к вызовам глобализации, цифровизации и многоуровневого регулирования. Особое внимание уделяется проблемам гармонизации различных уровней судебного контроля и механизмам институционального обновления.

Автор корректно определяет границы исследования, сосредоточиваясь на анализе функциональных трансформаций судебного контроля, его взаимодействии с другими ветвями власти и влиянии на правосознание общества. Предмет исследования сформулирован достаточно широко, что позволяет охватить различные аспекты заявленной проблематики.

Методология исследования

Методологическая основа исследования представляется обоснованной и соответствует поставленным задачам. Автор использует комплексный подход, включающий:

Компаративный анализ различных моделей конституционного контроля (американской, европейской, российской и других)

Институциональный подход для анализа механизмов взаимодействия судебной власти с иными субъектами

Герменевтический метод для выявления смысловых контекстов интерпретации

конституционных норм

Междисциплинарный подход с привлечением социологических, политологических и философских категорий

Методологический аппарат адекватен сложности исследуемой проблематики. Особенно ценным представляется применение герменевтического подхода, который позволяет раскрыть процессы смыслообразования в конституционной интерпретации.

Актуальность

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Автор убедительно обосновывает злободневность темы, указывая на кризис нормативной определенности, эрозию классической доктрины разделения властей и распространение принципа «жизненной» интерпретации конституции.

Особенно актуальными представляются вопросы, связанные с:

Фрагментацией судебных юрисдикций в условиях глобализации

Влиянием цифровизации на конституционные права и судебные процедуры

Конфликтами между национальными конституционными судами и наднациональными органами

Проблемами легитимации судебной власти в условиях роста популистских настроений

Актуальность усиливается привлечением современных примеров из практики различных конституционных судов, включая недавние решения по делам, связанным с пандемией COVID-19 и конфликтами между национальным и европейским правом.

Научная новизна

Научная новизна исследования проявляется в нескольких аспектах:

Концептуальный вклад: Автор предлагает переосмысление роли судебного контроля в условиях постклассического конституционализма, обосновывая переход от негативной функции (устранение неконституционных норм) к конструктивной (участие в выработке правовых стандартов).

Разработка концепции гармонизации: Представлена оригинальная трактовка гармонизации судебного контроля как установления баланса между судебной активностью и легитимностью судебной власти.

Анализ новых форм судебного взаимодействия: Исследуются инновационные механизмы, такие как консультативная юрисдикция ЕСПЧ, превентивные формы контроля и диалогические форматы взаимодействия судов.

Междисциплинарный синтез: Автор успешно интегрирует правовые, политологические и социологические подходы к анализу судебного контроля.

Вместе с тем, некоторые положения требуют более глубокой проработки. В частности, недостаточно раскрыты механизмы практической реализации предлагаемых моделей гармонизации.

Стиль, структура, содержание

Статья характеризуется высоким уровнем академического изложения и логичной структурой. Текст написан научным стилем с использованием специальной

терминологии, что соответствует характеру издания.

Структурные достоинства:

Четкое введение с обоснованием проблематики и постановкой целей

Логичная последовательность разделов

Содержательное заключение с обобщением результатов

Содержательные достоинства:

Глубокий анализ эволюции доктрины судебного контроля

Обширный сравнительно-правовой материал

Актуальные примеры из современной судебной практики

Критический анализ существующих подходов

Замечания по стилю и содержанию:

Некоторые предложения излишне сложны и могут затруднять восприятие

Отдельные теоретические положения нуждаются в более детальной аргументации

Желательно усиление практических рекомендаций по совершенствованию института судебного контроля

Библиография

Библиографический аппарат статьи заслуживает высокой оценки. Автор использует 29 источников, включающих:

Работы ведущих российских специалистов (Н.С. Бондарь, И.А. Кравец, О.В. Брежнев)

Фундаментальные труды зарубежных исследователей (A.S. Sweet, M. Kumm, M. Loughlin, R. Dworkin)

Актуальные публикации в ведущих международных журналах

Материалы судебной практики различных юрисдикций

Источники носят современный характер, большинство из них опубликованы в последние два десятилетия. Особо следует отметить привлечение источников на иностранных языках, что свидетельствует о знакомстве автора с зарубежными исследованиями.

Недостатки библиографии:

Недостаточно представлены работы по цифровизации правосудия

Могли бы быть шире использованы источники по теории конституционализма

Отсутствуют ссылки на документы международных организаций

Апелляция к оппонентам

Автор демонстрирует знакомство с различными научными позициями и ведет конструктивную полемику с оппонентами. В статье представлены разные точки зрения на ключевые проблемы:

Дискуссия между сторонниками судебного активизма и судебной сдержанности

Различные подходы к соотношению национального и наднационального права

Споры о пределах судебного правотворчества

Автор не ограничивается простым изложением различных позиций, а предлагает собственные решения спорных вопросов. Особенно ценным представляется анализ позиций конституционных судов Германии, Польши и России по вопросам соотношения национального и европейского права.

Замечание: В некоторых случаях автор мог бы более детально проанализировать аргументы оппонентов и представить более развернутую критику альтернативных подходов.

Выводы, интерес читательской аудитории

Основные выводы исследования представляются обоснованными и значимыми:

Констатируется трансформация судебного контроля от формального механизма к активному фактору правового развития

Обосновывается необходимость институционализации судебного диалога для преодоления юрисдикционных конфликтов

Подчеркивается важность цифровой трансформации судебной системы при сохранении конституционных гарантий

Предлагается комплексный подход к развитию института судебного контроля

Статья представляет значительный интерес для различных категорий читателей:

Для ученых-юристов - новые теоретические подходы к пониманию судебного контроля

Для практикующих юристов - анализ современных тенденций в судебной практике

Для судей - осмысление роли судебной власти в современном государстве

Для студентов и аспирантов - систематизация знаний о конституционном контроле

Общая оценка и рекомендации

Рецензируемая статья представляет собой качественное научное исследование актуальной проблематики. Автор демонстрирует глубокое знание предмета, владение методологическим аппаратом и способность к самостоятельному теоретическому анализу.

Достоинства работы:

Высокий теоретический уровень исследования

Обширная эмпирическая база

Междисциплинарный подход

Практическая значимость результатов

Качественное оформление и стиль изложения

Заключение: Статья соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям высокого уровня, и рекомендуется к публикации в журнале "Юридические исследования". Работа вносит значимый вклад в развитие теории конституционного права и может стать основой для дальнейших исследований в данной области.

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Дымовских А.Ф. Персонологический фактор в уголовно-правовой оценке ДТП с участием водителей средств индивидуальной мобильности: пробелы законодательства и судебная практика // Юридические исследования. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.6.74570 EDN: DYGJJD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74570

**Персонологический фактор в уголовно-правовой оценке
ДТП с участием водителей средств индивидуальной
мобильности: пробелы законодательства и судебная
практика****Дымовских Анастасия Феликсовна**

аспирант; юридический факультет; Московский финансово-промышленный университет "Синергия"
адвокат; Адвокатский кабинет Дымовских А.Ф.

123298, г.Москва, а/я 37

✉ ghost976@yandex.ru[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок."](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.6.74570

EDN:

DYGJJD

Дата направления статьи в редакцию:

22-05-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования является совокупность уголовно-правовых и криминологически значимых характеристик, определяющих влияние персонологических особенностей водителей средств индивидуальной мобильности (далее – это СИМ) на квалификацию деяния и индивидуализацию наказания, при наступлении тяжких последствий ДТП. Цель работы – выявить роль персонологического фактора при квалификации и назначении наказания за деяния, связанные с эксплуатацией электросамокатов. Практическая значимость предлагаемой в настоящем исследовании шкалы заключается в возможности её применения при индивидуализации наказания, формировании профилактических программ, а также при регламентации допуска к эксплуатации СИМ в условиях риска повышенной аварийности, что, в свою очередь, способствует унификации правоприменительной практики и повышению эффективности превентивных мер в рассматриваемой сфере. Методологическую основу

составляют диалектическая парадигма соотношения биологического и социального, криминологическая теория интегрального риска, когнитивно-психологическая концепция транспортной компетентности. Сравнительно-правовой — сопоставление нормативных конструкций выявление пробелов в законодательстве; моделирование — разработка концепта «шкалы персонологической опасности водителя СИМ» (ШПО-СИМ) как инструмента экспертизы при назначении наказания. Результаты исследования показывают трансформацию нормативно-правовой парадигмы: в отсутствие специализированного состава преступления происходит смещение акцента с формальных критериев механического транспортного средства на индивидуально-личностные характеристики субъекта. Представляется целесообразным скорректировать диспозицию статьи 264 УК РФ, расширив её действие на действия лиц, управляющих СИМ и нарушивших установленные федеральными нормативно-правовыми актами и правилами эксплуатации СИМ требования, если такие действия повлекли тяжкий вред здоровью либо смерть потерпевшего. Внесение соответствующих изменений позволит преодолеть существующий пробел в характере уголовно-правовой защиты в сфере микромобильности, а также обеспечит латеральную согласованность с нормами ст. 264 и ст. 268 УК РФ, что отвечает принципу системности и внутренней непротиворечивости уголовного законодательства. Кроме того, предлагается разработанная шкала персонологической (криминологической) опасности пользователей СИМ, базирующуюся на сочетании факторов правонарушающего поведения, степени соблюдения правил дорожного движения и индивидуально-психологических характеристик субъекта.

Ключевые слова:

средства индивидуальной мобильности, персонологический фактор, уголовная ответственность, неосторожное причинение вреда, дорожно-транспортные происшествия, дифференциация наказания, микромобильность, транспортная компетентность, субъект преступления, Личность виновного

Введение

С середины второго десятилетия XXI в. российская дорожно-транспортная реальность претерпевает системные трансформации, детерминированные экспоненциальным ростом численности СИМ, прежде всего электросамокатов, моноколёс и гироскутеров. Перемещение значительного массива транспортной активности из автомобильного сегмента в пешеходно-велосипедную среду породило новую совокупность рисков, для структурирования которых отечественная уголовно-правовая матрица, ориентированная на классическую дилемму «механическое транспортное средство – пешеход», оказалась недостаточно адаптированной. Нормативно-дефиниционный критерий «механического транспортного средства», закреплённый в подп. 42.1 п. 1 ст. 2 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 № 196-ФЗ, не охватывает большинство СИМ ввиду их ограниченной конструктивной скорости и мощности, вследствие чего правоприменение в случаях наступления тяжких последствий дорожного инцидента осуществляется преимущественно по конфигурациям ст. 118, 268, а в ряде случаев ст. 109 УК РФ, лишённым транспортно-специфического содержания, присущего ст. 264 УК РФ. Указанная лакуна объективно смещает акцент с объективных признаков деяния на индивидуально-личностные характеристики субъекта, обусловливая примат персонологического фактора при квалификации и индивидуализации уголовной ответственности.

Большинство погибших и пострадавших в ДТП с электросамокатами и другими средствами индивидуальной мобильности (СИМ) — сами пользователи этого вида транспорта. Статистику раскрыл Научный центр безопасности дорожного движения МВД России. По данным ведомства, в 2024 году в инцидентах с СИМ в России погибло 54 человека (+25,6%) и 4 591 пострадал (+44,5%) [\[19\]](#).

Практика показывает: по делам о ДТП с электросамокатами единообразия в наказании не существует. Два происшествия с одинаковыми последствиями — тяжким вредом здоровью или смертью потерпевшего — могут закончиться совершенно разными приговорами: от штрафа и обязательных работ до реального срока лишения свободы. Такое расхождение объясняется тем, что суды придают решающее значение не только фактам аварии, но и личностным характеристикам виновного: его возрасту, социальному статусу, психологическим особенностям и мотивации. Личность самокатчика из обычного средства индивидуализации наказания фактически превращается в самостоятельный «квалификационный» признак, который подменяет отсутствующий в законе специальный состав преступления. Тем самым возникает риск нарушения принципов законности и равенства граждан перед законом.

В научной литературе субъект преступления рассматривается в двух плоскостях. Первая — формально-юридическая: возраст, вменяемость, специальные признаки (например, статус должностного лица) [\[1, с. 59\]](#). Вторая — фактическая: культурная среда, профессиональный опыт, ценностная и мотивационная установка личности [\[2, с. 72\]](#). У водителей средств индивидуальной мобильности обе составляющие проявляются особенно ярко, что и объясняет столь широкий разброс санкций в судебной практике.

Во-первых, преобладающая часть таких субъектов не обладает устойчивыми навыками прогнозирования дорожной обстановки, поскольку подготовка к управлению СИМ не имеет обязательного институционального оформления.

Во-вторых, эксплуатация электросамокатов в парковых и внутригородских пространствах не сопряжена с процедурами идентификации и страхования, что затрудняет формирование криминологического профиля и мониторинг рецидивных рисков.

В-третьих, возрастная группа пользователей СИМ концентрирована в интервале 16–30 лет, для которой фиксируются повышенная толерантность к риску, ситуативная импульсивность и недооценка тяжести возможных последствий. Сочетание указанных детерминант обуславливает ситуацию нормативно-практической коллизии: реальная общественная опасность действий водителя СИМ сопоставима с деяниями водителя автомобиля, однако формализованные юридические критерии ответственности остаются неопределенными, что дестабилизирует единообразие правоприменения и нивелирует превентивный потенциал уголовно-правового воздействия.

Сложившаяся ситуация актуализирует необходимость выработки унифицированных подходов к учёту персонологических характеристик самокатчиков при квалификации противоправных действий и назначении наказания за причинение тяжкого вреда здоровью или смерть в результате дорожно-транспортного происшествия.

Основная часть

Поведение водителя на дороге формируется под одновременным воздействием трёх факторов.

Во-первых, это чисто физиологические особенности человека: насколько быстро

возбуждается нервная система, как распределяются функции между полушариями мозга, с какой скоростью он реагирует на внешние сигналы [\[3, с. 29\]](#).

Во-вторых, влияет сама дорожная ситуация — погода и освещение, конфигурация трассы, манёвры других участников, состояние покрытия и появление внезапных препятствий [\[4, с. 152\]](#).

И, наконец, решающую роль играет социально-культурный пласт: личные ценности, отношение к риску, устоявшиеся модели поведения и прежний опыт участия в движении. В отечественной криминологической традиции В. Н. Кудрявцев, Н. П. Дубин, И. И. Карпец именно эта социальная подсистема считается главной: именно она «переводит» биологические импульсы в конкретные действия, которые уже оцениваются правом [\[5, с. 88\]](#).

Нарушение правил вождения зависит не только от внешних условий, но и от того, в каком психофизиологическом состоянии находится сам водитель. Эмоциональная нестабильность, стрессовое перевозбуждение, усталость, недосып, скрытые соматические болезни, а также кратковременные провалы внимания, вызванные алкоголем или другими психоактивными веществами, существенно повышают риск ошибочных действий за рулём [\[6, с. 43\]](#). Перечисленные факторы нередко лежат в основе дел, квалифицируемых по статьям 264, 118 и 109 УК РФ как преступления, совершённые вследствие ослабления внимания при управлении транспортным средством.

Операционная матрица актов вождения репрезентируется непрерывным циклом взаимосвязанных функциональных фаз, каждая из которых обладает собственной вероятностью ошибочного сбоя:

- афферентно-сенсорная фильтрация и первичная перцепция дорожных стимулов [\[7, с. 16\]](#);
- аналитико-синтетическая переработка информации с построением когнитивно-прогностической модели развития ситуации и её нормативной верификацией [\[8, с. 57\]](#);
- волевой выбор алгоритма действия, сопрягающий нормативные императивы Правил дорожного движения с оценкой ожидаемых последствий [\[9, с. 16\]](#);
- моторно-кинетическая реализация посредством активации исполнительных органов управления [\[10, с. 25\]](#);
- референтный мониторинг достигнутого эффекта, обеспечивающий возможность оперативной коррекции отклонений [\[11, с. 114\]](#).

Дисфункция любого звена — будь то перцептивная иллюзия, когнитивная ошибочная атрибуция, дефект прогнозирования, задержка волевого импульса либо моторная дискоординация — радикально повышает вероятность аварийно-опасного события, трансформируя субъективную небрежность во вменяемый уголовно-правовой деликт [\[12, с. 32\]](#). Ввиду этого комплексная криминолого-психологическая экспертиза деяний по неосторожности должна интегрировать оценку как объективных ситуационных переменных, так и персонологических характеристик водителя, что позволяет обеспечить научно обоснованную верификацию формы вины и пропорциональное наказание в соответствии с принципами ст. 6 и 60 УК РФ.

Персонологический фактор как детерминанта уголовно-правовой дифференциации ответственности лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности, в частности электросамокатами, приобретает характер системообразующего основания квалификации и назначения наказания при дорожно-транспортных происшествиях, повлекших тяжкий вред здоровью или гибель потерпевшего. Становление феномена «городской микромобильности» обусловило смещение рископорождающей активности из традиционной моторизованной сферы в пешеходно-велосипедную инфраструктурную зону, не охваченную механизмами публичного контроля, характерными для автомобильного транспорта. Административно-правовое регулирование использования СИМ уже сформировано и охватывает практически весь спектр малозначительных правонарушений. Так, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрены:

- ст. 12.29 «Нарушение Правил дорожного движения пешеходом, пассажиром или иным участником движения», применяемая к большинству пользователей СИМ;
- ст. 12.30 «Нарушение Правил дорожного движения лицом, управляющим немеханическим транспортным средством, повлекшее причинение лёгкого или средней тяжести вреда здоровью»;
- ст. 12.6, 12.7 — ответственность за управление транспортным средством без шлема либо без соответствующего удостоверения, если мощностные параметры устройства переводят его в категорию мопеда ($\geq 0,25$ кВт);
- ст. 5.35 — ответственность законных представителей за ненадлежащий контроль за несовершеннолетними, использующими СИМ.

Указанные нормы выступают адекватным регулятором поведения, не порождающего высокой степени общественной опасности.

При назначении наказания по ст. 5.35 КоАП РФ учёт персонологических характеристик правонарушителя предопределён нормами Общей части Кодекса. Пункт 1 ст. 4.1 КоАП РФ обязывает суд либо уполномоченный орган учитывать при индивидуализации административного взыскания личность виновного, его имущественное положение, а также смягчающие и отягчающие обстоятельства, конкретизированные в ст. 4.2 и 4.3 КоАП РФ (повторность проступка, наличие иждивенцев, добровольное устранение последствий, состояние опьянения и др.). Категория «личность виновного» функционально соотносится с криминологическим понятием «персонологический фактор» и тем самым обеспечивает нормативную основу для дифференциации ответственности; при этом глубокий психолого-физиологический анализ, характерный для уголовного судопроизводства, в административной плоскости фактически не проводится ввиду упрощённого порядка рассмотрения дел и меньшей степени общественной опасности соответствующих деяний.

Отсутствие же специального уголовно-правового состава, предназначенного для регулирования поведения водителей средств индивидуальной мобильности, формирует квалификационную лакуну: при причинении тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшего правоприменитель вынужден обращаться к нормам общей неосторожности (ст. 118, 109 УК РФ), а при создании угрозы безопасности движения — к ст. 268 УК РФ. Такая субституция неизбежно повышает значимость персонологических параметров субъекта, поскольку именно они, а не технические признаки транспортного средства, начинают выступать ключевым индикатором общественной опасности совершённого деяния, фактически компенсируя пробел специального уголовно-правового

регулирования.

Российское уголовное законодательство, базирующееся на дихотомической модели «водитель механического транспортного средства – пешеход», на настоящий момент не конструирует специального состава, аналогичного ст. 264 УК РФ, применимого к операторам СИМ, поскольку формальное определение механического транспортного средства (подп. 42.1 п. 1 ст. 2 Федерального закона от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения») исходит из предельных технических параметров, которые большинство устройств микромобильности не достигают. Отсюда вытекает неизбежная квалификационно-правовая субSTITУЦИЯ: правоприменитель обращается к ст. 118, 109, реже 268 УК РФ, что обуславливает актуализацию личностных характеристик виновного как ключевого компенсаторного критерия общественной опасности, заполняющего нормативную лакуну.

Дифференциация уголовной ответственности традиционно реализуется через соотнесение тяжести последствий, формы вины и социальных свойств субъекта (п. 1, 3 ст. 60, п. 3 ст. 6 УК РФ). Однако в дела о ДТП с участием электросамокатов объективные параметры обстановки стандартизированы слабее, чем в классическом автомобильном контексте: отсутствует учёт водительского стажа, страховой истории, данных о техническом состоянии средства передвижения и факте прохождения медицинского освидетельствования [\[20, с. 24\]](#)

Следовательно, акцент перемещается на персонологические индикаторы, которые в совокупности формируют «криминологический профиль самокатчика» и становятся ведущими при определении степени общественной опасности. Эмпирические исследования ГИАЦ МВД РФ фиксируют, что свыше 70 % правонарушителей находятся в возрастной группе до 30 лет [\[13\]](#); одновременно повышенную представленность обнаруживают лица с фрагментарной правовой социализацией, эпизодическим трудовым статусом и выраженными риск-аттитюдами. Выявлена корреляция между отсутствием навыков прогнозирования дорожной обстановки и частотой неосторожных деликтов, квалифицируемых по ст. 118 и 109 УК РФ.

При установлении формы вины личностные особенности самокатчика «проявляются» через его психофизиологию. Легкомыслie обычно обнаруживают у тех, кто плохо фильтрует внешние стимулы, переоценивает свои координационные способности и постоянно стремится ехать максимально быстро. Небрежность, наоборот, чаще встречается при однообразном маршруте: появляется усталость, внимание «проваливается» в смартфон или музыку, и контроль над ситуацией ослабевает. Поскольку для водителей СИМ нет обязательного лицензирования и регулярных медосмотров, когнитивные дефициты, неврологические заболевания или состояния опьянения выявляются лишь постфактум. В результате поведение такого участника движения трудно предсказать, а риск тяжких последствий ДТП значительно повышается.

Пункт 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 21, разъясняющий применение статьи 266 УК РФ, существенно расширяет представление о персонологическом факторе в уголовно-правовой оценке ДТП с участием средств индивидуальной мобильности. В документе указано, что субъектами преступления по этой статье могут быть не только сотрудники автотранспортных предприятий, но и иные лица, на которых нормативно или фактически возложена ответственность за техническое состояние и эксплуатацию транспортных средств: владельцы прокатных сервисов, индивидуальные предприниматели, мастера авторемонтных мастерских, а также любые

работники, чьи должностные инструкции предусматривают обязанности по обслуживанию техники. Такой акцент позволяет рассматривать профессионально-должностные характеристики виновного — уровень квалификации, наличие лицензии, соблюдение технологических регламентов, дисциплинарную репутацию, — как часть персонологического фактора наряду с традиционными характеристиками водителя СИМ (возраст, психофизиологические данные, водительский стаж, соблюдение ПДД). Если недобросовестный ремонт или техническое обслуживание электросамоката приводит к неисправности тормозной системы и, как следствие, к тяжкому ДТП, именно личные профессиональные свойства ремонтника или ответственного за техконтроль становятся определяющими для квалификации по статье 266 УК РФ, тогда как сам водитель в такой ситуации может выступать потерпевшим. Следовательно, полноценный персонологический анализ происшествий с СИМ должен включать две взаимодополняющие плоскости: поведенческий профиль пользователя устройства и профессионально-должностной профиль лица, обеспечивающего его исправное состояние. Судебное расследование обязано устанавливать не только обстоятельства управления самокатом, но и то, кто его обслуживал, какими знаниями и допусками располагал этот специалист, какие инструкции нарушил и был ли ранее замечен в аналогичных проступках. Таким образом, пункт 18 Постановления № 21 выводит персонологический подход за рамки личности водителя, превращая профессиональную небрежность технического работника в самостоятельный криминологически значимый элемент состава дорожного преступления.

Пункт 12 постановления Пленума ВС РФ подчёркивает обязательность лишения права управления транспортными средствами при осуждении по частям 2-6 статьи 264 и по статьям 264.1-264.3 УК РФ, однако подавляющее большинство электросамокатов мощностью до 0,25 кВт формально не требует водительских прав. Суд оказывается перед парадоксом: закон требует применить дополнительное наказание, а объект, которым управлял виновный, в принципе не предполагает наличия прав. Решить этот коллизийный конфликт суд может только через обращение к персональным данным обвиняемого (возраст, опыт участия в движении, предшествующее соблюдение норм), что вновь усиливает роль субъективного начала в квалификации.

Возрастные границы, установленные ПДД, лишь подчёркивают неоднородность пользователей СИМ. Дети до семи лет катаются исключительно в сопровождении взрослых, от семи до четырнадцати — уже самостоятельно, но всё ещё вне проезжей части, а с четырнадцати лет подросток приравнивается к взрослому и допускается даже на обочину или край проезжей части. При скачкообразной смене правового статуса меняется и потенциальная уголовно-правовая ответственность: лицо до шестнадцати лет не подлежит привлечению по статье 264 УК РФ, однако способно причинить тяжкий вред, создавая поле для дел по статьям 118 или 109 УК РФ — вновь с оценкой психофизиологической зрелости, способности осознавать опасность и мотивов конкретного подростка. Стандартизированной процедуры медосмотра, лицензирования и тем более программ обучения для водителей СИМ нет, поэтому суду приходится ретроспективно оценивать психоэмоциональное состояние фигуранта (усталость, недосып, аффективные всплески, употребление ПАВ) и на основании этих индивидуальных особенностей выводить форму неосторожности — лёгкомыслие либо небрежность.

Таким образом, персонологический фактор перестаёт быть лишь средством индивидуализации наказания и фактически превращается в самостоятельный квалификационный критерий. Он заполняет пустоту, образованную отсутствием

специальной нормы в УК РФ

На стадии назначения наказания суд исходит из принципов справедливости и индивидуализации, однако эмпирический анализ более чем 20 приговоров за 2022–2024 гг. обнаруживает значительную санкционную дисперсию [14]: при аналогичных повреждениях потерпевших суды назначают как штраф в размере 200–300 тыс. руб., так и реальное лишение свободы сроком до 3 лет. Определяющими оказываются социально-демографические параметры (уровень образования, наличие детей, стабильность трудовых отношений) и характеристика предшествующей правопослушности. В ряде случаев суды квалифицируют устойчивое игнорирование ПДД как «грубое нарушение правил безопасности» и применяют п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ, усиливая карательный вектор. В отсутствие нормативно закреплённого перечня учтённых личностных критериев возникает риск субъективной селекции и, как следствие, снижения предсказуемости правосудия, что противоречит постулатам юридической безопасности.

Приоритетная научная задача состоит в формализации персонологических признаков, релевантных уголовно-правовой оценке действий водителей СИМ. Методологический базис могут составить: когнитивно-психологическая концепция [15, с. 109]; криминологическая теория интегрального риска [15, с. 31]; доктрина структурного функционализма наказания [17, с. 13]. Закрепление в общей части УК РФ обобщающей категории «транспортная неосторожность» с дифференцированными квалифицирующими признаками (использование средства повышенной опасности, техническое состояние, уровень контроля) позволило бы устраниТЬ казуистическую неопределенность.

Представляется целесообразным скорректировать диспозицию ст. 264 УК РФ, распространив её на лиц, СИМ и нарушивших установленные федеральными нормативно-правовыми актами требования скорости, возраста или режима эксплуатации, если такие действия по неосторожности повлекли тяжкий вред здоровью либо смерть потерпевшего.

Диспозицию целесообразно сопроводить примечанием, вводящим специальный субъект – «лицо, управляющее СИМ, конструктивная скорость которого превышает 25 км/ч», что соответствует зарубежным регулятивным моделям [18, с. 12].

Утверждение о том, что общих составов, предусмотренных ч. 1 ст. 109 и ч. 1 ст. 118 УК РФ, достаточно для регламентации всей совокупности деяний, совершённых по неосторожности, следует признать методологически и нормативно несостоятельным.

Во-первых, принцип юридической определённости, вытекающий из ст. 1 и п. 3 ст. 3 УК РФ, предполагает однозначность квалификации при сходных фактических обстоятельствах. Между тем эмпирический анализ выявил, что электросамокат квалифицируется как «иное механическое транспортное средство». Санкция варьирует от 240 часов обязательных работ до пяти лет лишения свободы без объективно объяснимых критериев перехода от одной статьи к другой. Закрепление специального состава, охватывающего причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти посредством механического СИМ, устраняет указанную диспаритетность и соответствует требованию равенства граждан перед законом.

Во-вторых, общие составы неосторожного причинения вреда реагируют исключительно на уже наступившие последствия, тогда как отрасль безопасности дорожного движения традиционно выстроена по превентивной модели: сам факт управления источником повышенной опасности в состоянии опьянения образует оконченный состав безотносительно к причинённому вреду (ст. 264 УК РФ). СИМ, сопоставимые по

кинетической энергии и динамическим характеристикам с мопедами (масса до 25 кг, скорость до 45 км/ч, расчётная энергия удара свыше 750 Дж), объективно генерируют повышенный риск и, следовательно, подлежат аналогичному предотвращающему регулированию. Игнорирование этого фактора не позволяет пресечь общественно опасное поведение на ранней стадии (например, отстранить нетрезвого водителя СИМ в пешеходном потоке), что противоречит целям предупреждения преступлений, сформулированным в ст. 2 УК РФ.

Рассмотрим два кейса.

Кейс 1. Импульсивное поведение несовершеннолетнего арендатора электросамоката

События разворачивались в историческом центре Казани, где семнадцатилетний гражданин А., управляя прокатным электросамокатом Ninebot Max (номинальная мощность — 350 Вт, конструкционная скорость — 25 км/ч), нарушил требования пункта 9.10 Правил дорожного движения, двигаясь по пешеходной зоне и предпринимая манёвр обгона группы туристов. В результате утраты устойчивости он совершил наезд на шестьдесят пятилетнюю гражданку Б., причинив ей закрытый перелом бедренной кости со смещением и субдуральную гематому; судебно-медицинская экспертиза квалифицировала вред как тяжкий по пункту 6 части 1 Постановления Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522. Отсутствие прямого упоминания электросамоката в статье 264 УК РФ обусловило возбуждение уголовного дела по части 1 статьи 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности). Сторона защиты настаивала на применении части 2 статьи 12.29 КоАП РФ, апеллируя к малозначительности деяния и пребельному характеру правового регулирования СИМ в уголовном законодательстве. Районный суд, ссылаясь на пункт 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2016 г. № 41, пришёл к выводу, что тяжесть последствий выводит деяние за пределы административной юрисдикции, и признал А. виновным по инкриминированной статье, назначив 180 часов обязательных работ с применением статьи 64 УК РФ. Персонологические характеристики (несовершеннолетний возраст, отсутствие судимостей и административных взысканий, положительные характеристики образовательной организации, добровольное возмещение имущественного и морального вреда в размере 350 000 рублей) суд квалифицировал как системный смягчающий фактор, позволивший минимизировать репрессивное воздействие при наличии нормативного пробела. Ситуация демонстрирует диспропорцию между потенциальной общественной опасностью деяния, сопоставимой с риском, создаваемым полноценным транспортным средством, и максимальной санкцией части 1 статьи 118 УК РФ (до двух лет ограничения свободы), что объективно стимулирует расширенный учёт личностных особенностей субъекта для поддержания принципа справедливости (статья 6 УК РФ).

Кейс 2. Алкогольное опьянение и техническая модификация электросамоката курьером-профессионалом

Тридцатичетырёхлетний гражданин П., осуществлявший трудовую деятельность курьером в службе экспресс-доставки, самостоятельно увеличил мощность электросамоката Kugoo M4 до 800 Вт, чем обеспечил фактическую скорость порядка 45 км/ч, что выходит за пределы, допускающие его классификацию как СИМ. Находясь в состоянии алкогольного опьянения (0,46 мг/л этанола в выдыхаемом воздухе), П. двигался по велополосе улицы Краснопресненской в Москве, после чего, нарушив требования пункта 9.1 ПДД, выехал на проезжую часть, где совершил столкновение с велосипедистом Г.; последний скончался от полученных травм на месте происшествия. Защита утверждала, что устройство не является «транспортным средством», применимым для квалификации по

статье 264 УК РФ, и просила переквалифицировать деяние на часть 1 статьи 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). Следствие представило заключение Центра судебных экспертиз МВД России о том, что в силу технических характеристик после тюнинга аппарат отвечает признакам мопеда (максимальная скорость более 25 км/ч, мощность двигателя более 250 Вт), а потому подпадает под действие части 4 статьи 264 УК РФ (нарушение правил дорожного движения лицом, управляющим транспортным средством, в состоянии опьянения, повлекшее смерть человека по неосторожности). Замоскворецкий районный суд г. Москвы согласился с указанной квалификацией, указав в приговоре, что модифицированное устройство объективно приобрело свойства механического транспортного средства, в связи с чем обвиняемому в полной мере вменяются обязанности водителя, предусмотренные ПДД. С учётом повышенной общественной опасности личности (шесть административных взысканий по статьям 12.9 и 12.29 КоАП РФ, устойчивое игнорирование нормативных требований, состояние алкогольного опьянения и отрицательная характеристика работодателя) суд назначил четыре года шесть месяцев лишения свободы в колонии-поселении, а также дополнительное наказание в виде трёхлетнего запрета на управление транспортными средствами. Персонологические особенности, свидетельствующие о сформировавшейся антиправовой ориентации и высоком уровне толерантности к риску, стали отягчающим обстоятельством, усилившим репрессивный вектор судебного решения. Рассматриваемый пример иллюстрирует, что в условиях законодательной неопределенности суды вынуждены прибегать к «технической переквалификации» устройства и активно интегрировать личностные характеристики субъекта для достижения баланса между целями уголовного наказания (статья 43 УК РФ) и принципом справедливости, что в очередной раз подчёркивает необходимость законодательного закрепления специального состава, учитывающего специфику эксплуатации средств микромобильности.

Назревшие изменения апеллируют к необходимости институционального контроля: обязательная идентификация и страхование гражданской ответственности операторов СИМ, создание реестра на базе межведомственного информационного ресурса, регламентация возраста допуска к управлению (не ниже 16 лет) и предельной скорости движения в пешеходной зоне (не выше 15 км/ч). Вместе с тем криминологическая профилактика должна опираться на образовательные технологии: внедрение элективных модулей в школьную программу, ориентированных на развитие компетенций безопасного вождения СИМ, а также массовых онлайн-курсов с акцентом на правовые и технические аспекты эксплуатации.

Фундаментальную значимость для криминологической представляет разработка шкалы персонологической опасности водителей средств микромобильности (далее — ШПО-СИМ), призванной количественно оценивать вероятность причинения тяжких последствий при нарушении ПДД. На методологическом уровне ШПО-СИМ базируется на положениях п. 1 ст. 4.1 КоАП РФ и ст. 60 УК РФ, требующих учитывать «личность виновного» при индивидуализации наказания. Концептуальная модель объединяет два кластера валидизированных предикторов: психологический (импульсивность — BIS-11; склонность к риску — SSS-V; ситуативный самоконтроль — BSCS; показатели исполнительных функций — Stroop, Go/No-Go) и социальный (стабильность трудовой биографии, индекс коммуникативной включённости). Каждый индикатор проходит z-нормирование на репрезентативной выборке не менее 3000 респондентов; удельный вес предиктора определяется множественной регрессией, что обеспечивает дискриминантную способность шкалы ($AUC \geq 0,80$). Интегральный коэффициент (0–100 баллов) интерпретируется по четырёхуровневой градации риска: низкий (0–30), умеренный (31–

60), высокий (61–80) и критический (81–100).

Процессуальное использование ШПО-СИМ предполагает её включение в арсенал судебно-психологической экспертизы в соответствии со ст. 195–207 УПК РФ, ст. 25.9, 26.4 КоАП РФ и Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности». По постановлению дознавателя, следователя или суда аккредитованный эксперт производит тестирование, рассчитывает интегральный балл и формирует выводы о:

- 1) способности субъекта предвидеть общественно опасные последствия (граница между легкомыслием и небрежностью);
- 2) степени индивидуальной предрасположенности к повторному нарушению ПДД.

Заключение эксперта приобщается к материалам дела и учитывается судом при решении вопросов о виде и размере наказания (ст. 307 УПК РФ; п. 13 Постановления Пленума ВС РФ от 22.12.2015 № 58) либо административного взыскания (ст. 29.10 КоАП РФ), тем самым обеспечивая научно обоснованную, формализованную дифференциацию ответственности в сфере микромобильности.

Реализация криминологической гео-информационной карты «горячих точек» ДТП с участием СИМ предполагает поэтапное формирование единой информационно-аналитической системы на основании ст. 23 Федерального закона от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», ст. 5, 6 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ст. 6, 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». На первом этапе ГИБДД) медицинские организации и муниципальные службы скорой помощи автоматически передают в защищённый сегмент ГИС сведения о ДТП (координаты, время, тяжесть последствий, категория участника). Параллельно операторы прокатных сервисов, действующие на основании заключённых с муниципалитетом концессионных соглашений, предоставляют агрегированные обезличенные телеметрические данные (маршруты, скорость, время использования, возрастная группа пользователя, подтверждаемая при регистрации). Сведение разнородных массивов осуществляется через модуль ETL-процедур с последующей геокодировкой и деперсонализацией; нормативный режим обработки данных фиксируется в положении о региональной информационной системе, утверждаемом органом исполнительной власти субъекта РФ по согласованию с Роскомнадзором.

На втором этапе применяется пространственно-статистический анализ: ядерная оценка плотности и индекс пространственной автокорреляции Морэна определяют локусы концентрации происшествий, а критерий Getis-Ord Gi ранжирует их по степени статистической значимости. К каждой координатной ячейке подтягиваются слои демографической и социальной информации (данные Росстата о половозрастной структуре микрорайона, реестр объектов притяжения молодёжной аудитории, уровень транспортной насыщенности) и вычисляется комплексный индекс риска (I_{risk}) по формуле: $I_{risk} = \sum (w_i \times p_i)$, где w_i – весовой коэффициент фактора, p_i – нормированное значение показателя. Карта визуализируется в интерактивной панели для органов прокуратуры, ГИБДД и муниципалитетов; при достижении порогового значения $I_{risk} \geq 0,75$ система автоматически формирует управленческое предписание: введение геозон с пониженным скоростным лимитом, установка дополнительных дорожных знаков 5.24.1 «Велопешеходная дорожка», коррекция маршрутов патрулирования ДПС, адресные профилактические лекции в образовательных

учреждениях, расположенных в радиусе 500 м. Эффективность превентивных мер оценивается квартально методом прерывистых временных рядов: коэффициент тяжести происшествий ($K_{тяж} = \text{число погибших и тяжело раненых}/100 \text{ ДТП}$) сопоставляется до и после вмешательства; снижение показателя на $\geq 15\%$ признаётся достаточным основанием для пролонгации либо пересмотра режима ограничений. Таким образом, карта «горячих точек» трансформируется из дескриптивного инструмента в нормативно закреплённый механизм управленческого реагирования, обеспечивающий адресную и правомерную профилактику ДТП с участием СИМ.

Заключение

Проведенный анализ детерминационного воздействия персонологического фактора при квалификации противоправных деяний лиц, осуществляющих эксплуатацию средств индивидуальной мобильности, убедительно свидетельствует о трансформации нормативно-правовой парадигмы в сфере уголовно-правовой оценки дорожно-транспортных инцидентов. Выявленная дифференциация санкционной реакции правоприменителя в условиях отсутствия специализированного состава преступления демонстрирует смещение акцента с формализованных критериев механического транспортного средства на совокупность индивидуально-личностных характеристик субъекта, включающих социально-демографические параметры, когнитивно-поведенческие установки и степень правовой социализации. Доктринальный вакуум, возникший на стыке транспортно-правовой и личностной детерминации неосторожных деликтов, требует комплексной нормативной корректировки, предполагающей введение в уголовно-правовой конструкт специального субъекта – водителя средства индивидуальной мобильности.

Легитимное закрепление дифференцированной модели уголовной ответственности операторов СИМ посредством дополнения гл. 27 УК РФ специализированным составом представляется научно обоснованным и криминологически целесообразным шагом, компенсирующим существующий дисбаланс между объективной общественной опасностью деяния и его нормативной оценкой. Имплементация систематизированных персонологических критериев в квалификационную матрицу позволит обеспечить унификацию правоприменительной практики и повысит превентивный потенциал уголовно-правового воздействия. Интеграция психофизиологических, поведенческих и социологических индикаторов в формализованную шкалу персонологической опасности создаст методологический базис для экспертной верификации формы вины и обеспечит соблюдение принципа индивидуализации наказания.

Институционализация предложенных нормативно-правовых новелл должна сопровождаться комплексом организационно-профилактических мер, включающих обязательную идентификацию и страхование гражданской ответственности водителей СИМ, создание единого информационного реестра и внедрение образовательных программ, направленных на формирование компетенций безопасного вождения. Только системный подход, сочетающий уголовно-правовую модернизацию с социальной профилактикой и институциональным контролем, позволит эффективно нивелировать риски, порождаемые экспоненциальным ростом микромобильности в городской среде, и обеспечить баланс между принципами законности, справедливости и равенства граждан перед законом в механизме уголовно-правового регулирования.

Библиография

1. Ефимова, Е. О. Личность водителя и ситуация в механизме совершения дорожно-транспортных преступлений : специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология";

- уголовно-исполнительное право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ефимова Елена Олеговна. – 2014. – 205 с. EDN: MIQYLU.
2. Фортова, Л. К. Правовое поведение несовершеннолетних и его детерминация : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Фортова Любовь Константиновна. – Владимир, 2007. – 154 с. EDN: NOVEGV.
3. Психологические особенности человека при управлении автомобильным транспортом: учебное пособие / В. Я. Буйленко, С. В. Жанказиев, В. В. Дементиенко, Ю. А. Короткова, М. В. Гаврилюк. – М.: МАДИ, 2017. – 172 с. EDN: ZRGGPZ.
4. Родионов, Ю. В. Методики экспертного исследования столкновений транспортных средств: монография / Ю. В. Родионов, Е. А. Новописный. – Пенза: ПГУАС, 2015. – 188 с. EDN: UYZSGR.
5. Дубинин, Н. П. Генетика, поведение, ответственность : о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения / Н. П. Дубинин, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Политиздат, 1989. – 351 с. EDN: ZGWSZD.
6. Потапенко, О. А. Психофизиологические и психологические особенности несовершеннолетних преступников с разным типом агрессивного поведения : диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.02. – Ростов-на-Дону, 2002. – 158 с. EDN: NMCAPR.
7. Домке, Э. Р. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий: учебное пособие по направлению подготовки 23.03.01 "Технология транспортных процессов". – Пенза: ПГУАС, 2016. – 240 с. EDN: ZEBWPR.
8. Емельянова, Л. А. Психология девиантного поведения : учебно-методическое пособие / Л. А. Емельянова, А. Ю. Швацкий. – 2-е изд., стер. – Москва : Флинта, 2022. – 112 с.
9. Змановская, Е. В. Психология девиантного поведения : структурно-динамический подход : автореферат дис. ... доктора психологических наук : 19.00.06 / С.-Петербург. ун-т МВД РФ. – Санкт-Петербург, 2006. – 49 с. EDN: ZNRNQF.
10. Держанский, В. Б., Тараторкин, И. А. Алгоритмы управления движением транспортной машины: монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. – 142 с. EDN: QNWPIZ.
11. Корнилова, Т. В. Экспериментальная психология: теория и методы. – М.: "Аспект Пресс", 2002. – 381 с. EDN: YGEEOC.
12. Кора, Н. А. Психология экстремальных и критических ситуаций: учебное пособие. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. – 145 с.
13. ГИАЦ МВД РФ. URL: https://mvd.rph/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen/Publikacii_i_vistuplenija/1/ (дата обращения: 16.05.2025).
14. Обзоры судебной статистики. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/statistics/32699/> (дата обращения: 16.05.2025).
15. Карицкий, И. Н. Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. – М.: МАПН; Челябинск: Социум, 2002. – 258 с.
16. Шевелева, С. В. Криминология: учебное пособие / С. В. Шевелева, А. А. Гребеньков; В. Е. Новичков; Отв. ред. А. А. Гребеньков; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2011. – 298 с. EDN: QSACWL.
17. Маркунцов, С. А., Полубинская, С. В. Научные взгляды В. Н. Кудрявцева: вчера, сегодня и завтра // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 16. – № 3. – С. 4-33. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.3.4.33 EDN: TCAARA.
18. Мачульская, И. Г. Правовое регулирование и организация дорожного движения: зарубежный опыт / И. Г. Мачульская // Аналитический вестник Совета Федерации РФ. – 2006. – № 15. – С. 10-13.

19. В МВД рассказали, кто чаще всего гибнет в ДТП с электросамокатами [Электронный ресурс] // Фонтанка.ру. – 18.04.2025. – URL: <https://www.fontanka.ru/2021/07/15/70027265> (дата обращения: 24.05.2025).
20. Петров, С. А. Проблемы уголовно-правового регулирования средств индивидуальной мобильности как источника повышенной опасности // Современная наука. – 2023. – № 2. – С. 23-26. EDN: GLKVNР.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Англоязычные метаданные

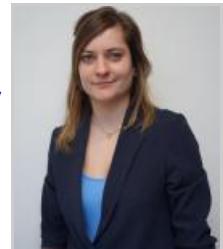
Prevention Violations of Mandatory Requirements: Administrative-Legal Substance and Development Prospects in the State Control (Supervision) System in Higher Education

Kotsyurko Elena Petrovna

Associate Professor of the Center for Educational Engineering, Yugra State University

628012, Russia, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Khanty-Mansiysk, Chekhov str., 16

✉ Kotsyurkoe@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the institution of preventing violations of mandatory requirements in the field of higher education, examined through the prism of theoretical issues concerning its administrative-legal nature and practical aspects of implementation in the exercise of state control (supervision). The paper analyzes the theoretical and legal foundations of this institution, including its place within the system of state control (supervision) and its relationship with the concepts of "prevention" and "preemption". Current problems in the enforcement of preventive measures in higher education are identified, and measures to improve its regulatory framework and organizational-legal forms of practical implementation are proposed. Special attention is given to substantiating the key role of prevention in the system of state control (supervision) in higher education, with an emphasis on the need to develop tools aimed not only at preventing potential violations of mandatory requirements and minimizing the risks of adverse consequences but also at supporting and encouraging conscientious compliance with mandatory requirements by regulated entities.

The methodological basis of the research consisted of general theoretical (analysis, synthesis, deduction, system-structural method) and specific scientific (statistical) methods. Within the framework of special scientific methodology, the formal-legal method was used, which ensured systematic analysis and interpretation of current legislation.

The results of the study showed that the insufficiency of tools to support and encourage conscientious compliance with mandatory requirements determines the forced orientation of the Federal Service for Supervision in Education and Science (hereinafter - Rosobrnadzor) towards a preemptive-punitive approach in carrying out preventive measures. Overcoming this problem seems possible through the development of independent and self-assessment by controlled entities of the level of compliance with mandatory requirements. The novelty of the research lies in identifying and substantiating the potential of administrative-legal regulation mechanisms in higher education to expand the toolkit for ensuring good-faith compliance with mandatory requirements. The integration options proposed in this study for incorporating the results of procedures such as independent quality assessment of education, ranking, and self-evaluation into this toolkit—in systemic connection with the practical implementation of a risk-based approach—contribute to achieving a balance in the interaction between the state, society, and educational institutions as one of the benchmarks for improving control (supervisory) activities.

Keywords: self-assessment, measures to encourage good faith, preventive visit, warning, preventin, higher education, monitoring, violation of mandatory requirements, prevention, risk-oriented approach

References (transliterated)

1. Alekseenko S. N., Drobot E. V. Profilaktika zabolеваний: учебное пособие. M.: Akademiya estestvoznanija, 2015. 146 s.
2. Avanesov G. A. Kriminologiya i sotsial'naya profilaktika: [Uchebnik dlya Akad. MVD SSSR]. Moskva: B. i., 1980. 526 s.
3. Rep'ev A. G., Vasil'kov K. A. "Preventsija" kak pravovaya kategorija: v poryadke nauchnoi diskussii // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. 2020. № 2 (133). S. 35-42.
4. Deryuga A. N. Profilaktika i preduprezhdenie administrativnykh i inykh pravonarushenii: teoretiko-prikladnye skhodstva i otlichiya // Administrativnoe pravo i protsess. 2016. № 10. S. 44-49.
5. Smirnov D. A., Sokolov A. Yu. K voprosu ob administrativno-predupreditel'nykh merakh // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. 2012. № 3 (86). S. 103-108.
6. Zubarev S. M. Sistema kontrolya v sfere gosudarstvennogo upravleniya: monografiya. M.: Norma: Infra-M, 2023. 152 s.
7. Agamagomedova S. A. Gosudarstvennyi kontrol' i nadzor v sisteme mer administrativnogo prinuzhdeniya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2021. № 4. S. 98-103.
8. Agamagomedova S. A. Profilaktika narushenii obyazatel'nykh trebovaniy pri provedenii tamozhennogo kontrolya i nadzora: teoretiko-pravovye aspekty // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2024. T. 8, № 2(30). S. 155-165.
9. Regulyatornaya politika Rossiiskoi Federatsii: pravovye problemy formirovaniya i realizatsii: monografiya / red.: A. F. Nozdrachev [i dr.]. M.: Infotropik Media, 2022. 288 s.
10. Zyryanov S. M. Sovremennoe predstavlenie o meste gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v mekhanizme pravovogo regulirovaniya v spektre formirovaniya regulyatornoi politiki // Publichnoe pravo segodnya. 2023. № 2(16). S. 55-67.
11. Peresedov A. M. Institut preventsii v zakonodatel'stve o kontrole (nadzore) // Administrativnoe pravo i protsess. 2021. № 11. S. 51-54.
12. Peresedov A. M., Cherkasov K. V., Domrachev D. G. Administrativnaya preventsiya v usloviyakh moratoriya na kontrol'nye (nadzornye) meropriyatiya: sostoyanie i perspektivy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 505. S. 254-261.
13. Zyryanov S. M. Gosudarstvennyi kontrol' (nadzor): monografiya. M.: Yuridicheskaya firma Kontrakt, 2023. 231 s.
14. Dmitrikova E. A. Razvitie instrumentov profilaktiki narushenii obyazatel'nykh trebovaniy: novye kachestva profilakticheskogo vizita // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2024. T. 15, № 3. S. 604-616.
15. Kotsyurko E. P. Monitoring kak spetsial'nyi rezhim gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) v sfere vysshego obrazovaniya // Administrativno-pravovye rezhimy v deyatel'nosti publichnoi administratsii: Materialy III Mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati D. N. Bakhrakha, Ekaterinburg, 15 noyabrya 2023 goda. Ekaterinburg, 2024. S. 59-69.
16. Gosudarstvennaya reglamentatsiya obrazovatel'noi deyatel'nosti: monografiya / A. G. Chernyavskii, D. A. Pashentsev, N. M. Ladnushkina, S. I. Feklin. M.: Infra-M, 2020. 200

s.

17. Kirillovykh A. A. Risk-orientirovannyi podkhod pri osushchestvlenii gosudarstvennogo nadzora v sfere vysshego obrazovaniya // Ezhegodnik rossiiskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva. 2022. T. 17, № 22. S. 140-160.
18. Evdokimov A. S., Sergun P. P. Sistema profilakticheskikh meropriyati, primenyaemykh pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora): otsenka reguliruyushchego vozdeistviya // Administrativnoe pravo i protsess. 2023. № 7. S. 53-59.
19. Kropachev N. M., Dmitrikova E. A., Lavrikova M. Yu., Solov'ev A. A. Risk-orientirovannyi podkhod pri organizatsii kontrolya (nadzora) v obrazovanii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2023. T. 14, № 2. S. 307-317.

Pre-check analysis of taxpayer activities: problems of legal regulation

Andrianova Natalia Gennadievna

PhD in Law

Researcher at the Department of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

119019, Russia, Moscow, Znamenka str., 10

✉ natalia.g.andrianova@gmail.com

Abstract. The article explores the pre-check analysis of taxpayers' activities as a new form of tax control. It has been found that recently, the nature of the implementation of activities within the framework of pre-check analysis by tax authorities has changed significantly, transforming this activity from purely analytical to a control function. The author analyzes the main principles and procedures for conducting pre-check analysis of taxpayers' activities, identifies issues of legal regulation and the procedure for conducting pre-check analysis of taxpayers' activities. It is noted that currently, the procedure and principles for conducting pre-check analysis are regulated by internal documents of the Federal Tax Service of Russia, which are classified as "for official use only," excluding the possibility for taxpayers to become acquainted with these internal documents. At the same time, such a regulatory approach to this form of tax control carries risks of violating the rights and legitimate interests of taxpayers. This research employed general scientific methods (dialectical method of scientific cognition, systemic method, methods of analysis, synthesis, generalization, induction, deduction, observation, explanation, interpretation, and classification, description of concepts and terms) as well as specific legal methods (particularly, the formal-legal method). Based on the conducted analysis of theoretical approaches, positions of scholars and practicing specialists regarding the legal nature of pre-check analysis and the procedure for conducting pre-check analysis of taxpayers' activities, the author concludes that pre-check analysis of taxpayers' activities is a new form of tax control, as it represents a set of measures carried out by tax authorities within the framework of tax control and has legal consequences for the taxpayer. In this regard, it is proposed to include a number of articles in Chapter 14 "Tax Control" of the Tax Code of the Russian Federation that would regulate the procedure for conducting pre-check analysis of taxpayers' activities. To protect the rights and legitimate interests of taxpayers, it is suggested to specify the rights and obligations of tax authorities and taxpayers within the framework of this form of tax control.

Keywords: private interest, balance of interests, public interest, tax underpayments, taxpayer, tax authority, pre-inspection analysis, control measures, forms of control, tax control

References (transliterated)

1. Krasnitskii V.A. Nalogovyи kontrol' v sisteme nalogovogo administrirovaniya. M.: Finansy i statistika, 2008. EDN: SUQTKL.
2. Shumyatskii R.I. Organizatsiya i metodika nalogovogo kontrolya: ucheb. posobie. Novosibirsk: Izd-vo SibAGS, 2008. EDN: QTДYON.
3. Indikatory deyatelnosti FNS Rossii. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru> (data obrashcheniya: 04.06.2025).
4. Staroverova O.V. Mezhdunarodnyi opyt tsifrovizatsii nalogovogo administrirovaniya // Vestnik ekonomiceskoi bezopasnosti. 2023. № 3. S. 216-220. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-3-216-220. EDN: ZHMQNK.
5. Otchet o rezul'tatakh ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya "Analiz organizatsii i osushchestvleniya vyezdnykh nalogovykh proverok, vzyskaniya donachislenykh summ v 2019-2021 godakh i istekshem periode 2022 goda". URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/002/fw72p873qb0b0nhuywr4g0s9g0eqzhh6.pdf> (data obrashcheniya: 04.06.2025).
6. Tsifrovye tekhnologii finansov i audita: uchebnik / E.G. Knyazeva, L.I. Yuzvovich, A.E. Zaborovskaya [i dr.]; pod red. prof. E.G. Knyazevoi, prof. L.I. Yuzvovich. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2024. EDN: WOAWQN.
7. Mustafaev S.M. ogly. O nekotorykh voprosakh pravovogo regulirovaniya meropriyatiy nalogovogo kontrolya pri provedenii predproverochnogo analiza nalogoplateл'shchika // Finansovoe pravo. 2023. № 8. S. 25-28. DOI: 10.18572/1813-1220-2023-8-25-28. EDN: DUANVC.
8. Nogina O.A. Predproverochnyi analiz deyatelnosti nalogoplateл'shchikov kak samostoyatel'naya forma nalogovogo kontrolya // Zakon. 2022. № 11. S. 64-72. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-11-64-72. EDN: QWTKXD.
9. Krasyukov A.V. Predproverochnyi analiz kak novyi vid nalogovoi proverki // Finansovoe pravo. 2018. № 1. S. 44-46. EDN: YODQKG.
10. Orlova M.E., Galimardanova Yu.M., Khairullova A.I. Predproverochnyi analiz deyatelnosti nalogoplateл'shchikov kak skrytaya forma nalogovoi proverki // Finansovyи biznes. 2024. № 11(257). S. 150-156. EDN: PERDSJ.
11. Gin A. Predproverochnyi analiz. Chto eto takoe i kogda on ispol'zuetsya? // Prakticheskaya bukhgalteriya. 2024. № 11. S. 67-70.
12. Suleimanov R.M. ogly. Vneproverochnye meropriyatiya nalogovogo kontrolya: problemy i praktika pravoprimeneniya // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2025. № 3. S. 87-94. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.087-094. EDN: IHOSYP.
13. Krokhina Yu.A. Nalogovoe pravo: uchebnik dlya vuzov. M.: Izdatel'stvo Yurait, 2025.
14. Nogina O.A. Nalogovyи kontrol': voprosy teorii. SPb.: Piter, 2002.
15. Sadovskaya T.D. Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya nalogovogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh administrativnoi reformy: monografiya. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. EDN: QLNJZZ.

On the issue of the legal concept and criteria of nature-like technologies

PhD in Law

Senior Scientific Associate; Department of Environmental, Land and Agrarian Law; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

119019, Russia, Moscow, Znamenka str., 10

✉ trednikova@gmail.com

Abstract. In the modern world, ensuring the technological sovereignty of the state becomes the goal, without which the very possibility of its existence can be questioned. One of the main strategic priorities of the state, which form the basis of its national security, is the acceleration of scientific and technological development in all directions. The priorities and prospects of this area of development of our country, which should be implemented in the next decade, include the transition to the development of nature-like technologies. The subject of this article is nature-like technologies from the point of view of considering the content of this concept currently used in the Russian Federation in various branches of science and economic activity, as well as possible criteria for classifying technology as nature-like. When writing the article, general scientific methods of analysis, synthesis, and abstraction were used, which made it possible to identify the essential characteristics of nature-like technologies that should be used in formulating the legal definition of this concept. Using methods of comparison and interpretation, concepts with similar meanings, as well as various criteria for classifying technology as nature-like, have been identified.

The study concluded that leadership in the implementation of cutting-edge technologies, including nature-like technologies, is the cornerstone of ensuring the national security of the state. The possibility of effective implementation of the goals of the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation in terms of the development of nature-like technologies is inextricably linked with the improvement of legislation in order to ensure their development at a faster pace and effectively prevent possible risks of their use. At the same time, when developing regulatory legal acts in this area, an interdisciplinary approach should be ensured with various branches of science, as well as between different branches of law – civil, administrative, information, environmental, energy and others. When forming the legal concept of nature-like technologies, it seems necessary to include their most general essential characteristics in it. At the same time, the criterion of the need to include technologies and objects created on their basis in the natural resource turnover should be applied to all innovative technologies, regardless of whether they are nature-like or not, which should become an independent goal of scientific and technological development of mankind.

Keywords: criteria, resource turnover, natural processes, nature, scientific and technological development, legal definition, nature-like technologies, legal regulation, environmental protection, evolution

References (transliterated)

1. Koval'chuk M.V., Naraikin O.S., Yatsishina E.B. Prirodopodobnye tekhnologii: novye vozmozhnosti i novye vyzovy // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2019. T. 89. № 5. S. 455-465. DOI: 10.31857/S0869-5873895455-465 EDN: FRDGCY.
2. Savenkov A.N. Natsional'noe politiko-pravovoe razvitiye i osnovnye idei filosofii prava v Rossii (chast' I) // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2024. № 4. S. 17-43. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-4-17-43 EDN: QMXTIM.
3. Agafonov V.B. Ekologo-pravovoe obespechenie regulirovaniya ispol'zovaniya prirodopodobnykh tekhnologii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA).

2025. № 1. S. 22-30. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.125.1.021-030 EDN: PTPQMZ.
4. Khalturina O.A., Tereshkina N.E. Razvitie prirodopodobnykh tekhnologii v Rossii // Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava. 2024. № 5-1. S. 142-146. DOI: 10.17513/vaael.3425 EDN: EXXCGQ.
 5. Tereshkina N.E., Khalturina O.A. Razvitie prirodopodobnykh tekhnologii v mire // Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava. 2024. № 4-3. S. 504-508. DOI: 10.17513/vaael.3454 EDN: EFNNBX.
 6. Koval'chuk M.V., Naraikin O.S. Prirodopodobnye tekhnologii-novye vozmozhnosti i novye ugrozy // Indeks bezopasnosti. 2016. T. 22. № 3-4 (118-119). S. 103-108. EDN: YRNQYF.
 7. Rednikova T.V. Zelenoe sel'skoe khozyaistvo kak otrasm' zelenoi ekonomiki: problemy otsenki kompleksnogo vozdeistviya na okruzhayushchuyu sredu // Sel'skoe khozyaistvo. 2022. № 4. S. 37-45. DOI: 10.7256/2453-8809.2022.4.39530 EDN: UWNIKC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39530
 8. Voronina N.P. Grinvoshing: pravovoi mekhanizm protivodeistviya // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2023. № 3 (103). S. 28-36. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.103.3.028-036 EDN: UGBVIW.
 9. Dubovik O.L., Ivanova A.L., Kalinichenko V.T., Rednikova T.V., Rerikht A.A. Ekologicheskaya politika Evropeiskogo Soyuza v sfere pravovogo regulirovaniya oborota produktov i produktsii // Ekologicheskoe pravo. 2008. № 2. S. 33-37. EDN: JSDBEJ.
 10. Savenkov A.N. Tsennosti Konstitutsii RF v izmenyayushchemsya mire // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 3. S. 5-16. DOI: 10.31857/S013207690004422-6 EDN: VXBVSE.
 11. Brinchuk M.M. Ekologicheskoe pravo v svete obshchei teorii prava // Gosudarstvo i pravo. 2025. № 2. S. 68-81. DOI: 10.31857/S1026945225020076 EDN: EQOTAA.
 12. Katiyar et al. Nature-inspired materials: Emerging trends and prospects // NPG Asia Materials. 2021. T. 13. S. 56.
 13. Idouanaou A., Mustapha Malha M., Bah A., Kardellass S. The potential of green roof strategies for reducing CO₂ emissions and energy use in Moroccan office buildings // Green Technologies and Sustainability. 2025. T. 3. S. 100177. DOI: 10.1016/j.grets.2025.100177 EDN: EBCSFJ.
 14. Baksanskii O.E. Ot tekhnogennogo obshchestva k istokam prirodopodobnykh tekhnologii // Kollektiya gumanitarnykh issledovanii. 2017. № 3 (6). S. 6-14. EDN: ZBBSOF.

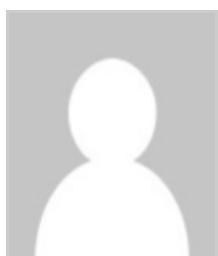
"Public call" and "propaganda": the criminal law content of the terms

Krasnov Konstantin Vladimirovich

Postgraduate student; Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University

149 Stavropol street, Krasnodar, 350040

✉ konstantinvladimiro.krasnov@yandex.ru

Abstract. The work discusses certain features of the criminal law content of the terms "public call" and "propaganda." The author notes that the current situation demonstrates the need to prevent various forms of destructive influence on all members of society. Increased attention to these categories of criminal law is linked, among other things, to the rise of informational

threats in the digital space; the need to maintain a balance between permissible and criminal behavior; the complexity of the theoretical and practical significance, and so on. Within the framework of the work, the author attempts to define the concepts of "public call" and "propaganda" using three approaches: analyzing the concept with deductive tools; appealing to scholarly opinions; considering legal approaches to the interpretation of the terms of interest. The research employs a range of general scientific and specific scientific methods that allow for a comprehensive examination of the criminal law content of the terms "public call" and "propaganda." The foundation of the research is the universal dialectical method of cognition, which enables the study of the objectively existing patterns, essence, and content of these terms. As a result of the conducted research, a number of conclusions are drawn. In particular, it is established that there are legal definitions of the terms "public call for terrorist activity," "public calls for extremist activity," and "propaganda of terrorism." However, it should be noted that criminal legislation does not limit the mention of public calls and propaganda only within the framework of these criminal acts. The work offers the author's vision of the terms "public call" and "propaganda" in the context of criminal law. Additionally, it is established that the studied terms are similar but differ from one another. In this regard, criteria for their differentiation based on content and intended significance are proposed. In particular, in terms of content, a call implies a direct incitement to a specific action, while propaganda involves the systematic dissemination of ideas to shape a worldview. In terms of intended significance, a call aims to stimulate immediate action, whereas propaganda seeks to achieve long-term changes in beliefs or values.

Keywords: criminal law, socially phenomenon, negative phenomenon, behavior, deviant behavior, propaganda, appeal, public, public appeal, law

References (transliterated)

1. Amirov R.Z. K voprosu ob ideologicheskikh aspektakh pravovoi propagandy // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2 (33). S. 7-9.
2. Borisov S.V. Prestupleniya ekstremistskoi napravленности: problemy zakonodatel'stva i pravoprimeneniya: dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 2012. 484 s.
3. Burkovskaya V.A. Kriminal'nyi religioznyi ekstremizm: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie osnovy protivodeistviya: dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 2006. 469 s.
4. Gluzdak G.N., Bulgakova L.S. Pomyatie publichnykh prizyvov kak priznaka ob"ektivnoi storony protivopravnogo deyaniya // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii. 2023. № 2 (36). S. 44-49.
5. Izolitov A.S. Publichnye prizyvy k protivopravnoi deyatel'nosti: problemy ugolovnoi otvetstvennosti // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2009. № 2 (17). S. 36-41.
6. Kostyleva O.V. Publichnye prizyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoi deyatel'nosti, publichnoe opravdanie i propaganda terrorizma: ugolovno-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2024. 33 s.
7. Kulikov M.P. Publichnye prizyvy k ekstremizmu i institut souchastiya: sopostavitel'nyi analiz // Akademicheskaya publitsistika. 2022. № 7-1. S. 140-145.
8. Nazarova I.S., Shenshin V.M. Protivodeistvie ekstremizmu: osnovnoi ponyatiino-kategorial'nyi apparat. Belgorod, 2020. 96 s.
9. Novoselova A.N., Zaitseva A.A. Sootnoshenie ponyatiy "propaganda" i "prizyv" v kontekste sudebno-lingvisticheskoi ekspertizy // Zakonnost' i pravoporyadok. 2023. № 2 (38). S. 48-51.

10. Ozhegov S.I., Shvkova N.Yu. Tolkovi slovar' russkogo yazyka. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=29946>.
11. Pudovochkin Yu.E. Prestupleniya protiv bezopasnosti gosudarstva. M., 2009. 330 s.
12. Puchkov V.O. Ponyatiya v pravovoi nauke: metodologicheskie voprosy sushchnosti // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2021. № 2 (29). S. 133-150.
13. Fridinskii S.N. Protivodeistvie ekstremistskoi deyatel'nosti (ekstremizma) v Rossii (sotsial'no-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie): dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 2011. 366 s.
14. Chernyavskii D.O. Ugolovno-pravovaya kharakteristika publichnykh prizyvov k narusheniyu territorial'noi tselostnosti Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2017. 29 s.
15. Sheveleva S.V. Transformatsiya "prizyvnykh" prestuplenii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2023. № 4 (849). S. 127-133.
16. Shibzukhov Z.A. Ugolovnaya otvetstvennost' za publichnye prizyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoi deyatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2012. 181 s.
17. Shumilov A.Yu. Prestupleniya protiv osnov konstitutsionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva (kommentarii k glave 29 UK RF). M., 2001. 204 s.

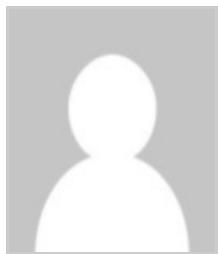
On the concept of 'personal information' and 'personal data' in China and Russia

Zhang Lu

Postgraduate student; Faculty of Law; St. Petersburg State University

Russia, St. Petersburg, 22 liniya V.O., 7

✉ marshazlu@163.com

Abstract. This article examines the concepts of 'personal information' in the Law of the People's Republic of China 'On Protection of Personal Information' and 'personal data' in the Federal Law of the Russian Federation 'On Personal Data'. Three theories are used to analyse the approaches to the definition of these concepts: identification theory, linkage theory and privacy theory. The main attention is paid to the differences and similarities in the concepts of 'personal information' and 'personal data', as well as their classification within the framework of Chinese and Russian law. The similarities and differences between the two concepts under the laws of the two countries are analysed from two aspects: different ways of identifying the object and different subjects of identification. The aim of the article is to clarify the similarities and differences between the concepts of 'personal information' and 'personal data' used in Chinese and Russian legislation by comparing and analysing their theoretical foundations, definitional approaches, the history of the concepts and the reasons for their use, as well as their main classifications. The main research methods used in this work include literature analysis, comparative analysis, and case analysis. The main conclusions of the article are that there is no significant difference in content between "personal information" in the PRC Law on Personal Information Protection and "personal data" in the Russian Federal Law on Personal Data. The concepts of personal information and personal data are undoubtedly fundamental to the protection of personal information. However, numerous problems identified in judicial practice reflect the uncertainty of the concept of personal

information and the complexity of its practical application. With the development of technologies in the era of big data, the protection of personal information faces new challenges. This is especially true against the backdrop of data fragmentation, where individual pieces of information can be linked, combined, and matched, allowing for the re-identification of specific individuals. Such dynamism and variability make traditional fixed concepts difficult to apply in real-world conditions. Therefore, future legislation should maintain flexibility and elasticity in defining personal information, adapting to changes in the development of information technologies and continuously adjusting and improving relevant legislation in accordance with the actual situation.

Keywords: information protection, Russia, China, data protection, laws, comparative analysis, Russian legislation, Chinese legislation, personal data, personal information

References (transliterated)

1. Yui S.L. O lichnoi informatsii i personal'nykh dannykh v yuridicheskoi nauke // Shankhaiskoe yuridicheskoe issledovanie. 2021. T. 19. № 67. S. 131-134.
2. Lyu Lyan'tszyun'. Razliche mezhdu personal'noi informatsiei i personal'nyimi dannymi // Tsyuso. 2022. № 5. S. 151-159.
3. Naumov V.B., Arkhipov V.V. Ponyatie personal'nykh dannykh: interpretatsiya v usloviyakh razvitiya informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii // Ekonomika i pravo. 2020. № 2. S. 188-190.
4. Duman A.S. Novaya paradigma zashchity i upravleniya personal'nyimi dannymi. M.: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016. S. 192.
5. Tszin' Yu.L. Chetyrekhurovnevaya interpretatsiya i razliche ponyatii "informatsiya" i "dannye" s tochki zreniya zakonodatel'stva // Setevaya bezopasnost' i upravlenie dannymi. 2024. № 7. S. 90.
6. Chernus' N.Yu., Sun' Yuipen. Problemy zashchity personal'nykh dannykh v Rossii i Kitae: sravnitel'no-pravovoi analiz // Yuridicheskaya nauka i praktika. 2023. T. 19, № 3. S. 71-73.
7. Gao Ts.V. Refleksiya i rekonstruktsiya kontseptsii personal'noi informatsii - teoreticheskaya opravnaya tochka zakonodatel'stva i praktiki // Zhurnal prava Narodnogo universiteta Kitaya. 2019. № 1. S. 213-215.
8. Mass. Gen. Laws Ann. Ch. 93H, § 1. West, 2007.
9. Chen S. Opredelenie i suzhdenie ob ob"eme lichnoi informatsii // Zhurnal Vushan'skogo universiteta (filosofiya i obshchestvennye nauki). 2024. № 4. S. 136.
10. Khan S. Chzhi. Issledovanie yuridicheskogo opredeleniya i tipizatsii personal'noi informatsii. M.: Yuridicheskaya publikatsiya, 2018. S. 33.
11. Din S.D. O neopredelennosti kontseptsii personal'noi informatsii i ee yuridicheskem reagirovaniyu // Zhurnal sravnitel'nogo prava. 2022. № 5. S. 48-49.
12. Platonova N.I. Sovremennyi podkhod k ponimaniyu personal'nykh dannykh // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2017. № 5. S. 12-13.
13. Li L.F., Van Ts.S. Postroenie sistemy pravovoi zashchity personal'nykh dannykh: na osnove opredeleniya i klassifikatsii informatsii // Zhurnal prava i politologii Khenan'skogo universiteta finansov i ekonomiki. 2023. T. 38, № 2. S. 2-5.
14. Gao F.P. Zashchita personal'noi informatsii: ot lichnogo kontrolya k sotsial'nomu kontrolyu // Issledovaniya v oblasti prava. 2018. № 3. S. 94.
15. Savel'ev A.I. Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 27.07.2006 № 149-FZ "Ob

- informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i zashchite informatsii" (postateinyi). M.: Statut, 2015.
16. U Ch.Kh., Khuan Ts.N. Ekspansiya modeli upravleniya dannymi ES i otvetnye mery Kitaya // Nauka i tekhnologii i pravo (kitaiskii i angliiskii). 2024. № 6. S. 34-43.
17. Van Ts.G. Pravovoe tolkovanie i upravlenie primeneniem tekhnologii blokchein dlya zashchity personal'nykh dannykh // Vestnik Severo-Zapadnogo universiteta natsional'nostei (filosofiya i sotsial'nye nauki). 2021. № 6. S. 107-117.

Issues of legal regulation of the implementation of the main directions of scientific and technological development in Russia.

Ostroushko Aleksandr Vladimirovich

PhD in Law

Associate Professor, Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation

38 Shcherbakovskaya Lane, office 805, Moscow, 109542, Russia

✉️ ostroushko@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the mechanism of legal regulation of the processes for the implementation of national programs in the field of scientific and technological development of the Russian Federation. The work analyzes the theoretical and legal foundations of this institution; it examines the targeted directions for the development of legal regulation specified in the National Projects and other documents regulating the achievement of national development goals; it analyzes the current state and compliance of existing legal mechanisms with established priorities; it identifies shortcomings and conflicts in the regulation of scientific and technological development; it proposes measures to improve its normative regulation and organizational-legal forms for the practical implementation of the provisions of strategic planning documents. Special attention is given to the fact that the documents containing the fundamental principles of state policy in this area pay insufficient attention to legal regulation, primarily stating goals and tasks, as well as planned outcomes to be achieved. It is justified that it is necessary to supplement and expand the regulation of technological development directions both with newly adopted normative legal acts and by amending existing ones.

To conduct the research, a methodology was used that included an analytical review of strategic planning documents, the normative legal framework, drafts of normative legal acts, and scientific literature on the subject of research, as well as the generalization and systematization of data and the formation of proposals to resolve the identified problems. The results of the research showed the inadequacy of the existing legal framework for the effective implementation of measures to achieve scientific and technological development. Thus, the main criteria and a list of indicators for assessing the effectiveness of the activities of federal executive authorities for achieving prioritized directions of scientific and technological development have not been established. The legal norms that define specific steps for the implementation of the main directions of scientific and technological development of the Russian Federation at the current stage of the implementation of National Projects are still in the formation stage, which corresponds to the criteria outlined in the foundational documents. The novelty of the research lies in the identification and justification of the potential of the legal regulation mechanism in the field of scientific and technological development. Specific

ways to improve legal regulation for each of the seven directions of scientific and technological development are proposed. In particular, changes to Federal Law No. 127-FZ "On Science and State Scientific and Technological Policy" and recommendations for the creation of a technological code are suggested.

Keywords: improvement of legislation, legality, deficiencies in regulation, collisions, national projects, import substitution, legal regulation, technological sovereignty, scientific and technological development, strategic planning

References (transliterated)

1. Artemov N. M., Sitnik A. A. Protivodeistvie antirossiiskim sanktsiyam v platezhnoi i valyutnoi sfereakh // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2022. № 6. S. 50. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.139.6.048-062. EDN: HRCWEJ.
2. Ageev V.N. K voprosu o strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2024. № 5. S. 25-38. DOI: 10.7256/2454-0668.2024.5.71704 EDN: FGBOHP URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=71704
3. Mishustin utverdil edinyi plan dostizheniya natsional'nykh tselei razvitiya // RG. 2025. 9 yanv.
4. Umnova-Konyukhova I. A. Transformatsiya sovremennoj prava pod vliyaniem nauchno-tehnologicheskogo razvitiya: obshchie tendentsii i opyt Rossii // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo: Referativnyi zhurnal. 2024. № 4. S. 9-25. DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.01. EDN: BHRMEX.
5. Stepanov P. V. Kul'tura pravotvorchestva v tsifrovyyu epokhu // Zhurnal rossiiskogo prava. 2024. № 10. S. 17-32. DOI: 10.61205/jrp.2024.10.2. EDN: ZFYXVZ.
6. Stepanov P. V. Podkhody k ponimaniyu tsifrovogo suvereniteta Rossii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2024. T. 28. № 4. S. 37-51. DOI: 10.61205/jrp.2024.4.1. EDN: RHIXXR.
7. Ershova I. V., En'kova E. E. Pravo i real'nyi sektor ekonomiki Rossii // Khozyaistvo i pravo. 2024. № 9. S. 3-12. DOI: 10.18572/0134-2398-2024-9-3-12. EDN: NMEOAZ.
8. Vanyurikhin F. G., Nazyuta S. V., Ostrovskaya A. A., Chursin A. A. Puti formirovaniya natsional'nogo tekhnologicheskogo prevoskhodstva Rossiiskoi Federatsii v sovremenyykh usloviyakh // Gorizonty ekonomiki. 2024. № 3(83). S. 5-9. EDN: TPZVQQ.
9. Terenichenko A. A. Pravovye aspeky i problematika realizatsii osnovnykh napravlenii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2020. № 3 (183). S. 67-70. EDN: PHIMZE.
10. Terenichenko A. A. Pravovoe regulirovanie primeneniya GRID-tehnologii kak resurs sovremennoj etapy tsifrovizatsii rossiiskogo obshchestva // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2020. № 4(184). S. 74-83. EDN: MIHRRU.
11. Gareev T. R. Tekhnologicheskii suverenitet: ot kontseptual'nykh protivorechii k prakticheskoi realizatsii // Terra Economicus. 2023. № 21(4). S. 38-54. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54. EDN: RAJNXU.
12. Pesotskii A. A. Nauchno-tehnologicheskoe razvitiye v sisteme ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii: aspeky gosudarstvennoi politiki // Kant. 2025. № 1(54). S. 13.
13. Ivanov V. V. Osnovnye napravleniya gosudarstvennoi politiki obespecheniya tekhnologicheskogo suvereniteta // Ekonomika nauki. 2024. № 10(1). S. 10-20.

14. Weinstein E., Lee C., Fedasiuk R., Puglisi A. China's State Key Laboratory System: A View into China's Innovation System. Center for Security and Emerging Technology. June 2022.
15. Ostrovskii A. V., Afonas'eva A. V., Kamennov P. B. Perspektivy razvitiya nauki, tekhniki i innovatsii v KNR // Vostochnaya Aziya: fakty i analitika. 2019. № 2. S. 6-28.
16. Yasinskii V. A., Kozhevnikov M. Yu. Bor'ba za tekhnologicheskii suverenitet: opyt Kitaya i uroki dlya Rossii // Problemy prognozirovaniya. 2020. № 5 (200). S. 196-209.
17. O dolgosrochnom nauchno-tehnologicheskem razvitiu Rossii: monografiya / Pod red. D. R. Belousova i I. E. Frolova. M.: Dinamik print, 2022. 168 s.
18. Anichkin E. S. Pravovoe obespechenie tekhnologicheskogo suvereniteta Rossii: sovremennoe sostoyanie i rezervy sovershenstvovaniya // Rossiisko-aziatskii pravovoi zhurnal. 2024. № 2. S. 12-16. DOI: 10.14258/ralj(2024)2.3. EDN: WYTKLV.
19. The 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index. Deloitte, USA. P. 17. URL: <https://www2.deloitte.com/global/en/pages/manufacturing/articles/global-manufacturing-competitiveness-index.html> (data obrashcheniya: 02.06.2025).
20. Abdikeev N. M., Bogachev Yu. S., Moreva E. L. Napravleniya sovershenstvovaniya gosudarstvennogo regulirovaniya promyshlennogo razvitiya // Uchet. Analiz. Audit. 2018. № 4. S. 14-29. DOI: 10.26794/2408-9303-2018-5-4-14-29. EDN: XYNLWP.
21. Sergeeva K. N. Problemy razvitiya vysokotekhnologichnogo sektora v sovremennykh usloviyakh i puti ikh resheniya // Vestnik evraziiskoi nauki. 2023. T. 15. № 2. EDN: VOEGFA.
22. Navigator mer gosudarstvennoi podderzhki Ministerstva promyshlennosti i torgovli RF. URL: <https://gisp.gov.ru/support-measures/> (data obrashcheniya: 02.06.2025).
23. Anichkin E. S., Vasil'ev A. A., Kulikov E. A. i dr. Pravovoe regulirovaniye mezhdunarodnogo nauchnogo i nauchno-tehnicheskogo partnerstva v ramkakh Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva. Barnaul, 2022. S. 204-207. EDN: INSREW.
24. Lapaeva V. V. Tekhnologicheskii suverenitet Rossii: pravovye problemy // Naukovedcheskie issledovaniya. 2023. № 2. S. 60-72. DOI: 10.31249/scis/2023.02.04. EDN: MNTSBS.
25. Ostroushko A. V. Ob osnovnykh napravleniyakh pravovo zashchity intellektual'nykh prav rossiiskikh uchastnikov zarubezhnykh proektor klassa "megasaiens" // Juridicheskie issledovaniya. 2021. № 9. S. 158-173.
26. Matvienko poruchila podgotovit' k denonsatsii nevygodnye Rossii dogovory. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65e837589a7947b5b43be6d8> (data obrashcheniya: 02.06.2025).
27. Samokhvalov V. V. Molekulyarno-geneticheskie aspekty razvitiya ishemicheskogo insul'ta // Tavricheskii mediko-biologicheskii vestnik. 2013. T. 16, № 1-3. S. 157-159. EDN: TFRGYN.
28. Romanovskii G. B. Pravovaya politika v sfere personalizirovannoj meditsiny // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2020. № 1 (29). S. 54-62. DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-1-7. EDN: TBQPZC.

Judicial constitutional review and the transformation of modern constitutionalism: problems of harmonization and development

PhD in Pedagogy

Scientific Secretary, All-Russian Scientific Research Institute of Physico-Technical and Radio Engineering Measurements (FSUE)

140570, Russia, Moscow region, Mendeleev village, VNIIFTRI industrial zone, 11

✉ psu70@bk.ru

Abstract. The relevance of the research topic lies in the significance of judicial constitutional review as a key institution that ensures stability and development of the constitutional order in modern legal systems. In the context of the transformation of constitutionalism, accompanied by globalization, digitalization, and increasing challenges to national sovereignties, the role of judicial bodies in protecting the Constitution becomes increasingly prominent and multifaceted. The issue of harmonizing judicial review within pluralistic legal systems and amid competing jurisdictions remains unresolved, leading to legal uncertainty and risks of legal fragmentation. The topic of judicial review is timely given the rise of judicial activism, as well as the role of courts in law-making and ensuring a balance of interests amidst political and social changes. It acquires special significance in the context of post-classical constitutionalism. In this regard, the study of the problem of harmonizing judicial review aims to identify ways to integrate national judicial systems in the context of global legal standards and regional institutions. The methodology of the research is based on comparative and institutional approaches, allowing for an analysis of various models of judicial constitutional review in different countries and at various levels. To this end, methods of analyzing judicial practice, as well as historical-legal and regulatory approaches, were utilized. The novelty of the research lies in the integration of various theoretical and practical approaches to judicial constitutional review in conditions of globalization and transformation of legal systems. The article emphasizes changes in the role of courts, their interaction with political and social processes, as well as new challenges that require a rethinking of the boundaries of judicial power. It demonstrates how constitutional review becomes not only a tool for protecting the Constitution but also a factor of legal progress and resilience in times of crisis of representation. The necessity of institutionalizing judicial interaction, strengthening the legal responsibility of judges, and enhancing the links between justice and society is substantiated. In conclusion, the importance of digitalization of judicial proceedings for enhancing the accountability of courts and increasing the efficiency of their review is emphasized. The development of proposals for harmonizing judicial review can serve as a foundation for further changes in national constitutional systems and international legal practice.

Keywords: sovereignty, law-making, digitalization, institutional interaction, globalization, harmonization of legal systems, legal activism, transformation of constitutionalism, judicial constitutional review, legal fragmentation

References (transliterated)

1. Liverovskii A.A. Organy konstitutsionnoi yustitsii kak "kvazisudy" // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. 2010. № 3. S. 23-27.
2. Romanov A.Yu. Razvitie idei o sudebnom pravotvorchestve v doktrine, zakonodatel'stve i sudebnoi praktike // Obrazovanie i pravo. 2020. № 1. S. 193-198. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10128. EDN: BPUGRC.
3. Kravets I.A. Konstitutsionnoe pravosudie: teoriya sudebnogo konstitutsionnogo prava i praktika sudebnogo konstitutsionnogo protsessa. Uchebnoe posobie. - M.: 2017. - 400

- s. EDN: YTMPLV.
4. Sweet A.S. *Governing with Judges: Constitutional Politics in Europe*. Oxford University Press, 2000. 248 p.
 5. Bondar' N.S. *Konstitutsionnyi kontrol' v sisteme normokontrol'nykh funktsii sudebnoi vlasti* // *Sud'ya*. 2021. № 10 (130). S. 11-16. DOI: 10.52433/18178170_2021_10_11. EDN: HKUXEJ.
 6. Brezhnev O.V. *Obyazatel'nyi sudebnyi konstitutsionnyi kontrol' v Rossii: problemy teorii i praktiki* // *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2019. № 3 (100). S. 67-74. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.100.3.067-074. EDN: OHGAJQ.
 7. Kravets I.A. *Tolkovanie konstitutsii i sudebnyi konstitutsionnyi kontrol'*. Novosibirsk, 2004. 102 s. EDN: UMXDVU.
 8. Stone Sweet, A. *Governing with Judges: Constitutional Politics in Europe*. Oxford University Press, 2000. 248 p.
 9. Kumm, M. *The cosmopolitan turn in constitutionalism: On the relationship between constitutionalism in and beyond the state*. In: Dunoff J.L., Trachtman J.P. (Eds.). *Ruling the World? Constitutionalism, International Law, and Global Governance*. 2009. S. 258-325.
 10. Loughlin, M. *The Idea of Public Law*. Oxford University Press, 2003. 199 p.
 11. Shany, Y. *Assessing the Effectiveness of International Courts*. Oxford University Press, 2014. 344 p.
 12. Berger, R. *Government by Judiciary: The Transformation of the Fourteenth Amendment*. Harvard University Press, 1977.
 13. Kramer, L. *The People Themselves: Popular Constitutionalism and Judicial Review*. Oxford University Press, 2004.
 14. Kelsen, H. *Der Vorentwurf der österreichischen Verfassung*. Neue Freie Presse, 1920.
 15. Barnert E., Doll N. *Conference Impressions: The Persisting Riddle of Fundamental Rights Jurisprudence and the Role of the Constitutional Court in a Democratic State*. *German Law Journal*. 2003. № 4(3). S. 277-280.
 16. Häberle, P. *Verfassung als öffentlicher Prozeß: Materialien zu einer Verfassungstheorie der offenen Gesellschaft*. *Schriften zum Öffentlichen Recht (SÖR)*, Band 353. 3. Aufl. 1998. IV, 881 S.
 17. Pollicino, O. *The quadrangular shape of the geometry of digital power(s) and the move towards a procedural digital constitutionalism*. *European Law Journal*. 2023. 29(1). S. 10-30. DOI: 10.1111/eulj.12472. EDN: LFIDGX.
 18. Etcheverry, J.B. *Rule of Law and Judicial Discretion: Their Compatibility and Reciprocal Limitation*. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 2018. 104. S. 121-134.
 19. Leite, G.S. *Passiveness, Activism and Constitutional Bullying: The Supreme Federal Court and Brazil's Fragile Rule of Law*. *ICL Journal*. 2023. Vol. 17, № 3. S. 233-250. DOI: 10.1515/icl-2023-0041. EDN: RHWUJW.
 20. Amtenbrink, F., Repasi, R. *The German Federal Constitutional Court's Decision in Weiss: A Contextual Analysis*. *European Law Review*. 2020. 45(6). S. 757-778.
 21. Kranz, J. *Supremacy Over Primacy...? Reflections on Legal Controversies between Poland and the European Union (2015-2023)*. *Polish Yearbook of International Law*. 2023. 43. S. 13-41.
 22. Casarosa, F., Moraru, M. (Eds.). *The Practice of Judicial Interaction in the Field of Fundamental Rights: The Added Value of the Charter of Fundamental Rights of the EU*. Edward Elgar Publishing, 2022. 448 p.

23. Supreme Court of the United Kingdom. Public International Law in the Supreme Court of the United Kingdom. 2nd ed. 2024. 64 p.
24. De Jaegere, J. Judicial Review and Strategic Behaviour: An Empirical Case Law Analysis of the Belgian Constitutional Court. Intersentia, 2019. 368 p.
25. Vershinina, S.I. Vliyanie tsifrovyykh tekhnologii na sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya ugolovno-protsessual'noi deyatel'nosti / S.I. Vershinina, V.A. Lazareva // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 7. S. 100-110. DOI: 10.31857/S102694520022898-8. EDN: FFQYBW.
26. Besselink, L.F.M. National and constitutional identity before and after Lisbon. Utrecht Law Review. 2007. 6(3). S. 36-49.
27. Dworkin, R. Freedom's Law: The Moral Reading of the American Constitution. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 389 p.
28. Hirsch, R. The Political Origins of Judicial Empowerment through Constitutionalization: Lessons from Four Constitutional Revolutions. Law & Social Inquiry. 2000. 25(1). S. 91-149.
29. Loughlin, M. The concept of constituent power. European Journal of Political Theory. 2013. 13(2). S. 218-237.

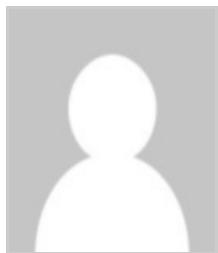
The personological factor in the criminal law assessment of accidents involving personal mobility means users: gaps in legislation and judicial practice

Dimovskikh Anastasiya Feliksovna

Postgraduate student; Faculty of Law; Moscow Financial and Industrial University 'Synergy'
Lawyer; Lawyer's office Dymovskikh A.F.

123298, Moscow, a/z 37

✉ ghost976@yandex.ru

Abstract. The subject of the present study is the set of criminal-legal and criminologically significant characteristics that determine the influence of personological traits of personal mobility transport (PMT) operators (PMD users) on the qualification of the offense and the individualization of punishment in cases involving serious consequences of traffic accidents. The aim of the work is to identify the role of the personological factor in the qualification and sentencing of offenses related to the operation of electric scooters. The methodological basis consists of the dialectical paradigm of the relationship between the biological and the social, the criminological theory of integral risk, and the cognitive-psychological concept of transport competence. The comparative-legal method involves comparing normative constructs to identify gaps in legislation; modeling involves developing the concept of the "Personological Danger Scale for PMD Operators" (PDS-PMD) as an expert tool for sentencing. The results of the study demonstrate a transformation of the normative-legal paradigm: in the absence of a specialized criminal offense, the emphasis shifts from formal criteria of mechanical vehicles to the individual-personal characteristics of the subject. It seems appropriate to amend the disposition of Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation by extending its application to persons operating PMTs who violate federal normative legal acts and rules of PMT operation if such actions cause serious harm to health or death of the victim. Introducing these changes will overcome the existing gap in the nature of criminal-legal protection in the field of micromobility and ensure lateral consistency with Articles 264 and 268 of the Criminal Code, which corresponds to the principles of systematicity and internal coherence of criminal

legislation. Furthermore, the developed scale of personological (criminological) danger for PMT users is proposed, based on a combination of factors including offending behavior, degree of compliance with traffic rules, and individual psychological characteristics of the subject. The practical significance of this scale lies in its potential application for individualizing punishment, forming preventive programs, and regulating access to PMDs in conditions of increased accident risk, which in turn contributes to the unification of law enforcement practice and enhances the effectiveness of preventive measures in the relevant field.

Keywords: subject of the crime, personality of the offender, transport competence, micromobility, differentiation of punishment, traffic accidents, negligent harm, criminal liability, personal factor, individual mobility devices

References (transliterated)

1. Efimova, E. O. Lichnost' voditelya i situatsiya v mekhanizme soversheniya dorozhno-transportnykh prestuplenii : spetsial'nost' 12.00.08 "Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo" : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Efimova Elena Olegovna. – 2014. – 205 s. EDN: MIQYLU.
2. Fortova, L. K. Pravovoe povedenie nesovershennoletnikh i ego determinatsiya : spetsial'nost' 12.00.01 "Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenii o prave i gosudarstve" : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Fortova Lyubov' Konstantinovna. – Vladimir, 2007. – 154 s. EDN: NOVEGV.
3. Psikhologicheskie osobennosti cheloveka pri upravlenii avtomobil'nym transportom: uchebnoe posobie / V. Ya. Builenko, S. V. Zhankaziev, V. V. Dementienko, Yu. A. Korotkova, M. V. Gavril'yuk. – M.: MADI, 2017. – 172 s. EDN: ZRGGPZ.
4. Rodionov, Yu. V. Metodiki ekspertnogo issledovaniya stolknovenii transportnykh sredstv: monografiya / Yu. V. Rodionov, E. A. Novopisnyi. – Penza: PGUAS, 2015. – 188 s. EDN: UYZSGR.
5. Dubinin, N. P. Genetika, povedenie, otvetstvennost' : o prirode antiobshchestvennykh postupkov i putyakh ikh preduprezhdeniya / N. P. Dubinin, I. I. Karpets, V. N. Kudryavtsev. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Politizdat, 1989. – 351 s. EDN: ZGWSZD.
6. Potapenko, O. A. Psikhofiziologicheskie i psikhologicheskie osobennosti nesovershennoletnikh prestupnikov s raznym tipom agressivnogo povedeniya : dissertatsiya ... kandidata psikhologicheskikh nauk : 19.00.02. – Rostov-na-Donu, 2002. – 158 s. EDN: NMCAPR.
7. Domke, E. R. Rassledovanie i ekspertiza dorozhno-transportnykh proisshestvii: uchebnoe posobie po napravleniyu podgotovki 23.03.01 "Tekhnologiya transportnykh protsessov". – Penza: PGUAS, 2016. – 240 s. EDN: ZEBWPR.
8. Emel'yanova, L. A. Psikhologiya deviantnogo povedeniya : uchebno-metodicheskoe posobie / L. A. Emel'yanova, A. Yu. Shvatskii. – 2-e izd., ster. – Moskva : Flinta, 2022. – 112 s.
9. Zmanovskaya, E. V. Psikhologiya deviantnogo povedeniya : strukturno-dinamicheskii podkhod : avtoreferat dis. ... doktora psikhologicheskikh nauk : 19.00.06 / S.-Peterb. un-t MVD RF. – Sankt-Peterburg, 2006. – 49 s. EDN: ZNRNQF.
10. Derzhanskii, V. B., Taratorkin, I. A. Algoritmy upravleniya dvizheniem transportnoi mashiny: monografiya. – Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2010. – 142 s. EDN: QNWPZ.
11. Kornilova, T. V. Eksperimental'naya psikhologiya: teoriya i metody. – M.: "Aspekt

- Press", 2002. – 381 s. EDN: YGEEOC.
12. Kora, N. A. Psikhologiya ekstremal'nykh i kriticheskikh situatsii: uchebnoe posobie. – Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 2020. – 145 s.
13. GIATs MVD RF. URL:
https://mvd.rf/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen/Publikacii_i_vistuplenija/1/ (data obrashcheniya: 16.05.2025).
14. Obzory sudebnoi statistiki. URL: <https://www.vsrf.ru/documents/statistics/32699/> (data obrashcheniya: 16.05.2025).
15. Karitskii, I. N. Teoretiko-metodologicheskoe issledovanie sotsial'no-psikhologicheskikh praktik. – M.: MAPN; Chelyabinsk: Sotsium, 2002. – 258 s.
16. Sheveleva, S. V. Kriminologiya: uchebnoe posobie / S. V. Sheveleva, A. A. Greben'kov; V. E. Novichkov; Otv. red. A. A. Greben'kov; Yugo-Zap. gos. un-t. – Kursk, 2011. – 298 s. EDN: QSACWL.
17. Markuntsov, S. A., Polubinskaya, S. V. Nauchnye vzglyady V. N. Kudryavtseva: vchera, segodnya i завтра // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. – 2023. – T. 16. – № 3. – S. 4-33. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.3.4.33 EDN: TCAARA.
18. Machul'skaya, I. G. Pravovoe regulirovanie i organizatsiya dorozhnogo dvizheniya: zarubezhnyi opty / I. G. Machul'skaya // Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii RF. – 2006. – № 15. – S. 10-13.
19. V MVD rasskazali, kto chashche vsego gibnet v DTP s elektrosamokatami [Elektronnyi resurs] // Fontanka.ru. – 18.04.2025. – URL:
<https://www.fontanka.ru/2021/07/15/70027265> (data obrashcheniya: 24.05.2025).
20. Petrov, S. A. Problemy ugolovno-pravovogo regulirovaniya sredstv individual'noi mobil'nosti kak istochnika povyshennoi opasnosti // Sovremennaya nauka. – 2023. – № 2. – S. 23-26. EDN: GLKVN.